

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Девять с половиной

Мужчина нужен женщине для того, чтобы быть слабой. Сильной она может быть и без него!

Пролог

На восточном базаре трое нищих окружили старика в одежде дервиша, который ехал на маленьком лопухом ослике с грустными глазами.

- Что есть жизнь? - спросил один из нищих, одетый в драные грязные шаровары и жилетку.

- Возможность чувствовать, быть, - невозмутимо ответил старик, не останавливаясь.

Ослик посмотрел на вопрошающего грустными глазами и кивнул.

- Что есть чувства? - влез второй, поправляя засаленный бурнус непонятого цвета.

- Возможность ощущать дыхание этого мира, - пояснил дервиш, следуя только одному ему известным маршрутом.

Ослик бойчее застучал маленькими копытцами.

- Что есть сущность? - закрутился вокруг парочки третий, сверкая смуглой кожей через прорехи рваного кафтана.

- То, что делает нас живыми, - растолковал пожилой мужчина троице, крутящейся вокруг него в непонятном танце.

- Кто ты?.. Кто вы?.. - загомонили, провыли на разные голоса странные нищие.

- Мы - те, кто выбирают сами, кем быть. В этом выборе нет третьих лиц. Ты выбираешь и живешь с этим выбором, пока выбор не становится жизнью. Это и есть Судьба... - усмехнулся дервиш. - Хотите, я расскажу вам историю о...

- Мы увидим ее сами! - крикнули нищие, становясь песчаными вихрями и уносясь прочь. - Мы видим все! Все!

- Видите глазами и слепы душой, - фыркнул старик, продолжая свой путь. - Лишь те, кому суждено, увидят в этой истории любовь, борьбу и познание... Для остальных это всего лишь сказка...

Глава 1

Когда что-то долго ищешь, то всегда что-нибудь найдешь. Иногда даже нужное...

Осень вступила в свои права: позолотила деревья, подернула свинцовой пленкой небо, заплакала мелкими злыми слезами уходящей в зиму одинокой старости...

Я шла под морозящим непрекращающимся дождем, загибая ногами опавшие листья, и грустно перебирала гладкие камешки-голыши в кармане. Их ровно восемь, а надо девять, одного не хватает. В этом-то и вся беда.

У меня сегодня выдался на редкость невезучий день. Все началось с того, что мой гражданский муж Дмитрий, с которым мы прожили вместе три года, собрал утром сумку и с глухой враждебностью оповестил меня:

- Прощай. Я ухожу.

На мой недоуменный вопрос: «В чем дело? Почему вот так сразу, резко? Я чем-то обидела тебя? У тебя проблемы, о которых я не знаю? Другая женщина? Что-то стряслось?» - он пожал широкими плечами и с мрачной решимостью ответил:

- Конечно же другая женщина, а больше ты ничего не надумала? Просто надоело все. Устал от тебя и этой дерьмовой скучной жизни. Хочу чего-то нового, денег, тачку поприличнее, какой-то перспективы хочу! У всех бабы как бабы, а ты - дура... - И ушел не оглядываясь, оставив меня одну.

Вот так просто: «Я ухожу». Как будто не было этих лет... Словно он каждый раз после очередного запоя, пьяного дебоша или скандала не умолял: «Прости. Не уходи. Ты нужна мне как жизнь, как дыхание. Я перестану пить. Только будь рядом, я все сделаю, я изменюсь».

Ну да, изменился он. Ага, как же. Только в худшую сторону. Пить стал больше, работать меньше, а во мне окончательно перестал видеть человека. Деньги отдавать тоже перестал, от слова «совсем». Который месяц я с трудом обеспечивала наше существование, включая снеки и пиво для мужа и его друзей, целиком из своего кармана. Зато я превратилась для него в домашнего любимца, который по первому слову приносит в зубах тапочки и на которого по пьяной лавочке не зазорно поднять руку. Безделье и власть над кем-то развращают, даже если это лишь иллюзия власти.

Устал... И надоело или надоела? Что ж, Митя, перспективы так перспективы, против такого аргумента и с бульдозером не попрешь. Прощай и не грусти...

Впрочем, не важно. Бог с ним. Хватит киснуть, давно пора выходить из глубокой депрессии, куда я загнала сама себя.

Да, я боюсь чертова колдуна, признаю. До дрожи, до подгибающихся коленок, до криков ужаса. Боюсь так, что мне страшно высунуться на улицу, войти в толпу, прокатиться в метро. Его образина мерещится мне на каждом шагу, заставляя обливаться холодным потом. В каждой витрине, газете, в цветном журнале, в каждом уличном баннере мне чудится его злорадная улыбка, в ушах смертельной музыкой звучит последнее обещание.

Но этот страх меня почти убил. Смысл бояться ЕГО, чтобы превратиться в домашнюю собачку пивного алкоголика, почти бомжа? Мне! Не смешно.

И меня замучили сны. Сны, в которых ко мне приходит мельком мой синеглазый воин. Наверное, любой психиатр скажет, что он - плод моего воображения. Или что это моя сублимация. А может, что я наконец в состоянии принять свои потребности и храбро посмотреть им в лицо. Но я знаю, что это не так.

Солнце мое, синеглазый воин... любовь моя, печаль моя. Минуло много лет, а твой образ стоит перед глазами запретной размазанной темной дымкой, я не вижу и не узнаю твое лицо, только любящие и любимые глаза.

И я устала искать тебя через годы и расстояния, встречать и терять бесконечное

количество раз. Не хочу больше, не выдержу – сломаюсь. Я уже почти сломалась, превратилась в дрожащую крысу, которой бьют током по оголенным нервам, в медузу, в желе, которое трясется от малейшего движения.

Хватит. Больше я не сдамся. Даже без последнего камня жизнь продолжается. А ты, любимый, на этот раз живи. Живи без меня. Я сильная, я справлюсь. И ты сильный, я знаю. Не встретив свою погибель, ты женишься и заведешь кучу красивых детей. У тебя все будет хорошо, потому что иначе быть не может. Я люблю тебя и буду любить всегда, но ты этого уже не узнаешь. Мое время почти вышло, и это замечательно. Лишь отсутствие последнего камня сильно огорчает меня – ненавижу рабство в любых его проявлениях! Впрочем, и это не важно тоже.

Вторая неприятность случилась на работе. Я работала в маленькой туристической фирме на трехмесячном испытательном сроке, помпезно именуясь менеджером, а на самом деле – оформляла бумаги в посольствах, высиживая долгие очереди, работала на полставки секретарем, варила для всех кофе и еще бегала курьером.

В таких фирмочках обычно мало персонала, они в основном семейного типа: никого из своих не выгонишь, а «свежая кровь» в коротких юбочках и прочие развлечения в основном обеспечиваются за счет притока стажеров, которых меняют как перчатки безо всякой пощады.

Сегодня пришел мой черед.

Как только я пришла утром в офис, меня немедленно вызвал наш хозяин Иван Михайлович Котельников, пожилой обрюзгший мужчина с сальным взглядом, и задал все тот же, уже три месяца повторяемый изо дня в день вопрос:

– Надумала?

– Нет.

Услышав мой ответ, Котельников озлобился и решительно сообщил, припечатав ладонью по столу:

– В таком случае ты уволена. Пиши заявление по собственному желанию, если хочешь получить расчет, и убирайся с глаз моих.

Естественно, я написала и, получив лишь половину честно заработанных копеек, вернулась в пустую съемную квартиру, за которую мне теперь нечем было платить. Но и на этом мои неприятности на сегодня не закончились: оторвалась подошва у единственной пары осенне-зимних сапог. Это было последней каплей, и я заплакала, не представляя, что делать и как жить дальше. Моих денег могло хватить на что-то дешевое, но в таком случае придется голодать.

Пребывая в полнейшем унынии и вытирая слезы, катящие градом из-под темных очков, я даже не заметила, как подошла к перекрестку.

Визг тормозов. Внезапный удар – и я оказалась посередине громадной грязной лужи. «Вот оно, достойное завершение сегодняшнего дня!» – только эта мысль билась в моей несчастной голове, пока я, замерзшая и насквозь промокшая, отползала из-под колес к тротуару.

Хлопнула дверца. В поле моего зрения оказался светловолосый мужчина лет тридцати, жутко рассерженный и начавший кричать, как только увидел ползущую меня:

– Ненормальная!!! Тебе жить надоело?! Какого хрена под колеса бросаешься?

– Извините, – пробормотала я, вытирая слезы рукавом поношенной куртки неопределенного цвета. – Я сама виновата... Задумалась.

Он присел рядом на корточки, давая возможность рассмотреть удивительно яркие глаза цвета грозового неба. И, видимо, то ли в нем проснулась совесть, то ли слишком жалкое зрелище я собой представляла, но мужчина сбавил тон и спросил:

– Ты как? Сильно пострадала? В больницу нужно?! Страховка есть? «Скорую» вызвать?

Я прислушалась к ощущениям и мотнула головой:

- Страховки нет. Я совсем не пострадала, лишь испугалась... Вы не беспокойтесь, езжайте дальше. Все в порядке, никому звонить не надо.

Он хмыкнул на мое предложение и вдруг заинтересовался, указывая на темные очки:

- Не мешают? Вроде бы не по погоде аксессуар?

- У меня светобоязнь, - объяснила я, старательно размазывая грязь по лицу одной рукой и одергивая задравшуюся юбку другой.

Колготки, естественно, тоже приказали долго жить, не вынеся моего падения после удара машины. Ко всем вынужденным тратам прибавились еще покупка новых колготок и чистка куртки. Жизнь меня сегодня особенно усердно любила и рьяно пинала во все уязвимые места.

- О чем же ты так замечталась, что машины не заметила? - прервал мои безрадостные размышления блондин.

- Да так, ни о чем особенном, - вздохнула я. - Муж ушел, с работы сегодня уволили, сапоги порвались, денег нет и за квартиру платить нечем. Как видите, сплошные пустяки.

Мужчина присвистнул, задумался на минуту и осведомился:

- Готовить умеешь? Права есть?

Я удивленно кивнула, подтверждая и умение готовить, и наличие прав. Меня еще раз внимательно осмотрели и предложили:

- С мужем, конечно, помочь не могу, это не в моей власти, а вот с работой - запросто. Мне экономка нужна. Предыдущая вышла замуж за отставника и помахала мне ручкой. Проживание и питание за мой счет. Один выходной. Обязанности несложные: завтрак, обед и ужин в определенное время, закупка продуктов и уборка в доме плюс иногда стирка. Испытательный срок два месяца, плачу штуку в месяц.

- Рублей? - спросила я, абсолютно обалдев от такого заманчивого предложения, решающего разом все мои проблемы.

На меня посмотрели как на идиотку и разъяснили:

- Евро. Ну что? Согласна?

Это было даже лучше, чем я могла мечтать. Помимо прочих проблем решалась еще одна, но самая важная: там меня найти будет намного труднее.

- Я согласна.

- Вот и прекрасно! - удовлетворенно заметил мужчина. Просветил: - Меня зовут Максим Александрович Воронцов.

- Эля, - отрекомендовалась я, пытаюсь придать себе устойчивое вертикальное положение.

С любопытством глядя на мои попытки, Максим Александрович соизволил протянуть руку и, схватив за предплечье, выровнять. Ну и силища у него - вцепился, будто стальным захватом!

- Садись в машину, Эля. Поедем знакомиться с рабочим местом, - взял быка за рога... извините, меня за локоть, мой будущий работодатель и потащил к задней двери.

На подходе я начала сопротивляться:

- Я вам тут все запачкаю!

Блондин остановился, окинул взглядом меня, обляпанную грязью в лучших традициях

абстракционизма, потом, безмолвно соглашаясь с моим заявлением, порылся в багажнике джипа и, выудив тряпку, всучил ее мне со словами:

- Постели на сиденье.

Устроившись на заднем сиденье, я с интересом прилипла к окну, рассматривая, куда мы едем. Ехать пришлось минут сорок, до загородного закрытого поселка, что привело меня в дикий восторг. Идеальное место, чтобы спрятаться! Никто посторонний не прорвется, и искать не догадаются. Проехав пропускной пункт и сделав еще пару поворотов по внутренней дороге, мы остановились у довольно внушительного двухэтажного особняка.

Выйдя из машины, Максим проводил меня вовнутрь, показывая немаленьких размеров дом, пока не довел до своего кабинета. Там, усевшись за стол, он потребовал:

- Паспорт и права.

Получив запрашиваемое, проверил документы и вернул мне права, сообщив:

- Паспорт останется у меня на время испытательного срока. Если документ будет нужен - просто скажи заранее.

Я пожалала плечами: не так уж часто мне приходилось пользоваться этим паспортом. Работодатель развалился в кресле и приступил к выдаче инструкций:

- Значит, так... Завтрак в восемь ноль-ноль должен стоять на столе, обед - в четырнадцать ноль-ноль, ужин - в двадцать ноль-ноль. Деньги на продукты будешь получать каждый понедельник. В холодильнике всегда должна стоять охлажденная бутылка шампанского и легкая закуска. Особых пристрастий в еде у меня нет, так что готовь что хочешь, лишь бы вкусно. - Он полез в ящик стола и вытащил связку ключей. - Здесь ключ от входной двери, электронный ключ от гаража и внешних ворот и ключ от «опеля». И еще рекомендация: чем меньше ты будешь мозолить мне глаза, тем дольше проработаешь. Усекла?

Я заверила, что усекла и прониклась, и мне показали место моего нового проживания. Комната мне очень понравилась: она была расположена на первом этаже, не слишком большая, но светлая и уютная. Максим подождал, пока я осмотрюсь, и предложил:

- Оставайся сегодня здесь, а завтра съездишь за вещами и решишь свои дела. Завтрак утром можешь не готовить. Деньги на продукты оставлю на кухонном столе. И еще... подожди, я сейчас вернусь.

Не было его минут десять. За это время я успела рассмотреть обстановку, в которую входили односпальная кровать, прикроватная тумбочка, маленький телевизор и встроенный шкаф. И самое главное - у меня была своя отдельная душевая кабинка и туалет! То ли жизни надоело устраивать мне пакости и она решила ради разнообразия слегка улыбнуться, то ли в кои-то веки я вытащила лотерейный билетик. Такого со мной давненько уже не случалось. Вы даже не представляете себе, насколько давно!

Вернувшийся работодатель протянул стопку одежды и пояснил:

- Нужно тебе во что-то переодеться... Не поедешь же ты завтра во всем грязном! - демонстративно окинул взглядом мой внешний вид. И продолжил: - В ванной есть халат и шлепанцы, здесь футболка и спортивные штаны, а где стиральная машина, ты уже видела. Захочешь есть - холодильник в твоём распоряжении. Хм, и я совсем не буду возражать, если и мне что-то перепадет на ужин...

С этими словами он ушел, а я закрыла дверь на ключ и поторопилась в душевую, но по дороге зацепилась взглядом за зеркало на стене, невольно останавливаясь. Да уж... Как меня не приняли за чучело - неизвестно! Видимо, у Максима Александровича доброе сердце и весьма хорошее зрение, поскольку то, что я вижу в зеркале, женщиной назвать крайне сложно! Белый беретик, давно потерявший форму и обзаведшийся махрушками, стал серым и еще более жалким. Лицо измазано грязью, которую, в свою очередь, прочертили дорожки слез. Цвет куртки вообще определению поддавался с трудом, хотя раньше был серым.

Я вздохнула и, на всякий случай оглядевшись в поисках камер, скинула тряпье, сняла

очки и шагнула в душ. После горячей воды и порции хорошего мыла настроение подскочило еще выше, и мне захотелось сделать Максиму приятное – например, приготовить ужин. Переодевшись в любезно предоставленную хозяином одежду и замотав шарфиком практически высохшие волосы, я надела очки и отправилась на кухню. Изучив содержимое холодильника, пришла к неутешительному выводу о нехватке необходимых ингредиентов для предварительно задуманного мной меню и значительно его упростила, основываясь на имеющихся продуктах.

Пока на плите все кипело и булькало, я успела постирать и высушить свою одежду. К девяти часам вечера стол был сервирован, и, отложив себе мини-порцию на тарелку, я подошла к лестнице, ведущей наверх, крикнула:

– Максим Александрович, ужин готов! – и ушла к себе.

Вскоре вниз прогрохотали шаги голодного (как я предполагала) мужчины. Его ждала курица по-французски и свежий салат с авокадо. Минут через сорок в дверь деликатно постучали со словами:

– Спасибо, все было очень вкусно. Я рад, что не ошибся с выбором.

Дождавшись, пока хозяин уйдет, я вышла, помыла посуду и отправилась спать, заведя будильник на семь часов утра.

Раскаленный песок жестко скрипит под босыми ногами, стертymi в кровь тяжелыми кольцами ножных кандалов. Подошвы буквально дымятся. Длинная вереница невольниц, скованных цепью в одну линию, тащится медленно-медленно. Жаркое солнце нещадно палит прикрытую материей голову. И постоянная, непрекращающаяся жажда. Но воды нам почти не дают. Вместо воды дали сосать плоские шлифованные камешки. Мы идем по пустыне уже несколько часов, подгоняемые резкими гортанными окриками и ударами бичей охранников.

Кто я? Где нахожусь? Зачем я здесь? Все воспоминания и чувства стерты. Внутри холодное безразличие и пустота. Я просто иду туда, куда нас гонят, и жду хоть каких-то объяснений случившемуся. Сил остается все меньше и меньше. Вот уже первая замотанная в тряпки девушка в изнеможении опускается на песок. К ней подъезжает охранник на странном горбатом животном и, спешившись, пытается поднять, избивая плеткой и громко изрыгая ругань на непонятном мне языке.

Попытка не удастся, и девушка, мотая головой, бессильно ложится навзничь, отказываясь двигаться дальше. Тогда нам разрешают отдохнуть. Следуя отрывистому приказу, рабыни садятся на горячий песок, радуясь передышке и вполголоса переговариваясь друг с другом. Я не понимаю их слов: мне незнаком этот язык, поэтому, видимо, ко мне никто и не обращается. Вдоль ряда сидящих женщин двигается молодой мужчина с сосудом и чашкой в руках и разливает воду. Наконец доходит очередь и до меня. Я с наслаждением пью теплую, пахнущую затхлостью воду и рассматриваю разносчика. Он высок и строен, будто тополь, смугл, горбонос и черноглаз. Мужчина, удивленный моим пристальным вниманием, задает вопрос, на который я не могу ответить, не понимая ни слова.

Пожав плечами, отдаю чашку назад, но смуглый житель пустынь не торопится уходить. Долго и пристально разглядывает меня, потом, взяв за подбородок, всматривается в глаза и что-то кричит остальным.

Через несколько минут меня окружают уже шестеро мужчин, и каждый из них внимательно изучает мои глаза. Что они ищут там? И что находят? Между ними возникает горячий спор, сопровождаемый размахиванием рук и энергичными жестами. Судя по тому, как на меня поглядывают невольницы, решается моя судьба. Мне все равно...

Обсуждение длится несколько минут, во время которых к их группе присоединяется еще один мужчина в богатой одежде. Выслушав остальных, он подходит ко мне, берет за подбородок – и снова осматривает. Покрутив мою голову в разные стороны и не отрывая взгляда от моих глаз, он что-то отрывисто приказывает остальным, и вокруг меня

начинается круговерть. Меня отсоединяют от общей цепи и куда-то ведут. «Куда-то» оказалось недалеко, лишь несколько метров до стоящей в стороне повозки.

Там на меня надевают другие кандалы, более легкие и удобные, и, выдав дополнительный кусок ткани, подталкивают к повозке, где уже сидят две закутанные до самых глаз девушки. Когда я пытаюсь залезть на повозку, один из мужчин останавливает меня и начинает что-то быстро лопотать, показывая на материю в моих руках. Я не понимаю, чего он хочет, и тогда, выхватив ткань, мужчина закутывает меня и подсаживает наверх, напоследок скрепляя цепь от наручников с кольцом, прикрепленным на краю повозки. Дальше мое «путешествие» продолжается в более комфортных условиях. Конечно, жарко и душно по-прежнему, но хотя бы нет изматывающей усталости, и поят нас гораздо чаще, чем остальных.

Сейчас, когда не нужно думать о том, как бы не упасть, я старательно копаюсь в памяти, пытаюсь разобраться, каким образом здесь очутилась.

Но память упорно подсовывает мне чистый лист. Прошлое нет совсем, оно стерто, уничтожено. Кем? Зачем? Почему? Такое ощущение, что моя жизнь началась несколько часов назад в этой раскаленной солнцем пустыне...

Глава 2

Путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

Но иногда этот путь такой извилистый, что сразу и не поймешь, стоит ли искать.

Будильник зазвонил ровно в семь утра. Спросонья долго соображала, где нахожусь, рассматривая незнакомую комнату, и, наконец вспомнив, облегченно вздохнула и вскочила с постели. Умывшись, затянула волосы в тугий узел и прикрыла шарфом, подобно деревенской старушке. Ну и пусть, зато не привлечет мужское внимание. Следом я водрузила на нос темные очки и отправилась на кухню. Сегодня в меню были французские блинчики со взбитыми сливками и турецкий кофе, аромат которого распространился по всему дому.

Заслышав шум и шаги на втором этаже, я быстренько убрала за собой, накрыла на стол и слиняла к себе в комнату перебирать свое богатство – восемь камушков без девятого. Белая бляшка кварца, черный в серых пятнышках базальт, нежная яшма, вся в молочно-коричневых разводах, кусочек темного нефрита, зеленый авантюрин, тигровый глаз, бирюза, мини-кабошон кровавика.

Не хватает одного, особого камня, размером с голубиное яйцо; чистого, как слеза; ценой дороже мешка золота. Но его ни в одном музее не украсть, он такой один, и очень мне нужен.

Через некоторое время в дверь раздался стук, и, высунув нос наружу, я увидела своего работодателя, облаченного в деловой темно-серый костюм и белую рубашку. Впечатление он производил весьма и весьма импозантное.

– Эля, спасибо за завтрак. Деньги на продукты я оставил на столе. Может, тебе нужен какой-то аванс на новые сапоги? – сказал мне Максим Александрович, пока я на него невежливо глазела через черепаховые очки.

Переварив услышанное, я ответила:

– Нет, спасибо, не надо. Поскольку я теперь на полном пансионе, то средства на покупку обуви у меня есть. – И подумала: «Вот что с мужчиной делает сытный и вкусный завтрак – даже расщедриться готов. Получается, путь к кошельку мужчины лежит через сытную еду? Вечно меня на бредовые мысли тянет!»

В то время когда я витала в эмпиреях, мой начальник отбыл на работу, оставив мне деньги и список покупок. Изучив сей шедевр, я пришла к неутешительному выводу: мужчины ничегошеньки не понимают в благородном деле закупки еды, предпочитая получать продукты уже нарезанными на столе и в готовом виде. Хохотнула. Ну и бог с ним. Мне же лучше, если из-за этого появились средства к существованию!

Я оделась, взяла ключи от машины и поехала делать свои дела вперемешку с рабочими делами. Мне удалось совершить практически все, что запланировала: забрать вещи; переговорить с квартирной хозяйкой и отказаться от жилплощади; смотаться на несколько рынков и в пару супермаркетов. Также я стала счастливой обладательницей замшевых полусапожек на рыбьем меху и пяти платьев неопознанной расцветки и размера, пугающего множеством «иксов» перед буквой L на этикетке. В общем, на место своего нового проживания заявила в прекрасном настроении.

До ужина еще была куча времени. Я не спеша разобрала покупки и, переодевшись, внимательно изучала себя в зеркале. Безразмерное платье длиной до середины икры, теплые овчинные чуни с шерстяными носками и головной платок, завязанный по брови, делали мой облик незаметным и малопривлекательным. Именно таким, как я и хотела. Удовлетворившись осмотром, поплыла на кухню творить кулинарные шедевры.

Вошедшего в полвосьмого вечера Максима Александровича встретили вкусные запахи печеночного торта и домашнего жаркого, а также сдача от закупки продуктов, оставленная мной на краешке накрытого к ужину стола.

По установившейся традиции в мою дверь постучали часом позднее и попросили:

- Эля, открой, пожалуйста.

- Вы что-то хотели, Максим Александрович? - спросила я, распахивая дверь.

- Вообще-то да... - начал говорить мужчина, но, увидев мой внешний вид, застыл с удивлением во взоре. Помолчав немного и придя в себя, уточнил с иронией: - Тебе удобно?

- Как нельзя более! - бодро отрапортовала я и замолкла, ожидая вопроса, с которым шеф ко мне пришел.

- Ну-ну... Это, конечно, твое личное дело - в чем ходить, только уж очень чудно выглядишь, - оценил работодатель. И продолжил: - Но я не об этом хотел спросить... Ты уверена, что купила все необходимое на неделю?

Максим ассоциировался у меня с алмазом: такой же твердый, яркий, чистый внутри. Если на минуточку представить, что камень мог стать человеком, я давно завопила бы: «Нашла!» - и с криками радости вернулась домой. Но... но. Увы. Камни людьми не бывают, хотя люди часто бывают камнями. Вот такой парадокс.

- Да. А что? - полюбопытствовала я. В голове мелькнула мысль: «Неужели он что-то просил, а я забыла? Вроде бы нет, ничего, кроме еды, не упоминалось».

- В сущности, ничего... просто многовато денег осталось от закупок. Поэтому и интересуюсь, - объяснил Максим Александрович.

Облегченно вздохнув, я пояснила:

- Многие продукты я купила на рынке и на оптовой базе, там свежее и дешевле.

Он как-то странно на меня посмотрел, поблагодарил за ужин, пожелал спокойной ночи и ушел.

«И что ему показалось таким удивительным?» - размышляла я во время мытья посуды и уборки на кухне. Вообще-то на кухне я разыскала встроенную посудомойку навороченной модели, но было лень запускать ее из-за пары тарелок. И еще, наверное, привычка...

После того как все было вымыто, вычищено и приготовлено на завтрашний день, я ушла к себе, где минут двадцать пялилась сонными глазками в зомбоящик, ничегошеньки не понимая в хитросплетениях сюжетной линии бесконечного сериала, а потом благополучно уснула.

Вечером наш караван подошел к оазису. Бедуины развили бурную деятельность, чтобы обустроить живой товар. Поставив несколько легких шатров, они натянули подобие тента над невольницами, которые по-прежнему оставались скованными цепью друг за другом. Затем девушкам выдали по паре фиников, пресную лепешку и чашку воды. Нас троих сняли с повозки и отвели в один из шатров, где позволили напиться и поесть. В отличие от других, к нашим лепешкам полагались кусок вяленого мяса, пригоршня размоченной кашицы - не то крупы, не то гороха, и несколько кусочков сочных фруктов. Видимо, сказывалось привилегированное положение.

Почему они отобрали меня? По каким причинам? Додумать мне не дали. Пришедший юноша дернул меня за ручную цепь и жестами приказал следовать за ним. Приведя в другой шатер и поклонившись мужчине в белом бурнусе и богатых одеждах, мелкий покинул нас, оставляя наедине.

Мужчина встал, обошел вокруг меня несколько раз и начал разматывать ткань, укутывавшую мое тело с головы до ног. В результате он оставил меня практически обнаженной, если не считать набедренной и нагрудной повязок.

Поцокав языком от восхищения, взвесил на руках волосы, спускавшиеся ниже талии. Намотал их на руку, подтащил меня к горевшему факелу, рассматривая удививший его оттенок: в темно-каштановых волосах, закручивающихся крупными кольцами, мерцали

огненные блики. Правда, все это великолепие, которым он восхищался, мне показалось довольно жалким из-за грязи и пота.

Но о вкусах, как говорится, не спорят... Отпустив волосы, мужчина отошел в сторону и, не спуская с меня глаз, намочил в кувшине тряпку, после кинул ее мне, показав жестами, чтобы вытерла лицо.

Этот приказ я выполнила с удовольствием, избавившись от грязи и соли, тонким слоем покрывавших кожу. После того как закончила, я подверглась еще более тщательному осмотру, начиная от лица и заканчивая ступнями ног. Стертые до крови лодыжки ему не понравились, и, замотав меня обратно в ткань, мужчина громко крикнул, словно кого-то подзывая.

На крик в шатер немедленно зашел юноша, которому были отданы какие-то указания. Молодой человек выслушал, низко поклонился и повел меня обратно. Уже в шатре, отведенном для нашего ночлега, он подошел к одной из девушек и что-то произнес. В ответ на его слова та покорно склонила голову и подошла ко мне. Присев рядом, ткнула пальцем себя в грудь и сказала:

– Алейда.

Я поняла, что так ее зовут. После она показала в мою сторону и выразительно спросила, тыкая пальцем в грудь, как мое имя. Криво улыбаясь, я огорченно пожала плечами: если б я знала!

Улыбнувшись, Алейда потрепала меня по руке и начала обучать местному языку, оказавшемуся на удивление несложным. Я уже выучила с пяток слов, когда в шатер вошел пожилой мужчина в белой просторной одежде. Он смазал мои раны на лодыжках зеленой мазью, приятно пахнувшей чем-то горьковатым и свежим, и замотал поверх мази узкими полосами материи, препятствуя контакту металла с кожей. После его ухода мы еще немного поучили с Алейдой язык и вскоре улеглись спать.

Глава 3

Встреча прошлого и будущего часто влияет на настоящее. Часто физически.

Будильник, как обычно, прозвенел ровно в семь...

Моя жизнь покатила по размеренной колее: уборка, готовка, стирка, глажка. С утра, накормив Максима Александровича завтраком, я принималась за домашнюю работу и готовила обед. После обеда мне изредка требовалось выехать в город для пополнения запасов продуктов. Деньги мне всегда оставляли и отчета уже не требовали, как будто работодатель знал, что я его не обману и себе лишнего не возьму. С одной стороны, подобное доверие не могло не радовать, а с другой – накладывало определенные обязательства.

Незаметно прошел месяц, в течение которого у Максима Александровича были в гостях несколько дам. Я их не видела, но смогла определить, что это не одна и та же посетительница, по звуку шагов, смеху и цвету помады на бокалах и простынях. Утром, меняя постельное белье после их ухода, я физически ощущала запах секса, пропитавший спальню насквозь. Видя после этого Максима Александровича в разбитом состоянии, я понимала, почему это происходит, но с этим ничего поделать не могла.

В субботу вечером, когда я мыла посуду после ужина, внезапно появился Максим Александрович, никогда до этого не спускавшийся вниз после того, как трапеза заканчивалась. Услышав его шаги, я напряглась, но посуду мыть не перестала, ожидая объяснения причины, заставившей его изменить свои привычки.

– Эля! Завтра месяц, как ты работаешь у меня, и я решил выдать тебе заработную плату заранее. У тебя завтра выходной, и, возможно, ты захочешь что-то себе купить, – раздался за спиной спокойный голос.

– Спасибо, – пробормотала я, неподдельно тронутая заботой.

Обернувшись, вытерла руки и приняла протянутый конверт, спрятав его в карман фартука. Зачем мне было говорить ему, что я не собираюсь ничего покупать и тратить эти деньги, а отложу средства на будущее? Не желая снова оказаться в ситуации отчаянного безденежья, я давно решила для себя, куда пойдут заработанные средства, – в банк, и никуда больше, следуя принципу кота Матроскина: «А я ничего не буду! Я экономить буду!»

– Эля, я хотел бы расспросить тебя о личном, если ты не возражаешь. – Максим Александрович стоял в дверях, опершись плечом о косяк двери.

Обманчиво-равнодушный тон не ввел меня в заблуждение. Ясно чувствовалось, что свой вопрос он все равно задаст и мои возражения тут особой роли не сыграют, поэтому пришлось кивнуть головой в знак согласия.

– Почему вы расстались с мужем?

Первым желанием было выпалить: «А вам какое до этого дело?» Но не думаю, чтобы этот ответ вызвал адекватную реакцию. Лишиться места работы мне отчаянно не хотелось.

– Не знаю, – честно ответила я, не поднимая головы. – Он просто собрал вещи и ушел, сказав, что ему все надоело, он устал, хочет лучшей жизни и перспектив, особо не распространяясь, почему и зачем, что его не устраивает.

– И ты не пыталась узнать? – В голосе Максима Александровича слышалось плохо скрываемое любопытство.

– Пыталась, и даже про другую женщину спрашивала. Но внятного ответа не получила. Да оно и к лучшему. Я тоже устала от бесконечной пахоты без слова благодарности. Он прав: пора начинать новую жизнь. Мы смертельно устали друг от друга.

– Скажи, а ты хотела бы с ним встретиться? – продолжил допрос работодатель, не сводя с меня пристального взгляда.

- Нет. Все слова уже сказаны. Есть люди, которым всегда мало, - это я про своего бывшего. И я не прощаю предательства, с меня довольно, - сообщила я и принялась ожидать следующих вопросов, но их не последовало.

Тогда я еще не знала, что начальник службы безопасности моего работодателя специально нашел Дмитрия. После телефонного звонка Максим Александрович и мой гражданский муж встретились.

Встреча произошла в любимом заведении Дмитрия «Три карася», где подавали достаточно качественное и дешевое пиво, которое мой сожитель с приставкой «экс» обожал всей своей уставшей от меня душой. Поздоровавшись и обменявшись рукопожатием, мужчины уселись за столом. Дмитрий спросил:

- Чем обязан?

- Я бы хотел поговорить с вами об Эле, - объяснил причину встречи Максим.

- А что о ней говорить? Баба как баба, только с придурью и выкрутасами, - заявил Дмитрий и присосался к пол-литровой кружке с пивом, услужливо принесенной подавальщицей. - Больно запросы... высокие, словно у королевишны. Ношеное не покупает и не носит, доедать-допивать за кем-то брезгует, скорее голодной останется. Друзей моих закадычных не привечает и не любит, не пьет в компании...

- И в чем еще выражаются ее выкрутасы? - осторожно спросил собеседник, отодвигая свою кружку и внимательно разглядывая Дмитрия.

Последний сначала пьяно оживился, даже разразился матерной тирадой, потом потух, лениво пожал плечами и вполне искренне ответил:

- Вы лицо ее видели? А фигуру? Девке бы на мировых подиумах выступить и в конкурсах красоты участвовать, а она в балахоны заматывается и очки на пол-лица таскает, распустеха. Будто морду прячет. Зачем, спрашивается? Сколько я ни выпытывал, вразумительного ответа так и не получил. Глаза опустит и молчит, дура деревенская.

- Если она настолько красива, почему же вы от нее ушли? - прозвучал резонный вопрос.

- Да потому что надоели ее покорность и молчаливость хуже горькой редьки! Ни слова поперек, ни полслова! Я ее с горя даже поколачивать начал, а она все терпит, не жалуется, только плачет тихонечко в подушку и глаза опускает, на меня не смотрит, словно вконец опротивел! - взорвался Дмитрий. - Она могла бы такие бабки заколачивать, мне и не снились! Так нет же, сидит на своих копейках, одевается в дешевое китайское барахло и радуется!

Максим переглянулся с начальником охраны, стоявшим поодаль. В глазах у них читалась одна мысль: «И как она терпела эту гниду столько лет?»

А Дмитрий распалился и стал размахивать руками, разбрызгивая себе на одежду пивную пену:

- Сколько раз ей талдычил: «Будь с мужиками поласковой, поверти жопой, приголубь!» Богатых чуваков к нам знакомиться приводил - и все попусту! Мы могли бы как сыр в масле с икрой кататься, ее внешность - это ж золотые горы и жемчужные берега, а эта ослица уперлась, словно целка. Тоже мне, телка нашлась нецелованная. Принцесса! Можно подумать, от нее убудет!

- Спасибо за информацию, - холодно сообщил Максим и встал из-за стола, стараясь побороть брезгливость к альфонсу.

Уже на пороге босса догнал Дмитрий и, вцепившись в рукав, заискивающе спросил:

- Где она? Я могу с ней встретиться?

- Зачем?

- Ну, мне без нее плохо, я по этой дуре соскучился, хавчик из магазина и шаверма тоже прилично приелись, да и услуги приходящей б... уборщицы обходятся дороговато... И найти свою бабу не могу: как сквозь землю провалилась, - поведал собеседник, глядя несчастными глазами.

- Я ее спрошу, и если Эля захочет, то свяжется с вами, - отрезал Максим.

Отцепив руку Дмитрия от своей, он медленно направился к машине, испытывая одновременно несколько чувств - гадливость, удивление и недоумение.

Не зная об этом разговоре, мне тяжело было понять, чем вызвано такое пристальное внимание к моей скромной персоне. Я решила прекратить этот тяжелый для меня разговор, сказав:

- Если у вас ко мне больше вопросов нет, я могу идти спать?

- Да, конечно, - задумчиво ответил Максим Александрович.

- Тогда спокойной ночи!

На следующее утро старик, выполняющий обязанности лекаря, зашел опять и был поражен скоростью заживления ран на моих лодыжках. Покачав головой, он сменил повязки и покинул шатер, бормоча что-то себе под нос. После скудного завтрака, состоявшего из фиников, сухой лепешки и воды, нас снова замотали в ткань и, посадив в повозку, приковали. Следуя приказу рабовладельца, меня и Алейду приковали рядом, и она смогла продолжать обучение языку. Достаточно скоро я уже могла понимать простейшие приказания, такие как: сидеть, стоять, есть, идти... ну и так далее. Мучаясь потерей памяти, тем не менее я прекрасно усваивала новый язык, и учеба шла полным ходом.

Дни были похожи один на другой как две капли воды. Не происходило ничего нового: мы ехали днем и останавливались ночью. Наша троица тщательно изолировалась от остальных невольниц, и охрана к нам тоже не приближалась без особой на то необходимости.

На пятый день путешествия мне стало плохо: тело охватила жуткая слабость, голова кружилась, и я практически теряла сознание. Алейда, увидев мое состояние, сначала умоляла меня держаться и прийти в себя, боясь, что больную рабыню убьют или попросту оставят в пустыне, но мне становилось все хуже и хуже, и тогда она закричала, прося о помощи. Подъехавший охранник оценил обстановку и поскакал докладывать хозяину.

Вскоре караван остановился, и рядом со мной появился лекарь, который, осмотрев меня, развел руками, не найдя никаких признаков заболевания и расписываясь в собственном бессилии. Вокруг меня столпилось трое или четверо мужчин. Они возбужденно переговаривались между собой, решая мою судьбу.

Внезапно я почувствовала облегчение. Как будто кто-то влил в меня по капле струйку энергии и жизнь вернулась. Не дожидаясь решения мужчин, я привстала, уверенно села на повозке и на ломаном языке сообщила:

- Я хорошо.

Они замерли и уставились на меня с изумлением. Это было понятно: практически умирающая женщина вдруг приходит в себя как ни в чем не бывало. Лекарь еще раз осмотрел меня и снова развел руками, на этот раз показывая, что его услуги здесь не понадобятся.

- Кто ты? - Подошедший ко мне хозяин приподнял мой подбородок рукоятью плети и заглянул в глаза.

- Я не знаю, - призналась честно.

Глава 4

Внешность – это фасад. Меня больше волнует внутренняя отделка.

Раннее утро встретило прохладой из неплотно прикрытой форточкой. Вылезать из-под одеяла категорически не хотелось. Но, грустно вздохнув и мимолетно подумав о тяжелой женской доле, я бодро вскочила с кровати и помаршировала в душ. Умывшись и приведя себя в порядок, я отправилась к плите и поразила воображение и желудок Максима Александровича омлетом с креветками по-испански, неострым салатом и нежно хрустящими круассанами к свежесваренному кофе.

Проводив до ворот гаража работодателя, стремящегося на ратный подвиг (то бишь в городской офис), я занялась рутинными делами, целый день летая по дому наподобие электровеника. И настолько заработалась, что не услышала вечером стука входной двери.

– У тебя красивые ноги, Эля... – Голос Максима заставил меня подпрыгнуть от испуга и сделать в воздухе практически немислимый кульбит, поправляя и одергивая подол.

– Извините, Максим Александрович, такого больше не повторится, – жалко пролепетала я, стараясь не пересекаться с ним взглядом.

– Ну почему же, – весело отозвался он. – На тебя было очень приятно смотреть. – Максим помолчал и добавил: – Эля! Удовлети, пожалуйста, мое любопытство...

– Да? – прошептала я, внутренне настраиваясь на худшее. И дождалась...

– Пожалуйста, снимите очки, – попросил Максим. – Всего на минуту.

– Зачем это вам? – попробовала оказать некоторое сопротивление, тоскливо осознавая, что уж если у мужчины в голове завьюжило, то ничем не выбьешь.

– Просто удивительно! Ты работаешь у меня уже больше месяца, а я до сих пор толком не видел твоего лица, – спокойно объяснил энцефалитный клещ в лощеной упаковке. – Прямо невидимка какая-то!

– Видели! – не собиралась я сдаваться ему без боя. – На фотографии в паспорте.

– И ты действительно считаешь, что там можно кого-то рассмотреть? – засмеялся бизнесмен, не унимаясь и не отступая с выбранного пути.

До меня окольными путями дошла незамысловатая истина: я попала! Очень сильно влипла. Скорее всего, после тщательного осмотра у меня опять начнутся серьезные проблемы. Но отступить было некуда. Видимо, я настолько расслабилась в атмосфере гостеприимного дома, что забыла про элементарную осторожность. Дура набитая, кто ж спорит: мне нельзя расслабляться.

Быстро прокрутив в мозгу обстоятельства и не найдя выхода из создавшейся ситуации, с видом идущей на казнь я медленно стянула очки и застыла, не поднимая глаз. Паника рвала меня изнутри когтями, выла дурным голосом, толкая на отчаянно-безумные действия.

– О боже! – выдохнул мужчина, разглядывая мое лицо.

Я просто физически ощущала его восхищенный взгляд и мысленно ежилась, холодея от собственных предположений.

Но продолжения с его стороны, как ни странно, не последовало... Вернее, оно последовало, но абсолютно непредсказуемое.

– Спасибо, Эля, – тихо сказал Максим Александрович и начал разворачиваться, чтобы уйти.

В удивлении кое-как нацепив очки на нос дрожащими пальцами, я потрясенно его спросила:

- И это все? Вопрос снят?

- А что ты еще ожидала? – спокойно откликнулся мужчина, не оборачиваясь.

- Не знаю, – честно ответила я, судорожно стискивая руки в замок.

- Тогда зачем спрашиваешь? – полуобернулся он.

Закаменевшее лицо ничего не выражало, зато вся его поза, глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, сжатые кулаки – излучали с трудом подавляемый гнев. Вскоре он все же выплеснул его, но совершенно странным образом. Невесело усмехаясь, Максим добавил:

- Я не набрасываюсь на женщин, знаешь ли... даже на таких красивых, как ты, – и ушел.

Я стояла в ошеломлении, не зная, то ли мне смеяться, то ли плакать... Поторчав еще немного посреди комнаты и поизображав из себя три тополя на Плющихе, я все же прислушалась к вибрирующему организму и плюхнулась на задницу, где стояла. Ноги отказали напрочь, скооперировавшись для такого случая с головой.

Усевшись на полу в позе лотоса и наплевав на условности, я решила, что хуже не будет и лимит неприятностей на сегодня исчерпан. Голова гудела, будто огромный Царь-колокол. Сердце внутри колотилось о ребра, словно собираясь позорно сбежать от хозяйки. Даже не заглядывая в зеркало, я была уверена, что форма зрачков изменилась. Пальцы на руках и ногах похолодели, их скрючило.

Все плохо.

Медитация! Мне до зарезу требовалась медитация! Благо время позднее; для таких, как я, – самое благоприятное. Раскинув руки в стороны и соединив большой и указательный пальцы, я принялась выводить сознание на иные планы бытия... Нити окружающей меня реальности со звоном натянулись, вибрируя предупреждением для остальных обитателей этого плана. Они поранили эфир несколько раз невыносимыми нотами резонанса и... затихли. Надо полагать, смирились. Или решили, что я безвредна для окружающих.

«Динь-дон, ди-инь-донн!» – резонировали мои камешки.

Танцующие искры-капельки надежды падали на мою макушку, пропитывали стаю мелких светлячков, составляющих мое тело, озаряли пылающее сердце.

Кап. Капп. Ка-апп...

Тяжелыми маслянистыми каплями стекали вниз страх и злоба, ярость и отчаяние, выгорая или переходя в более привычную энергетическую форму. Поначалу во время моего очищения вокруг крутилась стая мелких пиявок-паразитов. Но мое присутствие, видимо, по мере проявления моей истинной сущности их напугало. Стайкой бело-серебристых рыбешек ушли они с прикормленного места, уплывая искать счастья в других домах, где обитатели слепы, тихи и серо-нейтральны. Ну их. Пускай...

Мне удалось достигнуть определенного состояния холодной уверенности, глубокого сосредоточения и спокойствия... Я воссияла парящим радужным облачком, насыщаясь до отвала. Блаженство!

И лишь я успела частично напитаться витающей в комнате дармовой энергией и заодно напитать проголодавшиеся камешки, как хлопнула дверь. Встревоженный Максим поинтересовался, нависнув надо мной и мешая получить заслуженный кайф:

- С вами... с тобой все нормально?

- Не совсем, – обтекаемо выкрутилась я, лихорадочно соображая, прикрыты у меня коленки или вновь свечу привлекательными частями тела.

- «Не совсем» – это на какую половину? – попытался неуклюже пошутить работодатель.

- На лево-правую! – ответила я в тон. Подумала и пояснила: – Вы вторгаетесь в мое

личное пространство, а у меня комплекс. – (Он удивленно выслушал, наклонив голову.) – Я болею от этого!

– А есть какое-то заболевание, которым ты не страдаешь? – язвительно поинтересовался Максим, на всякий случай отодвигаясь.

Распахнув глаза и глядя на него сквозь очки кристально честным взглядом, которого он не видел, я любезно сообщила:

– Конечно! Воспаление простаты мне точно не грозит, потому что у меня ее нет!

– Уверена? – саркастически осведомился он.

– Даже не знаю... – протянула задумчиво. – При последней медицинской проверке не было, но кто его знает – может, уже выросла на мое счастье?..

– Почему «на счастье»? – Максим Александрович впал в протрацию.

– Потому что тогда я смогу претендовать на Нобелевскую премию, – пустилась домработница в разъяснения. – А пока точно в этом не уверена, то пойду-ка разогревать ужин.

Легко поднявшись с пола, отправилась на кухню. Вскоре ко мне присоединился Максим. Он вел себя, как всегда, предельно корректно. Ужин прошел гладко (если не считать оценивающих взглядов мужчины) и в полном молчании.

Перебив посуду и поставив мясо на разморозку, я уточнила завтрашнее меню и потопала спать, культурно пожелав Максиму Александровичу спокойной ночи.

Глава 5

Случайные встречи могут перерасти в постоянные связи!

Через несколько дней наш караван прибыл на невольничий рынок, расположенный в одном из самых крупных городов – Ланкуре.

Ланкур стоял на перекрестке всех торговых путей и соперничал своими размерами и богатством со столицей – Изумдом. Каждый уважающий себя богач или аристократ (и то и другое часто совмещалось) стремился иметь дом в Ланкуре.

К этому располагал и самый большой на всю страну невольничий рынок, где продавались рабы и рабыни всех возрастов и цветов кожи.

Эти сведения с придыханием сообщила мне Алейда, пока я одним глазом из-под чадры рассматривала проплывающие мимо улицы.

Стоило заметить, что, во-первых, овладение местным языком шло семимильными шагами, и я уже довольно бойко чирикала на их диалекте. Только вот тем для бесед находилось немного.

Во-вторых, мне начали сниться странные сны, которых я до конца так и не понимала. Кто-то кого-то куда-то звал. Влек, манил и подталкивал...

И во сне я часто видела привлекательную девушку. Она говорила мне что-то – я не слышала, что, лишь видела, как шевелились ее губы, – и протягивала мне горсть камней, разноцветную морскую гальку. Последний камень, красивое граненое яйцо, отбрасывающее яркие блики, она подкидывала в небо, но не ловила.

Утром я просыпалась свежая, как чистая питьевая вода, которой мы уже не видели неделю. Вместо нее нам выдавали некую жидкость, пахнущую затхлостью. Туда кто-то заботливый, видимо, чтобы мы в дороге не поумирали от кровавого поноса, щедро выдавил лимонов. И эта гадость была еще и с кисловатым привкусом. Лимонад победуински, так сказать...

Отвлеклась. Несмотря на трудности, я открывала глаза с энтузиазмом, бурля энергией, зато охрана страдала на всю голову, словно день и ночь пила хмельное. Такое ощущение, что голова была одна на всех и они ее носили по очереди.

В-третьих, караванчики начали меня сильно недолюбливать. Охранники – те вообще смотрели с отвращением на мою бодрость и энергию. А поскольку я считалась достаточно ценным товаром, то они срывались на менее ценном, и вторая категория женщин объединилась в своей нелюбви с охраной.

– Ты как? – толкнула меня в бок Алейда. – Интересно?

– Да, – коротко кивнула я, позванивая наручными кандалами.

Кто-то манкировал своими обязанностями по охране и надеялся на железо. Зря. Вся эта тяжесть крепилась к деревянной телеге. Я уже давно поняла, что для меня это не преграда, но старалась не провоцировать таких сладких мужчин с острой добавкой из кнутов.

Перед тем как мы въехали-вошли в город, нас всех умотали с ног до головы в тряпки. Мне досталось больше всех как самой драгоценной. Это мне Алейда по дружбе пояснила:

– Прикрывают – значит ценят.

– Не похоже, – пробурчала я из-под слоев вонючей от пота ткани, которая пережила уже не одну рабыню, но не дожидая ни до одной стирки. – Похоже, меня просто решили уморить.

– Если бы решили, – девушка показала бровями на следующую телегу, битком набитую менее ценным товаром, и дальше на вереницу плетущихся пешком девушек, – отдали бы к ним. А так охраняют.

- Еще неизвестно, кого от кого, - еще тише сказала я, отфыркиваясь и пытаюсь дышать через раз.

Сейчас стало еще хуже. Припекало полуденное солнце. Вокруг летали назойливые насекомые, норовящие напиться моей крови, которую я, кстати, никому не жертвовала даже из сострадания.

К слову говоря, мне, как выяснилось, вообще были неведомы обычные эмоции или чувства. Все, что я ощущала, - голод, жажду и одуряющую усталость. Эмоциональная сторона для меня оставалась загадкой за семью печатями. Там, где другие боялись, истерили, злились, ненавидели или плакали, я молча глазела.

- У меня чешется ухо, - сказала я Алейде. - И эта подарочная оболочка мешает мне рассматривать местные достопримечательности!

- Потерпи, - пожалела меня подруга. - Скоро приедем. Все равно никак не поправишь.

Это было тонко подмечено. Эти идиоты приковали наши руки к краю телеги, но стянули за спиной.

Я пыталась как-то повозиться, потереться лицом о плечо, но сделала еще хуже, чем было. Обзор закрылся окончательно.

- Надоело! - решительно заявила я и начала действовать в своих интересах.

Я оперлась сзади на руки, выпростала из необъятного платья ногу, спокойно загнула ее и поправила на лице занавеску, попутно почесав ухо и нос.

Наступила гробовая тишина.

- Бесстыдница! - с поднятым кнутом ко мне ломанул один из охраны. - Как ты могла обнажить то, что предназначено для покупателей?!

- А какая разница? - хладнокровно спросила я. - Все равно показывать. Так пусть будет раньше, вместо тренировки.

- Блудница! - заорал второй, поправляя немного вздувшиеся спереди штаны.

- Полезное качество, - не стала отрицать я. - Мне уже рассказали в подробностях, что меня ждет. Я приняла к сведению и заранее практикуюсь.

- Охальница! - подлетел самый старый из охраны и все-таки занес надо мной кнут.

Я молча смотрела на опускающееся орудие наказания, не отводя взгляда и не шевелясь.

- Стой! - Кнутовище перехватила сильная смуглая рука.

Я перевела взгляд и встретилась с глазами цвета грозового неба на загорелом лице.

- Интересно... - сказал мужчина, внимательно меня рассматривая.

Что он мог увидеть подо всем этим вонючим великолепием, я откровенно не понимала. Пользуясь моментом, тоже изучала своего неожиданного спасителя.

Породистое лицо с правильными чертами. Черные брови вразлет над чуть поднятыми к вискам глазами. Нос с горбинкой. Две симметричные продольные складки на скулах подчеркивали полноту губ. Упрямый подбородок с чуть заметной ямочкой. Волосы скрыты под белым тюрбаном. Головной убор без украшений, но из очень дорогой ткани.

- Нравится? - чуть искривились в усмешке притягивающие меня губы.

- Неплохо, - раздула я ноздри, вбирая свежий запах незнакомца и постепенно скользя взглядом вниз от шеи.

Мой спаситель отличался достаточно высоким ростом по сравнению с остальными участниками. Так же, как выделялся более дорогой одеждой и гордой осанкой.

Белая безрукавка, стянутая на тонкой талии золотистым шелковым поясом, открывала верхнюю часть безволосой мускулистой груди. Белоснежные шелковые шаровары не стесняли движений, но и не оставляли простора воображению и были заправлены в мягкие сапожки кремового цвета.

На бицепсе левой руки широкий браслет из листового золота с причудливой вязью, перекликающийся с точно таким же украшением на правом запястье. Только камни в центре украшений разные – в одном крупный рубин, в другом – сапфир таких же размеров.

– Я хочу ее, – обратился мужчина к подросшему начальнику каравана. – Сколько?

– Господин Агилар, – заюлил толстяк в расшитом золотом халате. – Это невозможно...

– Это ты говоришь МНЕ? – сдвинул брови мужчина, отпуская мой подбородок и поворачиваясь к наглецу. – Ты смеешь мне отказывать?

– Господин Агилар... – Начальник каравана попытался упасть на колени и поцеловать землю у ног мужчины. Я брезгливо поморщилась – мало мы пыли в дороге съели, нужно было еще добавить? – Я послал с гонцом уведомление о девушке господину Зайдану. Он будет участвовать в торгах.

– Ты поторопился, – бросил сквозь зубы Агилар. – Если продашь рабыню ему, то станешь моим личным врагом.

Пока мужчины решали свои мировые проблемы, у меня возникла своя, куда более насущная. Ко мне прицепился большой овод, видимо привлеченный запахом пота и давно не мытого тела. Я попыталась испепелить насекомое взглядом. Не удалось. Подергалась в цепях. Не сработало. Подула со всей силы. Сил оказалось недостаточно.

Назойливое насекомое упорно старалось приземлиться на мое лицо и что-то отрыть под слоем пыли. Я честно попыталась привлечь к себе внимание охраны кроткими словами:

– Кто-то может прибить эту гадость?

На что мне рявкнули:

– Молчи, женщина! – продолжая наблюдать за трясущимся от страха начальником каравана и испытывая от этого прямо-таки неземное блаженство.

Скорее всего, этот толстяк уже у всех застрял в печенках со своими противоречивыми требованиями и приказами.

До меня с опозданием дошло, что спасать себя мне придется самой. На отработку тактики было потрачено три минуты, в течение которых овод восемнадцать раз заходил на посадку, стремясь поближе со мной познакомиться. Остальные оводы меня избегали, но этот попался особенный и так и норовил цапнуть и вволю попить моей крови.

В конечном счете я плюнула на стратегию и рванула руки, выдирая крепежное кольцо кандалов. Не обращая внимания на округлившиеся глаза и отпавшие челюсти присутствующих, просунула под собой скованные руки, сквозь зубы вспоминая бабушку того ишака, который придумал широкие балахоны. Наконец мои конечности оказались спереди, и я была готова к бою. Но овод не стал меня дожидаться, его спугнула моя активность, и он улетел доставать других двуногих и четвероногих.

– Шайтан! – обиделась я и долбанула куском болтавшейся цепи по краю телеги, вымещая свою неудовлетворенность жизнью.

– Любопытно, – спокойно заметил Агилар, которому зачем-то притащили кривую саблю. На оводов теперь ходят только с таким оружием?

– Да как ты смеешь, рабыня! – полез на меня один из самых молодых охранников. – Давно кнута не получала?

– Ой, да ладно! Охолонь, – отмахнулась я, сметая обрывком цепи ретивого служаку. – У нас уже отдых? – воззрилась я на лежащего.

К заинтересованному Агилару подскочила троица... агиларчиков, которые мужественно загородили его телами. Очень, надо сказать, странно прикрыли. Голова мужчины возвышалась над ними, словно купол храма над одноэтажными домиками.

Или это не основной спасаемый орган, судя по рассказам невольниц?

- Эта телега старая, - выступил более старший по возрасту охранник. - Прогнила.

- Еще как, - немедленно согласилась я и оторвала перекладину. - Вот тому доказательство.

- Ой! - пискнула молчавшая до этого Алейда. - Сейчас что-то будет!

- Попить дадут? - обрадовалась я под изучающим взглядом Агилара, усаживаясь рядом с Алейдой.

- Колодезной водой не напоить голодную утробу. Вино прохладное хоть рай сулит, но не угодно Богу.

В противовес этим словам из-за плеча мне сунули глиняный кувшин, наполненный сладкой талой водой ледников с небольшой добавкой розового вина. Я радостно, захлебываясь от жадности, отпила несколько глотков.

Чтение рубаи продолжалось, словно у кого-то внезапно прохудился мешок с рифмованными строчками:

Без сладкой влаги нам и жизнь не в жизнь, Без танцев дев игривых и улыбок как ее прожить? Но если все отнять лишь ради благочестья, То лучше во грехе ее прожить!

Попутно мне со словами:

- Это тебе для радости, - пихнули в ладонь на первый взгляд самый обычный небольшой мешочек, полный радужно переливающихся стеклянных шариков, и я откуда-то интуитивно поняла, что эта вещь для меня безумно важна.

Быстро засунула это сокровище за пазуху и подняла глаза.

- Ищи девять камней, но получишь девять с половиной - в них твое спасение, - продолжил нагнетать туман таинственный голос.

- Спасибо! - поблагодарила я, удерживая посуду и снова прикивая к волшебной влаге.

Напившись сама, напоила Алейду, так и сидевшую с округлившимися глазами. Мужчины по-прежнему ожесточенно спорили насчет покупки, так что у нас оставалось время на маленькую передышку.

- Дыши, - толкнула ее в бок. - А то воздух сам выход найдет, а тут и так воняет.

- Любопытно, - все так же задумчиво изучал меня Агилар, не предпринимая никаких действий в моем направлении.

- Вот, - поправила я сбившуюся материю на голове. - Я ваш язык выучила за три недели, и то больше слов знаю.

- Молчи, презренная! - заорал на меня начальник каравана, снова падая ниц. Совсем не грозно: - А то выпорю.

- Вам бы похудеть, уважаемый, - глубокомысленно сообщила я ему, отлично зная, что хозяин все равно накажет, стану я молчать или нет. Так пусть хоть будет за что, не так обидно. - А то у вас руки и ноги до земли достают с трудом.

- Лысая верблюдица! Порождение ишака и гиены! Дочь шакала! - завопил оскорбленный толстяк.

- Это не доказано! - невозмутимо ответила я, делая последний глоток и выливая остаток на начальника. - Это чтоб вам плохо не было. Такая краснота...

- Кто дал ей воды?!! - завизжал толстяк, подскакивая. - Запорю!

- Я. - Из-за телеги выехал на маленьком лопухом сером ослике сморщенный, усохший до невозможности старичок с редкой бородкой. Замотанное в рваный полосатый халат тощее тело мерно колыхалось в такт шагам ослика. Сползающая на морщинистый загорелый лоб засаленная чалма не скрывала прищуренные, искрящиеся весельем глаза.

- Кто ты такой, мерзкий ишак, сын шакала? - бушевал, брызгая слюной, толстяк. - Я прикажу тебя забить насмерть!

- Мы с вами родственники? - хладнокровно осведомилась я, отгоняя цепью охрану от старичка. Те решили не дожидаться приказа и действовать на свой страх и риск. - Отпрыски шакала... Надеюсь, разного помета?

- Разного полета, - согласился старичок, огорченно покачивая чалмой и грозя скрюченным пальцем начальнику каравана. - Свинья пятак свой хоть и к небу тянет, ну а сама в грязи всегда лежит.

- Хотя бы какая-то информация, - не стала я спорить, подхватывая оторванную ранее палку и грозя особо энергичным охранникам. - Теперь я точно в курсе, с кем я не состою в родственных отношениях. А то ведь ничего не помню.

- Совсем ничего? - вмешался Агилар, отстраняя живой щит до пупка. - Как такое может быть?

- Молча, - фыркнула я, отталкивая Манаса, самого противного из охраны. Так и норвил, гад, пробраться исподтишка и сделать какую-то гнусную пакость. Скovať нам руки за спиной было его гениальной идеей! Вот пусть и пожинает свои гениальные планы палкой в лоб.

- Все ответы в тебе, - уверенно заявил старичок, покачиваясь на ослике из стороны в сторону и прикрывая глаза.

- Мы нашли ее голую в пустыне, мой господин, - подобострастно поведал начальник каравана. - Она пришла в себя только на второй день, ничего не помнила и не знала ни слова нашего языка.

- И тут кто-то решил заработать, - подвела я итог, наматывая цепь на кулак. - Нажиться на человеческом горе.

- Ты делаешь поспешные выводы, красавица, - очнулся старик.

Только я открыла рот, чтобы спросить, как он снова впал в дрему.

- А куда тебя еще? - резонно спросил начальник каравана, не переставая кланяться Агилару.

- Вариантов больше нет? - на всякий случай поинтересовалась я, бдительно охраняя полуденный сон пожилого человека.

Если овод улетел, то его всегда можно заменить другими прилипчивыми... мужчинами.

- Женщина может быть или женой, или рабыней! - поучительно сказал начальник каравана, и все согласно закивали головами.

- Еще вдовой, - поучительно добавил старик, выныривая из дремы.

Этого они не учли и полезли защищать свое мнение. Скопом. Почему-то статус «будущая вдова» никого не устроил.

Старик посмотрел на пыхтящих красных мужиков, стремящихся на пальцах кулаков доказать ему, как он не прав, усмехнулся и произнес:

Умрем когда-то мы - Вселенной все равно. Быльем все порастет - Вселенной все равно. Исчезнет даже след наш бытия, а мир стоит, как прежде. Все, что ни сделай, - ты пред Господом ничто!

После чего растаял в воздухе со словами:

- Да пребудет с тобой благодать, девушка с глазами цвета амариллиса и душой, бродящей во тьме! Я буду рядом, чтобы помочь тебе выйти к свету...

- Веселый Дервиш! - в ужасе закричали мужчины, странно бледнея и становясь меньше ростом. - Ее благословил сам Веселый Дервиш! Она проклята и благословенна!

- Очень обширные сведения, - пробурчала я, укладывая на коленях палку. - Так много информации, что не знаю, куда ее складывать.

- Господин Агилар, - подобострастно кланяясь, подполз к мужчине начальник каравана и поцеловал туфлю. - Вы еще хотите купить эту рабыню? Я дешево продам.

- Я не меняю своих решений, - прищурился красавчик. - Доставь ее ко мне во дворец через пару часов и там получишь расчет.

- Благодарю вас, господин Агилар, - опять низко закланялся толстяк. - Все будет исполнено в лучшем виде!

- Не перетрудишься, - прошипела я, дергая кандалы.

Почему-то накатило чувство удовлетворения, которое мне совсем не нравилось. Я предпочитала быть злой и голодной. Так легче отбиваться от подарков судьбы.

- Увидимся вечером, девушка с глазами цвета амариллиса, - блеснул белоснежными зубами Агилар, едва кивнув толстяку. Пообещал: - Тебе понравится быть моей рабыней.

После чего развернулся и пошел размашистым шагом к белоснежному скакуну, которого придерживал за уздечку слуга в бурнуса цвета охры.

- Посмотрим, - пожала я плечами. - Что именно мне понравится.

- Заткнись уже, дочь греха, - беззлобно твякнул на меня толстяк, потирая пухлые ладошки. - Когда ты молчала, то ценилась гораздо дороже.

- Зато было гораздо скучнее, - парировала я, давая обмотать себя дополнительными цепями и пристегнуть к телеге.

- Не знаю, то ли радоваться за тебя, - прошептала Алейда, - то ли огорчаться...

- Главное, не завидуй! - посоветовала я, прикрывая глаза, начинавшие слезиться от яркого солнечного света. - Остальное - как Творец решит...

Глава 6

Сделайте мир лучше! Оставьте его в покое!

Следующие несколько дней прошли в обычном режиме, если не считать чересчур задумчивых взглядов, бросаемых на меня Максимом Александровичем. Я делала вид, что, как те обезьяны, «ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу». Помогало мало. Работодатель никак не хотел уловить мои мысленные послы и категорически не связывал меня с данными приматами.

Проблемы начались в пятницу вечером, когда Максим Александрович торжественно постучался ко мне в комнату со словами:

- Прости за беспокойство, Эля, но не могла бы ты мне сделать крупное одолжение?..

...!...!!...!!! ТАК И ЗНАЛА! ПРЯМО КОПЧИКОМ ЧУВСТВОВАЛА!

Я внутренне поежилась, отбросила мелькнувшую идею сделать вид, что уже сплю, и неохотно пошла открывать.

- Да? - высунула нос в щелку. - Вам что-то нужно погладить? Или приготовить?

- Мне нужно, - он попытался открыть мою дверь шире, но я стояла насмерть, - чтобы ты сопроводила меня завтра на прием.

- За что?! - икнула я, сползая по косяку. Ноги отказались меня держать и оставили на произвол судьбы. - Что я вам плохого сделала? Почему вы меня так ненавидите? За какие грехи наказываете? Борщ вчера был невкусный? Или стейк под лимонным соусом пересолила?

- Эля! - возмутился Максим Александрович, просачиваясь вовнутрь и поднимая меня с пола, чтобы не споткнуться. Усадил на стул и присел рядом на корточки. - Почему ты считаешь, что выход в свет - это наказание?

В черной, обтягивающей внушительные мускулы футболке и черных джинсах, с влажными после душа волосами он выглядел воплощением греха. В этом мужчине все было в меру. Ничего вульгарного или пошлого. Его сексуальность била наповал, складывая у его ног штабеля из женских сердец. Что, впрочем, я постоянно и наблюдала за время моей работы.

Глядя в его темно-серые выразительные глаза, было так легко поверить, что именно ты - та единственная, которую он искал всю жизнь и с которой готов провести... сегодняшнюю ночь.

Да мои иллюзии остались так далеко позади, что я даже не смогла бы их найти. Слишком часто мне приходилось залечивать свой лоб от пресловутых граблей. Теперь я старательно обходила этот инструмент, предпочитая не связываться с источником опасности.

Хотя... кто бы говорил! И мое прошлое увлечение тому порукой. Подумать только! Ленивый, обрюзгший от пивного алкоголизма увалень, которого я считала ужасно скучным и в трезвом состоянии - относительно безопасным, вдруг решил показать характер и ушел, оставив меня в отчаянном положении на бобах. И не только в смысле денег.

- Потому что для меня это наказание, - призналась я. - Мне не нравится шумное общество. Я не умею себя вести в нем, - загибала я пальцы. - Я там никого не знаю. У меня нет вечернего платья, если только вот это не сойдет, - показала я на свой балахон. - И я понятия не имею, как правильно пользоваться косметикой.

Сказать, что я солгала только наполовину, - еще раз покривить душой. Про такое говорят: «Брешет как сивый мерин!» Хотя не думаю, что лошади способны врать... Я не обманула лишь в одном - вечернего платья у меня действительно не было.

- Все решаемо, - оптимистично заметил Максим Александрович. - Будет не очень шумно

и не слишком людно. Как новичку тебе простят многое. Тому же поспособствует твоя внешность, Эля.

- Так вот почему... - начала я фразу.

Но мужчина легонько накрыл мне губы горячей ладонью, призывая к молчанию:

- Дай мне закончить, Эля. Ты знаешь меня - этого достаточно. Захочешь - познакомишься с остальными, твое право. Платье мы тебе купим. А косметика тебе особо не нужна.

- И все же, - отодвинула я его ладонь. - Я не понимаю - почему я? У вас столько знакомых дам...

- Но ни одна из них не может сопровождать меня завтра вечером, - убедительно пояснил Максим Александрович, легко вставая и прислоняясь к косяку. - А я, к сожалению, не могу появиться там без спутницы. Протокол обязывает, знаешь ли.

- Да лучше без спутницы, - глухо пробормотала я. - Чем с такой, как я.

- Это уж мне решать, Эля, - категорично заявил Максим Александрович. - Мне очень нужно переговорить с одним человеком, чтобы чуть позднее заключить выгодный контракт. Иначе...

- Иначе? - заранее почувствовала я угрозу своему мнимому благополучию.

- Иначе я вряд ли смогу позволить себе и дальше оплачивать экономку, - с абсолютно честными глазами сообщил мне работодатель.

Да уж. Глаза-то у него были честные, но вот широкая довольная улыбка так и лезла на лицо! Манипулятор чертов! Я тоже читала Карнеги! И с НЛП знакома не понаслышке. И...

- Это грязный и грубый шантаж, - прошептала я, понимая, что попалась в мышеловку. - Вы сами не знаете, на что меня обрекаете и что со мной делаете...

Конечно, можно было фыркнуть, развернуться и уйти с гордо поднятой головой. И дырявым карманом... Тех денег, что у меня скопились, хватит на свободную жизнь и на съем жилья, конечно. На какое-то время. Даже если практически бомжевать. А потом, рано или поздно, я снова останусь голодная и босая, один на один с этим неуютным миром.

Вполне возможно, этот прием не причинит мне вреда. И ОН меня не найдет. Ведь не ходит же этот проклятый колдун, в самом деле, на все приемы во всех концах света! Или это я просто себя так успокаиваю?

- Не стану отрицать, - виновато-иронически улыбаясь, кивнул мне хитрый Максим Александрович. Гад! Стоит и чуть ли не потирает руки! - Пусть шантаж, но зато откровенный. Мне нужна твоя помощь. И я ее получу! - Глаза цвета грозового неба сверкнули предвкушением.

- Но я... - замялась, не зная, как высказать свои условия.

- Не переживай, - хмыкнул мужчина, складывая руки на груди. - Говоря о твоей внешности, я не собираюсь ни пользоваться твоим телом сам, ни подкладывать под нужных людей. Я мужчина, но не подонок.

- Извините, - сжала я руки, съезживаясь на стуле. - Но мне показалось...

- Если ты так обо мне думаешь, - посерьезнел Максим Александрович, - то почему бы мне не изнасиловать тебя прямо сейчас? Никто же не придет к тебе на помощь и не спасет, верно?

Вылезло мое внутреннее, тщательно скрываемое «я» и громко хмыкнуло, говоря, что оно бы не отказалось на это посмотреть, и главное - поглядеть на то, что после попытки меня изнасиловать от моего босса останется. Ага. А останется от мужика или фарш, или

мумия. И неизвестно, что выглядит страшнее. Я за мумию.

Я прихлопнула зловредное «я» метафизической тапкой и понуро согласилась:

- Если у меня нет другого выбора, то я пойду с вами на завтрашний прием. Но хочу вас еще раз предупредить - это плохая идея. Очень-очень плохая идея, можно сказать - скверная.

- Какая это идея, - с облегчением сказал работодатель, - я буду решать сам. Завтра с утра поедем по магазинам за всем необходимым. Будь готова к полудню. - И вышел, притворив за собой дверь.

- Слушаю и повинуюсь, - зло пробурчала я, запирая замок и с обидой пиная ногой ножку кровати.

Утром, приготовив завтрак и помыв посуду, я переделала все намеченные дела и ровно в полдень вышла в холл, где меня ожидал Максим Александрович.

Его просто перекосило от моего маскировочного вида. Он даже отодвинулся.

- Эля, - осторожно сказал Максим Александрович, разглядывая мой пуховик, сделанный в непонятно какой стране, непонятно из чего и непонятно какого цвета. (Зато цена у него была достаточно понятной. Во всяком случае, лично мне, когда я его приобретала на вещевом рынке три года назад. И тогда она меня вполне устраивала.)

- Давно хочу тебя спросить: это у тебя вкус такой или бедность совсем одолела?..

- Это стиль жизни! - сердито ответила я, ту же затягивая узел платка под подбородком. - Считайте, я последовательница минимализма и ярая приверженница хиппи. Дитя цветов. Ну, знаете таких... «Всё, что нужно, - это любовь!»; «Занимайтесь любовью, а не войной» и «Дайте миру шанс».

- Я думаю, хиппи бы жестоко оскорбились, - поморщился Максим Александрович, окидывая меня выразительным взглядом и шумно распахивая передо мной дверь.

Я сжала зубы, вцепилась в авоську из коззама и, храбро дрожа коленками, переступила порог.

Меня зачихали в «лексус» и домчали до центра города, на главную улицу, где бутиков было, как мух около помойки.

Мы остановились около одного из них. Мой спутник заглушил мотор, вышел из машины, открыл дверцу и сказал:

- Выходи.

Я замотала головой, стискивая ручки своей потрепанной сумки.

- Выходи, я сказал! - повысил голос Максим Александрович и попытался вытащить меня наружу.

Машина сопровождения стояла поодаль, и мужики в ней ржали, как застоявшиеся жеребцы. То-то у охранников развлечение!

Угу. Меня внутрь магазина можно было доставить только вместе с хозяйским авто, мы с ним сроднились!

- Эля, - рявкнул Максим Александрович. - Это, в конце концов, смешно!

- Ха-ха! - уныло отозвалась я, но с места не двинулась.

Меня еще раз попытались выковырять из средства передвижения. И снова неудача. Я пришла в состояние: «Есть на Волге утес, он весь мохом порос».

- Уволью! - в сердцах пригрозил мне работодатель, стараясь отдышаться и прийти в

нормальное состояние. Сейчас он был как плотно закрученная скороварка без предохранительного клапана. Еще чуть-чуть – и крышку сорвет начисто!

Расстегнув черную кожаную куртку на натуральном меху, Максим явил миру свою идеальную фигуру. И, тяжело вздохнув, я все же вылезла из машины. Красота – страшная сила! Что поделаешь, я всего лишь слабая женщина. Не могу сопротивляться угрозам. Особенно таким великолепным.

– Ну слава богу! – возвел очи горé Максим и, схватив меня за руку, потащил в бутик, боясь, что я сейчас сорвусь с места и устрою спринтерский забег на выматывание противника. – Первый раз в жизни вижу женщину, которая сопротивляется обновлениям.

– Тогда пользуйтесь моментом, босс, – прошипела я раздраженным аспидом. – И глядите внимательно – это я!

Внутри торгового заведения меня быстро, как эстафетную палочку, передали с рук на руки двум блондинистым выдрам в трехслойном макияже.

– Девочки, – приказал Максим Александрович. (Я тут же закрутила головой по сторонам, ища пресловутых девочек.) – Подберите этой милой девушке, – тут облезлые выдры уставились на меня, стараясь рассмотреть под пуховиком хотя бы видимость девушки, – что-то по фигуре и недешевое.

– Могу предложить полированный гроб с бронзовыми ручками, – тихо прошипела я ему на ухо. – По фигуре – и недешево.

– Это еще пока рано, – успокоил меня мужчина. – Успеется. Сначала все же начнем с платья...

Хорошо выдрессированные барышни профессионально обнажили заточенные на мужиков белоснежные зубы из лучшего фарфора, слаженно кивнули и поволокли меня в примерочную.

Я скорбно смирилась с жестокой и беспощадной своей судьбой и позволила себя раздеть до нижнего белья в стиле двадцатых годов. Угу. Позапрошлого столетия.

– Смотри-ка, – сообщила одна выдра другой, прищуриваясь. – А у Максима глаз – как алмаз. Такое сокровище под этим ватником чумазым разглядел!

– Пуховиком, – твердо поправила я, влезая в первое из предложенных платьев.

– Хрен редьки не слаще! – поведала мне вторая выдра, иронически морща недавно прооперированный аристократический носик и выпячивая силиконовую грудь. Вся остальная мимика у нее отсутствовала напрочь... Проклятые рудники, то есть ботокс, уничтожили нормальное выражение эмоций, оставив странную безжизненную маску, а татуированными губами и бровями эта выдра с коллегой походили на разнояйцевых близнецов.

Ах так!

Я и пуховик обиделись крепко и навсегда! И вознамерились донести это до окружающих.

После восемнадцатого платья, которое тоже было «недостаточно дорогое и на него материала пожалели», выдры валялись на диванах и обмахивались каталогами.

– Что, больше ничего нет? – наивно осведомилась я, рассматривая кучу наваленных шмоток. – Это все? Какой-то убогонький у вас магазин, надо найти побогаче.

– А если?.. – вдруг одну из блондинок осенила мысль. Это так редко случалось, в пору событие вносить в Книгу Гиннеса. – Помнишь то платье, которое...

– Черное? – подкинулась вторая выдра. – С красными вставками?

– Ну да, – подорвалась первая, исчезая в недрах бутика.

Ну да, буду теперь как гроб повапленный. А впрочем...

Через пятнадцать минут мой выбор был сделан.

Максим Александрович расплатился, кивнул полинялым выдрам в ботоксе и двухслойном макияже и потащил меня в обувной бутик.

Там мы управились достаточно быстро. И меня обманом заманили в магазин нижнего белья. Этого я шефу просто не могла простить. Это все равно как диабетика подогнать КамАЗ с шоколадом. Вроде как: «Обожрись и сдохни!»

Я внимательно посмотрела на разглядывающего кружевные вещички Максима Александровича и осторожно поинтересовалась:

- Вы уверены, что хотите мне здесь что-то купить? Точно?

- Конечно, - кивнул он, медленно отводя взгляд от кружевных мини-трусиков, словно под гипнозом. - Все, что хочешь.

Попался, который кусался! Я злорадно хмыкнула и пошла складывать все, что давно мечтала купить, но обычно не могла себе позволить.

Когда Максим Александрович увидел счет, то его глаза вылезли из орбит ровно на такую же длину.

- Дорого? - заботливо переспросила я, внутренне хихикая. С фальшивым сочувствием: - Может, что-то из этого оставить?

- Нет, - прошипел он сквозь зубы, протягивая карточку. - Но меня так и подмывает посмотреть все это на тебе!

- Об этом уговора не было, - отрезала я, нежно поглаживая пакет. - Если вы будете на этом настаивать, то лучше сразу все верните.

- Пошли, - подхватил и меня, и пакет Максим, вытаскивая из магазина, пока я еще что-нибудь там не купила. (Охрана по-прежнему следовала за нами на определенном расстоянии и тихо развлекалась за наш счет. Вот свезло ребятам!) - Нам нужно вернуться домой. Через час придут стилист и мастер маникюра.

- А это зачем? - нахмурилась я.

- Затем, что я хочу быть уверен, что ты будешь выглядеть как женщина из высшего общества, - пояснил мне коварный мужчина, усаживаясь за руль. - А не как чучело огородное. Твой вкус я уже видел и рисковать не хочу.

- Это не риск, - прошептала я, отворачиваясь. Уронила в стекло, скорее для себя, чем для упертого идиота: - Риск будет, когда я все это надену и меня увидят. - Тяжко вздохнула: - Но кому я это говорю?..

Глава 7

Знаете, как важно оставить о себе хорошее мнение?

Внимательно выбирайте место, где вы его оставите!

Под неусыпным надзором всех, буквально всех охранников меня сначала сопроводили в караван-сарай, где оставили всех невольниц, включая Алейду.

Поскольку руки нам так и не расковали, то порыдать друг у друга на груди у нас не получилось. Девушка полила меня горячими слезами на расстоянии, пожелала мне счастья и посоветовала не рыпаться и не брыкаться, а также избегать лишних телодвижений. Я честно пообещала прислушаться к ее советам и по возможности претворить их в жизнь, после чего подарила ей на прощанье для поднятия настроения стеклянный шарик. На том и расстались.

После чего меня в окружении дружной и радостной толпы притащили во дворец Агилара. Впереди на лихом коне, прогибающемся от тяжести туши, скакал начальник каравана, пытаясь постоянно выскользнуть из седла. По моему скромному мнению, этому очень старательно содействовал сам конь. Видимо, животному было не все равно, кого везти.

В ближайшее время мне надлежало жить в здании, занимающем вместе с пристройками целый квартал. Остальные два квартала были оккупированы садом и хозяйственными дворцовыми постройками. Вообще говоря, территория города, огражденная крепостной стеной, четко делилась на продольные и поперечные улицы, образуя правильные кварталы мазанок и двухэтажных глухих домиков. Целая сеть узких улочек плюс довольно широкая центральная магистраль, примерно локтей двадцать – двадцать пять, тянущаяся из конца в конец южного града.

- И как тут люди дорогу находят? – поинтересовалась я сама у себя, потому что охрана меня упорно игнорировала. Скорее всего, по причине невозможности руко- и кнутоприкладства. Шкурку боялись попортить. Свою.

Мы резво проскакали (я протряслась на телеге до прикушенного языка) по вымощенной плитами дороге мимо главного входа с громадными резными дверьми и кучей отирающейся рядом стражи до малозаметного бокового входа.

Дворец был необычной архитектуры. Я с разинутым ртом взирала на каменную домину, сооруженную на фундаменте, или точнее сказать – платформе из кирпича высотой около добрых двадцати пяти, а то и тридцати локтей. Трехбашенный дворец выглядел непривычно и грозно. Дом-крепость.

Наконец мы прибыли. Начальник каравана спешился путем шлепанья на пятую точку. Приземлился он довольно неудобно, на камень, поскольку охрана не смогла (или не захотела!) смягчить его спуск и опустила руки. Буквально.

Потом мужика, конечно, подняли, отряхнули, попутно облегчили на кошелек с золотом и показали нужное направление.

Начальник каравана немного поправил (всего пальца на два!) запыленную чалму, украшенную кучей растрепанных перьев неопознанной птички, грозно нахмурил брови и стукнул молотком в дверь, укрепленную железными листами.

- Это чтобы туда не могли зайти? – порассуждала я сама с собой. – Или оттуда выйти? Или и так и эдак? Тогда уж точно никто никуда не пойдет...

- Почему? – не удержался от вопроса Максуд, с утра страдающий нервным тиком на левый глаз после моего нечаянного взмаха цепью рядом с его штанами. Я тогда сделала вид, что это опахло и мне жарко. Максуд поверил, но все равно нервно подмигивал.

- Потому что застрянут в дверях, – посмотрела я на него укоризненно. – Если два человека идут в разных направлениях, но в одну дверь, то они неминуемо встретятся. Вопрос только – где. А если один из идущих обладает комплекцией нашего хозяина, а второй – твоей...

Максуд представил и начал подмигивать двумя глазами. Я так засмотрелась, что пропустила момент приветствия и приглашения войти.

- Куды ты прешь, шваль оперенная? - Наружу выскочила такая же упитанная тетка в накрахмаленной парандже розового цвета, расшитой золотой нитью, блестящими камешками и колокольчиками. - Зачем шайтан тебя, осколок неверных, принес? Чего ты здесь забыл?

- Господин Агилар, - подбоченился начальник каравана, имя которого упорно не хотело сохраняться в моей памяти, - велел доставить новую рабыню.

- Иде она? - недовольно осведомилась розовая занавеска.

- Вот! - ткнул в меня толстым пальцем хозяин.

Я сделала вид, что очень рада, и позвенела цепями в знак приветствия.

- Это кто? - зафырчала тетка, расширяя унизанными кольцами пальцами ту щель, в которую она смотрела на мир.

- Новая рабыня господина Агилара, - терпеливо повторил начальник каравана. - Он встретил нас на пути...

- Вай, отродье нечестивцев! В какой канаве вы подобрали это пугало? - запрыгала тетя, колыхая массой тела и напирая на караван-баши.

Тот не остался в долгу и тоже поколыхал. Они так увлеклись, что забыли о цели визита.

- Кхм, - прочистила я горло, испытывая неодолимую потребность слезть с телеги и почувствовать свои ноги, которые совсем затекли от неподвижности.

- Так где вы ее подобрали? - вспомнила обо мне розовая паранджа через некоторое время, достаточно спустив пар.

- Там, где нет розовых коров с колокольчиками, - скромно опустила я глаза, втихую доламывая край телеги.

- Как ты смеешь мне грубить, дочь ишака и гиены! - возмущенно завопила тетя, мощной дланью отодвигая застывшего начальника стражи и направляясь к телеге.

- Какая у меня, однако, разнообразная родословная, - хмыкнула я, не отводя взгляда.

Тетка приблизилась вплотную и попыталась задавить меня своим выдающимся вперед авторитетом. Я не впечатлилась. Мы немного померились взглядами, после чего у тетки начался нервный тик на правый глаз. Она оттянула свои занавески и явила миру длинный острый нос.

- Простите, госпожа, - повинулась я. - Не признала сразу...

Тетка выпрямилась и благосклонно кивнула.

- ...перепутала ворону с коровой, - закончила я. Потом подумала и кивнула на чалму с перьями начальника каравана: - Не ваши?

- Ты?! - Тетя напряглась и попыталась меня обнять и задушить в объятиях.

Я ее опередила и опутала ее шею (по крайней мере у нормальных людей в этом месте точно должна быть шея) цепью от кандалов, притягивая к себе.

- Ой! - обрадовалась такой теплой встрече розовая занавеска и начала синхронно с Максудом моргать глазами.

- Если ты еще раз на меня полезешь, - прошептала я ей на ухо, ласково стягивая цепь потуже, - я найду чем тебя полюбить, даже если эта любовь будет безответной. Поняла?

Тетка заморгала еще интенсивнее в знак согласия.

- Госпожа Сирейла, - выскочил костлявый мужичок в бурнусе. - Господин Агилар велел сказать, что, когда привезут новую рабыню, ее нужно привести в порядок и отправить к нему. А господина Кармипнуза проводить к казначею за расчетом.

Та-ак... похоже, карма его уже пнула. Теперь мой черед?

- Хорошо, - прохрипела госпожа Сирейла. - Она уже тут.

- Где? - не понял мужичок.

Я сделала вид, что очень рада, и позвенела цепями. Только на этот раз в них запуталась тетка в розовой занавеске, поэтому звенели они грустно, не в силах конкурировать с ее колокольчиками.

- А-а-а, - задумчиво почесал феску мужичок. - Не признал вас, господин Кармипнуз. - Часто моргая, осведомился: - А рабыня где?

- Я за нее буду, - успокоила я мужичка и обратилась к охране: - Меня вместе с телегой заносить будут или вы все же снимете эти украшения? - указала глазами на внушительные кандалы. Подкинула «заманчивое» предложение: - Могу в придачу оставить вам эту милейшую госпожу. Она ласково проморгает вам сказку на ночь.

Охрана решительно отказалась от предложенной взятки и отстегнула меня от телеги.

Я, кряхтя, слезла с надоевшего средства передвижения и поволокла за собой красную тетку в розовой занавеске.

По дороге в рабство я дружески побраталась со всеми охранниками, притискивая их пунцовой теткой в серо-розовой занавеске, и долго ловила убегающего начальника каравана, который отказывался с нами обниматься. Когда я его поймала, ловко подложив ему под ноги синеющую тетку в рваной занавеси, он был так счастлив, что на радостях подарил мне кандалы и трижды по три проклял тот день, когда пошел в поисках кустиков, а нашел меня.

- Не надо было хватать все, что под ногами валяется! - сделала я еще один поучительный вывод, меткой рукой посылая синюю тетку в остатках занавески в дверной проем. И пошла поглазеть, куда на этот раз запулила меня рука Творца.

Внутри я осмотрела завал из подслушивающих женщин, который устроила тетка без розовой занавески, сметя всех на своем пути к моему водворению в рабство.

Я поглазела на куча-малу и поняла, что подмоги оттуда ждать нечего. Тоскливо вздохнула. Перекусила браслеты на руках, сплюнула застрявшую в зубах металлическую крошку и, отбросив в сторону покореженные кандалы, пошла искать путеводитель. Нашла.

- Куда дальше? - встряхнула я госпожу Сирейлу за шиворот помятого в перипетиях платья.

- Т-т-туда, - махнула она рукой в неопределенном направлении, стараясь принять грозный вид.

- Веди, - скомандовала я, поворачивая ее лицо в том направлении.

Все остальные поднимались с пола, постанывая и матерясь сквозь зубы. Кому как, а мне это не помешало. Наоборот, добавило задора и бодрости.

Под этот несмолкаемый аккомпанемент мы проследовали во внутренний дворик и увидели красивое двухэтажное здание с амфитеатром колонн на первом этаже и окнами, заслоненными ставнями, на втором. Мы вошли через роскошную, покрытую бело-золотистыми изразцами гостиную с камином и многочисленными нишами и полочками. Я даже приостановилась и открыла рот, наблюдая в обрамлении бронзовых плиток искусные изображения на угольно-сером фоне - высокие букеты лилий и роз и ряды нарисованных сосудов с разнообразными плодами земли - желтыми, белыми, розовыми, оранжевыми. Впечатляюще!

Откуда-то я совершенно точно знала, что это именно изразцы и они высокохудожественны, хотя никогда в своей сознательной жизни такого не видела. Керамическая плитка частично маскировала изящные закрытые ящички, встроенные в стены так, что где сами ящики, а где стена – невозможно было разгадать.

Камин-очаг был отделанверху сложносоставной золотистой коронкой и оформлен в виде полуоткрытого бело-серебристого занавеса, усеянного мелкими белыми розочками. Красиво, изысканно, чисто. Не очаг – картинка!

Каменные и деревянные полы устланы повсеместно коврами и циновками. Девушки по большей части везде ходили босиком или в симпатичных вязаных или валянных из шерсти тапочках. У входа – аккуратные ряды обуви.

Мы довольно быстро миновали несколько огромных помещений и пару длинных крытых галерей. Обстановка в доме состояла почти исключительно из диванов, не считая настенных и напольных ковров и дорожек. Интересные решетчатые окна, из которых видно все происходящее во дворе, но в то же время нельзя заглянуть вовнутрь.

Спальни для жительниц серала были немаленькими, в каждой могли уместиться человек тридцать – пятьдесят, а то и сто. По периметру помещений стояли цветастые диваны с подушками. По всей видимости, ночевали местные наложницы на полу, на матрацах и перинах. Предполагаю, на день спальные принадлежности убирали внутрь встроенных шкафов. При мне один такой матрас складывали две милостивые дамы и в четыре руки закидывали в нишу.

От центрального помещения, которое представляло собой нечто вроде главной гостиной, расходились двери в личные дортуары особо отмеченных вниманием господина наложниц.

На противоположной от входа стороне центрального зала хозяева устроили альков, пол которого был поднят относительно остальной части помещения, – Сирейла, по-моему, специально меня завела сюда, чтобы я позавидовала.

Там были удобные сиденья в виде небольших, но богато украшенных софы и диванов, а также размещались трюмо, блестящие полированной медью трехсвечные и масляные подвесные светильники и столики из мрамора и черного дерева.

В многочисленных стенных нишах выставили напоказ флаконы с драгоценными маслами и розовой водой, всевозможные ларцы с украшениями, веера и мелкие безделушки. Там же стояли драгоценные кувшины и чаши.

Наконец мы доползли до обширной мраморной купальни. Я зело возрадовалась, скидывая с себя вонючее тряпье и бросаясь с разбега в громадный, выложенный разноцветной мозаикой бассейн.

После того как вылила и намазала на себя все моющие средства, имеющиеся в наличии, а тетку отпоили чем-то крепким и поднимающим тонус, я вылезла из ставшей немного серой воды и встряхнула мокрой гривой.

- Что теперь? – отжала я воду из волос.

Дамы захотели меня каждая в свои руки.

- Тихо! – остановила я поток возмущения. – Что следующее по плану?

Госпожа Сирейла скуксилась и послала ко мне двух массивных теток с сильно накачанными бицепсами. Те хмыкнули, переглянулись и разом взяли меня в оборот.

Для начала мне жестоко заломили руки и повалили на широкую лежанку. Я не сопротивлялась, решив посмотреть воочию, что будет по плану дальше.

Тетки удовлетворенно хлопнули друг дружку по ладоням, сорвали с меня банное покрывало и обильно полили приятно пахнущим маслом. После чего с гиканьем залезли сверху и начали что-то с усилиями искать на моих костях, причем пытаюсь найти это изнутри.

Периодически по мне возюкали шипастыми колючими валиками и тыкали вдоль позвоночника забавными такими рогульками из полированного камня и дерева. Было щекотно и приятно.

Присутствующие подбадривали их гортанными возгласами одобрения и свистом.

Месили меня так знатно, что я в результате замурлыкала от удовольствия. Услышав этот неожиданный звук, тетки слаженно остановились.

Я приподнялась на локтях, вывернула голову и вежливо попросила:

- Под левой лопаткой еще разок не почешете? Вон тем валиком с гвоздиками?..

После моей просьбы дамы-массажистки жутко обиделись, демонстративно собрали свои масла и оскорбленно удалились искать новое тело для замеса. Ну я так не играю! Все в этом доме не доделывают до конца! Даже обидно.

- А что, продолжения не будет? - расстроилась я, сидя на лежанке и подозрительно обнюхивая себя, - мало ли чем тут облили, вдруг гадость какая-то. - Только раззадорили.

- Одевайся! - Одна из женщин швырнула в мою сторону одежду. - Пора готовить тебя к господину.

- И даже не покормите?.. - недоверчиво спросила я, натягивая шаровары и лиф из красного прозрачного газа, расшитые золотой нитью. Хорошо придумали! И раздеваться будет легко и удобно!

- Кто не работает, тот не ест! - отрезала госпожа Сирейла, делая знак кому-то позади меня.

Не успела я опомниться, как на моей шее защелкнулся легкий ажурный ошейник. Я потрогала его кончиками пальцев и решила благоразумно промолчать. Если совсем кормить не будут, то сойдет как закуска. Я втихую по дороге сюда весь запас кандалов перегрызла как сухарики. Жалко, не увижу лица начальника каравана, когда он обнаружит потерю рабочего инструмента.

Госпожа Сирейла оглядела меня со злорадным блеском в глазах и хлопнула в ладоши. В баню тут же вошел дюжий мужик в красных штанах и замызганном кожаном фартуке, прикрывающем волосатую грудь. В руках у него был железный ящик, от которого несло жаром.

- Во! - кивнула я на него. - Смотрите, девочки, к вам работа сама пришла. Раз у меня взять нечего, можете его массажировать сколько хотите. Тут мно-ого...

Мужик осклабился, показав редкие коричневые зубы, и достал из переносной жаровни какую-то круглуюштуковину на ручке, разогретую до белого цвета.

- Готова? - угрожающе прорычал он, подступая ко мне с видом записного злодея.

В это время пять теток начали меня хватать за руки и ноги, вцепляясь, словно клещи в собачье ухо. Одна особо настырная служанка начала стягивать мои шаровары. Ведь только что сами их дали! Зачем они ей, спрашивается, так срочно понадобились?

- К чему? - осторожно спросила я, не отводя взгляда от громилы. И лягнула ту самоубийцу, которая тащит чужое без спроса. Та булькнула и свалилась в обморок.

- К клейму, - чуток опешил мужик от моей непосредственности.

- Зачем? - нескazanно удивилась я, не делая никаких попыток вырваться.

- Таких непокорных нужно клеймить! - влезла госпожа Сирейла, радостно потирая руки и сияя мясистым лицом с черными провалами насурьмленных глаз. - Сразу станешь как шелковая!

- Не думаю... - откровенно засомневалась я.

- А ты не думай! - заржал мужик, похотливо раздевая меня глазами. - Вам, гаремным

девушкам, думать не положено. У вас для работы другие места есть! – И плотоядно ощерился.

Я прямо расцвела от такого внимания. Но на бесцеремонность обозлилась.

– Не буду, – согласилась я, без особых усилий стряхивая теток и отбирая у громилы клеймо. – Прежде чем допустить тебя к себе... – покрутила я в руках железяку. – Шайтан! Куда оно, кстати, ставится?

– На правую ягодицу, – пробормотал мужик, с удивлением рассматривая свои опустевшие руки.

– Это где? – невинно улыбнулась я ему своей самой лучшей улыбкой, очаровательной, широкой и дружелюбной.

Громила повернулся ко мне тылом и ткнул пальцем в нужное место:

– Сюда. А теперь верни мое орудие производства.

– Да пожалуйста, – хмыкнула я, сдергивая с него штаны и впечатывая клеймо именно туда, куда он показал. – Мне оно все равно не нужно.

– У-у-у! – заорал мужик, подпрыгивая и прижимая руки к обожженному заду.

– По-моему, нечетко отпечаталось, – поделилась я впечатлениями. – Нужно повторить.

Громила на мгновение замер и рванул на выход. Я умело отсекала его от цели.

– Что-то он не стал шелковым, – фыркнула я, поигрывая клеймом. – Подозрительно! Вы, почтенные, что-то в порядке действий упустили или недоработали.

Госпожа Сирейла мудро промолчала из-под лежанки для массажа. Наверное, у нее не было другого места для дружеской продолжительной беседы, так как туда набились и все остальные.

– Если я тебя догоню, – пообещала я громиле, – то украшу отпечатками по всему телу, а если ты сам...

Мужик полез на оконную решетку и притворился декоративным плющом. Или диким вьющимся виноградом...

– Не хочешь, значит? – спросила я, примеривая на глаз расстояние.

– Не-а, – замотал он лысой головой, разбивая мои представления о том, что растения не могут говорить.

– Тогда лови! – хмыкнула я и с небольшим усилием швырнула клеймо в него, предварительно отломав деревянную рукоятку. Острый конец железки воткнулся ровно по центру приобретенного им украшения.

– А-а-а!!! – Плющ в красных штанах задержался и начал сползать по решетке.

Я с интересом следила за его возвращением в наше приятное общество.

– Что здесь происходит? – раздалось сзади.

Я переместилась, не выпуская из поля зрения громилу. К нам пожаловал господин Агилар. Очень сердитый, судя по нахмуренным бровям и напряженной челюсти.

– Я опробовала ваше клеймо, – пояснила ему, откидывая с лица волосы.

Мужчина отвел взгляд от громилы, посмотрел на меня и... застыл. Потом тряхнул головой и поинтересовался:

– Зачем?

– Вот и я спрашиваю – зачем это было нужно? – недоуменно хлопнула я ресницами.

- По моим правилам, - поиграл желваками мой будущий господин Агилар, - каждая рабыня должна быть закована или заклеена. Или и то и другое. Во избежание побега, который, кстати, - он пристально посмотрел в глаза, - карается смертью.

- Доходчиво, - кивнула я, направляясь к громиле. - Но, боюсь, вам не удастся «или то и другое» в ближайшее время.

- Я не отдавал приказа тебя клеймить, - еще больше нахмурился Агилар. Его приятный голос стал громче и строже: - Сирейла проявила самоуправство. - Хозяин дворца окинул сердитым взглядом растерзанного палача, толстых куриц, забившихся под топчан, и навскидку оценил свои потери, моральные и физические: - Но ты испортила мое имущество и понесешь наказание.

- Какое? - Я достигла громилы и выдернула из него чуть-чуть погнутое клеймо.

Мужик застонал, будто я сейчас пропорола его насмерть, и закатил глаза. Если он попробует еще и упасть в обморок, я разочаруюсь во всем мужском роде!

Нет, не упал. Но изобразил посмертные конвульсии, сотрясаясь всем телом.

- Амирфалака, - вынес решение Агилар, не вступая в дальнейшие обсуждения и дискуссии. - Десять ударов по ступням.

Вообще-то, когда я спрашивала, речь шла именно о порче, а не наказании! У кого-то большие проблемы со слухом!

Я зло прищурилась и скрипнула зубами. Завязав рукоятку клейма узлом, всучила Агилару и поинтересовалась:

- Куда идти?..

Глава 8

Если мужчина изъявил желание вас пощупать, обязательно поинтересуйтесь – чем именно, во избежание сюрпризов.

Сопровождаемая грозным Агиларом, не сводящим с меня глаз, и охающей госпожой Сирейлой, не сводящей глаз с Агилара, я благополучно доставила себя в помещение для наказания. Эта средних размеров комната, уставленная всяческими приспособлениями, располагалась не очень далеко от бани.

– Это чтобы далеко не ходить? – любопытствовала я, разглядывая внушительную коллекцию кнутов и плеток.

– Ясир! – крикнул Агилар, игнорируя мой вопрос.

Из-за едва заметной двери показался высокий худощавый человек с мертвыми глазами. В его черных очах не отражалось ничего: ни мыслей, ни эмоций. Словно их завесили непроницаемыми шторами.

– Что прикажет господин? – согнулся в поклоне палач, видимо по традиции тоже одетый в красные штаны и кожаный фартук.

– Амирфалака. Десять ударов, – коротко распорядился Агилар, усаживаясь в мягкое кресло с высокой спинкой.

Ясир окинул меня взглядом и, протянув руку, сказал:

– Прошу, – указывая на низкую скамью, заканчивавшуюся высокой стенкой со встроенными колодками.

Я радужно улыбнулась и, не споря, улеглась на предложенное место. Ясир ловко, с привычной сноровкой засунул мои щиколотки в колодки, прихватывая вместе большие пальцы ног и поднимая стопы кверху, потом привязал руки, задирая над головой.

– Что прикажете использовать, господин? – склонился он перед Агиларом, рядом с которым застыла пунцовая от счастья Сирейла. – Семижильную плетку, пучок розог, трость? Кнут из кожи буйвола?

– Трость. – Агилар был удивительно немногословен.

– Как прикажет господин, – снова поклонился Ясир и отошел к противоположной стене, у которой стояла стойка с множеством всяких палок, кнутобойных устройств и разнообразных палаческих принадлежностей.

Выбрав одну из палок, палач взмахнул ею в воздухе, высекая свист, и на вытянутых руках с поклоном принес на одобрение хозяину.

Агилар осмотрел, сжал губы и кивнул.

Ясир подошел ко мне, ласково, практически нежно погладил ступни. Потом замахнулся и с хлестом опустил на них трость.

У меня возникло желание почесаться. Но все остальные отреагировали как-то странно. Агилар подался вперед, схватившись пальцами за подлокотники кресла до побелевших костяшек. Сейчас его губы были сурово сжаты, а ввалившиеся глаза свидетельствовали о крайней степени усталости или страданий, перенесенных не так давно. От него исходили остаточные эманации горя – если правильно понимаю, не так давно у господина умер кто-то близкий.

Хлесь!

Сирейла облизнула губы и тяжело задышала, перебирая бахрому пояса. Ясир проявил какое-то подобие удивления.

Я честно не понимала, что происходит и чего от меня хотят. Но вскоре до меня дошло – это, по идее, должно быть больно, и я просто обязана кричать, плакать и умолять о

пощаде.

Мысленно пожала плечами. Что мне, трудно, что ли, сделать людям приятное? Хочется им услышать от меня надрывные вопли – да мне не жалко, могу и покричать всем на радость, раз уж так этого ждут.

Ясир ударил меня во второй раз.

Снова захотелось почесаться от возникшей в ступнях щекотки. Я мужественно подавила хихиканье и с большим трудом выдавила из себя слезу. По-моему, на нее ушли все мои ресурсы. К тому же усладила уши присутствующих истошным визгом. Они сразу успокоились и продолжили наказание.

На восьмом ударе госпожа Сирейла нижайше попросила Агилара смилостивиться и смягчить кару. Не думаю, чтобы он ее услышал. Орала я добросовестно, во всю силу легких, даже у самой в ушах звенело.

Единственное, на что меня не хватило, – умолять о пощаде. С моей точки зрения, это был бы уже заметный перебор, да и такое поведение явно не в моем стиле. Не поверят.

На девятом ударе сломался Ясир и попросил у меня прощения. Это было так трогательно, что я даже перестала на мгновение орать и простила его от всей души, пообещав не запикивать ему трость... ну, куда влезет. Естественно, мысленно.

После десятого удара все облегченно вздохнули.

– Надеюсь, теперь ты будешь следовать моим законам, рабыня, – надменно сказал Агилар, давая знак освободить меня.

Я проигнорировала. Слишком увлеклась криком и стонами.

– Пусть сегодня отдохнет, – распорядился мужчина, обращаясь к Сирейле. – Покажи девушку лекарю. Ко мне приведешь ее завтра. Сегодня я жду Гюзель.

– Как прикажет мой господин, – склонилась в поклоне тетка.

Пока суть да дело, Ясир освободил меня. Я потянулась, разминая затекшее тело, и легко встала на ноги.

Все присутствующие снова умолкли и с недоумением уставились на мои ступни. До меня дошло, что я опять облажалась. Скорее всего, должна быть дикая боль, если уж один мерзавец озаботился тем, чтобы показать меня лекарю.

Я заорала и запрыгнула к Ясиру на ручки. И для полновесного эффекта еще немного поорала ему в ухо. Палач слегка растерялся и взял. Правда, потом под тяжелым взглядом господина бережно передал ему, заработав глухоту на одно ухо и поцелуй в щеку.

– Скоро пройдет, – нежно успокоил меня Агилар, держа на руках. – Завтра будет едва чувствоваться.

И как это понимать? Палки плохо сочетаются с нежностью, а презрение и пытки – с любовью. Я закусила губу и зыркнула на него из-под бровей.

– Как тебя зовут, рабыня? – внезапно спросил мужчина, неосознанно сильнее прижимая к груди.

Я было открыла рот, чтобы сказать: «Понятия не имею!»

– Впрочем, не важно, – непоследовательно решил Агилар. – Я буду звать тебя Амариллис. Так называется редкий ярко-алый цветок.

Рот я закрыла. Скорее из боязни укусить, нежели из скромности или почтения к хозяину.

– Кто же ты, Амариллис? – тихо спросил Агилар, задумчиво рассматривая мое лицо.

Дверь в пыточную распахнулась, и появился давешний дедушка верхом на маленьком лопоухом ослике.

С потолка, что ли, сверзился? Не могу себе представить, чтобы его пропустили во внутренние помещения с верховым животным, да еще и ослом! Здесь ослики, не в пример благородным скакунам, не в почете.

Хотя гордишься ты своим умом, Пред миром вечно будешь дураком. Твою ученость дегтем льют по бочкам, А мудрость Господа и в капельке росы найдем.

- Привет, неродственник! Давно не виделись! - обрадовалась я безобидному старичку, который ни разу не попытался сделать мне больно, в отличие от разных присутствующих здесь личностей.

- Что тебе нужно в моем доме, Веселый Дервиш? - обеспокоенно спросил Агилар, еще крепче прижимая меня к себе.

- Ничего, сын пустыни, - хитро улыбнулся старик. - Спроси лучше, что нужно тебе от меня!

- Ничего, - пробормотал мужчина, склоняясь надо мной и укрывая от старика. - Всем, что мне нужно, я уже владею!

- Ой ли! - хмыкнул почтеннейший дедуля. - Тогда встретимся позднее, человек, стоящий на распутье. - И растаял в воздухе, сказав мне на прощанье: - Пусти в себя свет, девушка с глазами цвета амариллиса, и открой свою тьму...

- Ой! - со стуком рухнула в обморок Сирейла.

Я внимательно наблюдала за ней, впитывая детали. Должна же я знать, как падают в обмороки. Вдруг в будущем пригодится?

«Хрым!» - сломал трость в руках Ясир, глядя на меня. После чего молча склонился в почтительном поклоне.

- Кто же ты? - раздул ноздри Агилар, раздраженно шурясь. - Отвечай!

- Меня нашли в пустыне голую, - спокойно сообщила я, глядя на него кристально честными глазами. - Про память начальник каравана не упоминал. То ли не нашел, то ли до него свистнули...

- Это отговорки, - начал злиться Агилар. - Я жду ответа. Кто ты, рабыня?

- Некая особь, предположительно женского пола, - невинно хлопнула я ресницами. С немалой долей лукавства продолжила: - Которую сначала кучу времени таскали по пустыне, закованную в железо для тепла и удобства, потом протащили через весь город, продав некоему господину. Который, в свою очередь, приказал ее побить тростью по вот этим вот ножкам. - Я изогнулась у него на руках и сунула ему под нос свою ступню.

Мужчина остановился и застыл, изучая предложенное.

- Женский пол я определила по этому. - В этот раз у него перед носом оказалась моя грудь, слегка прикрытая газом.

Тут мы еще немного постояли. Как раз столько времени, чтобы к нам присоединилась запыхавшаяся и надутая госпожа Сирейла.

Я задумалась, чего бы еще ему показать. На ум приходила только задняя часть моей панорамы, но мне не хотелось напоминать о клейме. Вдруг у них во дворце персонально для меня найдется еще одно, где-то заныканное.

- Саид! - заорал Агилар.

Чуть ли не из-под земли вырос мужчина в пестром халате и громадной розовой чалме. Милый такой. Особенно мне понравились подбородки, постепенно стекавшие на грудь.

- Отнеси рабыню к лекарю! - передал меня с рук на руки хозяин. - Скажи, пусть

посмотрит и обработает ступни. Завтра она должна быть в порядке.

- Слушаюсь, мой господин, - поклонился Саид вместе со мной.

Меня так обволокло мягким телом, что я разнежилась и заворковала, расправляя жирные складочки:

- Какой же ты красивый, Саид.

Все снова застыли и вылупились на меня, как на оазис в пустыне.

- Расскажи мне, ненаглядный толстопузик, - погладила я его по пухлым щекам и обнаружила изумленные карие глаза. - Я тебе нравлюсь?

- Я евнух, - смущенно признался толстяк. - Мне никто не может нравиться.

- Евнух? А это кто?.. - удивилась я в полной тишине. - Кто-то особенный? Я не понимаю, чем он от остальных людей отличается. У него жабры растут или хвост телепается?

- У меня нет того, чему может нравиться женщина, - попытался объяснить евнух, стараясь не встречаться взглядом с хозяином.

- Мозгов, что ли? - не поверила я своим ушам.

От евнуха исходили оглушающие флюиды нерастраченной жажды любви и тщательно подавляемого, но отнюдь не исчезнувшего желания. Они чувствовались на расстоянии и вызывали у меня комфортное расслабление и стремление понежиться в лучах мощного источника чего-то приятного.

- А выглядишь очень даже целым. Таким... мм... - Я облизнулась: - Монументально целым. - Мурлыкнула: - Прямо-таки колоссально целым... И брось ты эти предрассудки. - Я ласково постучала пальчиком по его лбу. - Если у тебя чего-то не хватает, то все равно нужно жить дальше. У меня вот памяти нет. И что?

- Что? - влез Агилар, играя желваками и стискивая руку на сабле, которую он наполовину вытащил из ножен, сам того не замечая.

- Живу себе как-то... - пожала я плечами. Обратилась к толстопузу: - Пойдем, моя медовая лепешка, навестим лекаря. А по дороге я расскажу, как я могу тебе понравиться...

- Сам ее отнесу! - слишком поспешно выхватил меня из объятий разочарованного евнуха Агилар и заспешил дальше по коридору.

- Пока, мой сладкий персик, - пропела я, выглядывая из-за плеча уносившего меня мужчины. - Увидимся в гареме!

Госпожа Сирейла обошла пару раз вокруг Саида, пристально осмотрела со всех сторон и приказала толстяку, перед тем как нас догнать:

- Вечером зайдешь ко мне. - Многозначительно: - Будем проводить беседу на тему симпатий...

- Мне стоило приказать вставить тебе кляп! - рычал Агилар, размашисто следуя по коридору. - Тогда ты будешь меньше молоть всякую чушь своим языком!

- А что еще можно молоть языком? - заинтересовалась я. - Мне, правда, сказали, что можно сделать так. - И я провела язычком по его губам.

Сильные пальцы сжались еще крепче.

- Или так... - Я проникла им вовнутрь и коснулась его языка.

Агилар напрягся и застонал, отвечая на поцелуй.

- Еще можно сделать так, - прошептала я ему в губы, разворачиваясь у него на руках и обнимая ногами за талию.

По мускулистому торсу прокатилась едва заметная судорога, легкая дрожь, нашедшая пылкий отклик в моем теле.

- Что ты делаешь, рабыня? - Дыхание мужчины сбилось.

Вокруг нас клубился сладкий одуряющий аромат желаний, сводивший меня с ума. Я была очень, очень голодна. Эманаций евнуха мне было мало, на один зуб.

- Живу, - приникла я к его губам, пока меня удобно устраивали на подставке для вазы, которую нечаянно разбили, когда искали, куда бы меня усадить. - Хочешь узнать как?

- Господин! - с плохо скрытой укоризной тонким голосом воскликнула госпожа Сирейла, портя мне все удовольствие от пробы этого восхитительного мужчины. - Мне уйти?

Я отстранилась и отодвинула разгоряченного Агилара на длину ног, упираясь в него ступнями:

- У меня моральная травма! И мы шли к лекарю!

Я думала, что после этих слов он меня убьет. Но нет, только испепелил взглядом, взвалил на плечо и резвым конем доскакал до места обитания дворцового коновала. Там хозяин гарема скинул меня на мягкий матрас, словно куль с мукой, и приказал:

- Чтобы к вечеру была здорова и у меня в постели! Иначе...

- А как же Гюзель? - осторожно напомнила смотрительница гарема.

- К шайтану! - четко определил место отправки наложницы Агилар, следуя к двери. Но неожиданно остановился в проеме и передумал. Велел: - Пришли ее сейчас! Немедленно!

- Так вот кто тут шайтан! - сделала я логичный вывод, пока побелевший лекарь осматривал мои ступни.

Агилар вернулся, навис надо мной и прошипел:

- Сегодня ночью ты мне покоришься, рабыня! Или умрешь!

- Есть еще какой-то выбор? - поинтересовалась я, отбирая у лекаря банку с вкусно пахнущей мазью и засовывая туда палец. - Может, сойдемся на десяти ударах амирфалака?..

Зрители остолбенели.

- Прости ее, мой господин! - бухнулся в ноги Агилару лекарь, уже достигший нежно-зеленого цвета. - Она не ведает, что говорит!

- Ведаю, - опровергла я его, пробуя мазь на вкус. - Мням. Я только что оттуда.

- И хочешь еще раз туда вернуться?! - не поверил своим ушам Агилар.

- Если только вы меня туда и обратно отнесете на руках, то можете носить сколько хотите, - внесла я предложение, зачерпывая мазь ладонью и запихивая в рот. - А если еще по дороге будет пара-тройка таких же симпатичных евнухов...

- Что ты делаешь? - опомнился лекарь, уже слившийся по цвету с зеленым бурнусом, и отобрал у меня ополовиненную банку с мазью. - Там змеиный яд!

- Не чувствуется, - заверила я его. - Вас явно надули с ингредиентами.

- Да кто ты, шайтан тебя побери, такая? - заорал одновременно взбешенный и напуганный хозяин. - Промой ей желудок!

- Не надо мне ничего мыть! - надула я губы, между делом облизнув нижнюю и состроив глазки лекарю. - У меня все в порядке. Я просто голодная. И если у вас кормят только за секс или амирфалаку, то, может, мы уже как-то договоримся? Пока я не скончалась от голода?

- Почему ее не накормили? - нахмурился хозяин, поворачиваясь к вездесущей госпоже Сирейле. Та скромно потупилась. - Понятно! Брось немедленно!!!

Это уже мне. Потому что я сунула нос во что-то, приятно пахнущее кисленьким, и собралась похлебать мутной водицы из этого сосуда.

- Лучше я тебя сейчас сам убью, - рявкнул Агилар, - чем буду видеть, как ты медленно умираешь от выпитой сильно концентрированной уксусной эссенции!

- У меня ноги болят! - вспомнила я о цели визита, показывая всем свои ступни и отвлекая от идеи избавиться от моей персоны.

- Лечить! - ткнул пальцем в лекаря Агилар.

Тот потянулся за остатками мази.

- Вовнутрь? - просяще глянула я на хозяина жалобными глазами лани.

- Кормить! - рявкнул тот Сирейле. - Накормить досыта!

Смотрительница гарема шустро вымелась за дверь.

- Какая цена? - деловито осведомилась я, прислушиваясь к своему несчастному желудку.

- Узнаешь! Потом! - зловеще пообещал Агилар и вышел из комнаты.

- А почему не сейчас? - изумилась я, вставая на ноги и поддерживая трясущегося лекаря.

Старик посмотрел на мои ноги и осел на пол кучкой.

- Все, - расстроилась я. - Лечение отменяется. Как только должно произойти что-то хорошее, обязательно кто-то падает в обморок!

Глава 9

Логика: сначала показать всем, а потом кричать: «Мое!» – прятать.

Нашествие мастеров гламурного глянца, приглашенных ко мне боссом, я перенесла тяжело. Вырвав свои конечности из цепких рук мастера по маникюру, я оглядела покрытые бордовым лаком ногти, подпиленные под коготки, и хмыкнула:

- Фильмов про вампиров пересмотрели? Или книг перечитали?

- Это последний крик моды, – обиделась девушка, собирая свои инструменты.

- Последний в том смысле, что после того, как увидят, могут только шипеть и выражаться междометиями? – подняла я брови.

- Нет! – фыркнула мастер. – Бурно радоваться!

- Ну тогда ладно, – успокоилась я, поворачиваясь к скучающему молодому человеку в обтягивающих штанах, ремень которых начинался ровно на том месте, где мужчины отличаются от женщин. (Так вот, этот молодой человек не отличался! Ни по внешнему виду, ни по манерам.) – Я сейчас приду. Минутку.

- Только быстрее! – крикнул мне вслед стилист, когда я удалялась в ванную комнату. – Меня еще в одном месте ждут! Пупсик... – Он схватил телефонную трубку.

Максим Александрович для моего преобразования милостиво предоставил одну из гостевых спален, превращенную в салон для переделки людей.

- Знаю я, где тебя ждут, – пробормотала я, захлопывая за собой массивную дверь и доставая из кармана домашнего платья-балахона маленький контейнер. – И даже знаю, какой доктор плачет по тебе горючими слезами!

Открыла контейнер и достала пару контактных линз коричневого цвета. Они скроют мой настоящий цвет глаз и позволят снять черные очки, хотя и ухудшат зрение. Но дешевые черные очки совершенно не гармонировали с дорогим вечерним туалетом.

Я вставила линзы, помассировала веки. После стащила с себя одежду и надела кружевные стринги, черные подвязки и чулки. Накинула банный халат сверху.

Мне абсолютно не хотелось демонстрировать посторонним кое-какие детали.

Стянула платок и распустила стянутые в тугую косу волосы, заструившиеся вдоль спины мягкими волнами и закрутившиеся около бедер в кольца.

Еще раз посмотрела на себя в зеркало, тяжело вздохнула, прощаясь с удобным и комфортным образом неприметной мышки, и вышла из ванной.

Молодой человек со странным именем Котик потерял дар речи и нашел в себе мужское либидо.

- Упс! – выдохнул стилист, отодвигая стул около тумбочки с зеркалом. – Это... – Он помахал рукой с растопыренными пальцами. – Это... фантастика! Я знаю, что я сейчас сделаю!

- Сейчас ты сделаешь, – я пристально посмотрела ему в чуть заметно подведенные глаза, – то, что скажу. Сначала ты уложишь мои волосы так, как я хочу. После этого соберешь свои вещи и пойдешь домой. По дороге позвонишь своему пупсику и попрощаешься с ним на веки вечные, если не хочешь умереть через два года от СПИДа. Ты меня понял?

- Понял, – послушно кивнул стилист и занялся моими волосами.

От прикосновения умелых рук я чуть не мурлыкала, наслаждаясь редким мгновением удовольствия. Когда все было закончено, я отпустила стилиста, сердечно поблагодарив и поцеловав в щеку.

Ну, теперь мальчик будет открыт для новых свершений на другом поле. Женщины им порадуются. Мелочь, а приятно.

Достала из футляра платье. Аккуратно надела. Обула туфли. Еще раз посмотрелась в зеркало, удовлетворенно хмыкнула и пошла радовать домашнего шантажиста, чтоб ему сто лет икалось.

Пока я спускалась по лестнице, у Максима Александровича, который ждал меня внизу в дорогом черно-синем костюме от кутюр, перехватило дух. И пошла обычная мужская реакция, которую он мгновенно попытался скрыть, одернув полу пиджака.

Я знала, что именно он видит.

Темно-каштановые волосы с красными прядями, собранные спереди в «корону» с небольшими выпущенными прядками, и основная масса волос, падающая на спину.

Тонкое лицо с правильными чертами. Изящно выгнутые дуги бровей над большими миндалевидными глазами, опущенными длинными, загнутыми ресницами. Сочный рот с чуть припухлой нижней губой. Упрямый подбородок с едва заметной ямочкой.

Стройное тело, обтянутое платьем из черного джерси. Ткань закрывает меня от шеи до черных туфель на каблуках с красной подошвой. Воротник-стойка подчеркивает стройность шеи и пышность груди. Платье расходится у бедер в клеш. Спереди сделано два длинных разреза, через которые выглядывает красное кружево. В разрезах при движении мелькают ноги, интригуя и притягивая взгляд. И сверх всего этого сносящая крышу всем особям, которые носят штаны, от шести до девяноста, невероятная сексуальная притягательность. Мой щит и меч, благословение и проклятие.

Но мой спутник еще не видел главного сюрприза этого платья.

- Ну как? - коварно улыбнулась я, подходя к Максиму Александровичу.

Он вздрогнул, будто раздался гром посреди ясного неба. Хорошо хоть не подпрыгнул. Максим взял себя в руки и небрежно уронил:

- Гораздо лучше, чем я думал.

Но его выдали глаза. В них застыл шок.

- И на том спасибо! - порадовалась я за креативность его мышления. - Пойдемте?

- Подожди, - попросил меня спутник, поднимая с пуфика роскошный палантин из черной норки с красными прокрашенными хвостиками. - Я подумал, твоя телогрейка к платью не подойдет.

- Мой пуховик универсален! - чисто из принципа возразила я, поворачиваясь к шефу спиной и поднимая волосы.

Тихий стон послужил мне наградой. Я улыбнулась и посмотрела на работодателя через плечо.

У Максима Александровича был вид человека, стукнутого пыльным мешком из-за угла. Лицо побледнело. Зрачки расширились, почти скрывая серо-стальную, с проблесками синего радужку. Он окаменел, не имея сил двинуться или что-либо сказать. Слово его ударила молния.

Дело в том, что мое платье не имело спины. От поясницы до шеи - обнаженная кожа. Только в районе лопаток два тоненьких перекрещенных ремешка, чтобы не дать платью разойтись.

- Ты решила меня добить, - произнес наконец Максим Александрович хриплым голосом, накидывая мне на плечи палантин. Заметил, сцепив зубы и гуляя желваками: - Это против правил.

- Всего лишь отомстить, - скромно призналась я, поворачиваясь и сужая глаза. - И я играю по своим правилам.

- Можешь называть меня Максом, - сменил тему мужчина.
- Хорошо, Максим Александрович, - кивнула я, не желая укорачивать дистанцию между нами.
- Упрямая, - буркнул он, предлагая мне руку.
- У меня еще много достоинств, - поведала я ему, принимая руку и опираясь на нее. - Некоторые очень глубоко скрыты. Искать не советую. Можете потеряться.
- Приму к сведению, - сказал мой спутник, бережно усаживая меня в машину.
- Вам какая витрина нужна рядом? - поинтересовалась я спустя какое-то время. - Поглупее? Постервознее?
- Просто будь сама собой, - ответил Максим Александрович после краткого раздумья.
- А вы знаете, какая я на самом деле? - иронично улыбнулась я уголком губ, бросая быстрый взгляд на сжатые до белых костяшек руки, державшие руль.
- Думаю, непосредственная, - спокойно предположил он. Мельком окинул меня взглядом: - И непредсказуемая.
- Вы еще не знаете насколько, - лениво поддакнула я, расфокусированным зрением всматриваясь в огни, мелькающие за стеклом.
- Вот и узнаю, - согласился он на то, о чем даже не имел представления. Бедолага!

Я тихо вздохнула. Лучше не надо. «Во многих знаниях многия печали». Мне представилась редкая возможность побыть собой, за которую я, скорее всего, заплачу огромную, просто непомерную цену. Но жизнь - это такая стерва, которая не позволяет экономить ни на чем.

Мы подъехали к освещенному множеством огней ресторану и вырулили на стоянку. Максим вышел сам, помог вылезти мне и небрежно положил ключи в карман. Предложил мне руку:

- Прошу.
  - Спасибо, - поблагодарила я, сверкнув улыбкой и вводя в ступор всех, кто был в пределах видимости.
- Должны же у меня быть хоть какие-то приятные моменты в этом мероприятии? Шикарное платье и туфли стимулируют далеко не всех женщин, как хочется думать противоположному полу. Лучше всего стимулирует дам надежный спутник и защищенный тыл. И я собиралась притвориться, что так оно для меня и есть. Стала, так сказать, «калифом на час».
- В груди сладко щемило предвкушение. Я чувствовала прилив сил. В голове бурлили разнообразные идеи, мир засиял яркими красками. Что ж... Наверное, я должна сказать Максиму спасибо. Моя затянувшаяся депрессия отступила. Впервые за долгое время чувствую себя восхитительно живой.
- Рады приветствовать вас, Максим Александрович, - склонился у входа подтянутый швейцар. - И вашу спутницу тоже.
  - И вам удачной охоты, Олег Васильевич, - мягко улыбнулась я, снова заставив мужчин остолбенеть.
  - Откуда ты знаешь его имя? - прошипел мой спутник, увлекая меня в зал.
  - Оттуда, - кивнула я на табличку «Сегодня вас обслуживает Кузькин Олег Васильевич» у входа. - Представляете, я умею читать. Если вы, конечно, заметили.

- Я... - начал говорить мой работодатель, втаскивая меня в заполненный людьми зал и попадая в объятия представительного господина средних лет в сопровождении сухопарой воблы со следами многочисленных подтяжек на лошадином лице.

Фальшивые бриллианты дамы били в глаза радужным сиянием, тощая грудь с «ушами спаниеля» красноречиво говорила о проведенной бурной молодости и длительном отсутствии физических упражнений.

- Привет, Макс! - страшно обрадовался господин, как будто намедни заработал миллиард на понижении курса евро. - Давно не виделись!

- Давно, - кисло согласился мой сопровождающий, пытаясь обойти господина по кривой.

- Представь свою прекрасную спутницу, Макс, - вцепился клещом склизкий приставала.

- Ма-а-аксик, - гнусаво пропела я, вцепляясь в руку Максима Александровича. - Хочу шампанского «Вдова Клико»! То самое, «Ла Гранд Дам»! Ты обещал! Ну Максик!

- Извини, - напрягся Максим Воронцов, оттаскивая меня в сторону. - Желание дамы - закон!

- Еще встретимся! - крикнул нам вслед господин и пошел искать другую жертву.

- Еще раз назовешь меня Максиком, - прошипел Максим Александрович, наклоняясь ко мне, - пожалеешь!

- Что? - делано удивилась я, покаянно шаркая ножкой. - И на прием больше не возьмете?

- Хотя бы, - сжал он зубы.

- Ма-а-аксик! - тут же отреагировала я. - Лапу-у-уля Ма-а-аксик!

- Зараза! - выругался Максим Александрович.

- Достойное звание, - кивнула я. - Буду гордиться!

- Мне кажется, я погорячился, - признался мой работодатель, стараясь не встречаться со мной взглядом.

- Мне тоже так кажется, - ядовито хмыкнула я.

- Я погорячился, когда пообещал не применять к тебе насилие, - поправился Максим Александрович. - В следующий раз вместо бутылки «Вдовы Клико» получишь ведро «Курвуазье» или «Мартеля»! И пока не выпьешь - не уйдешь!

- Необдуманное решение, - не стала отпираться я. - Без насилия некоторым сложно управиться с женщиной. Мне уйти?

- Наверное, - повернул к выходу Максим, - это было бы правильно.

Но тут...

Глава 10

Расхожее мнение: интеллект женщины – это то, как она выглядит.

Правильное мнение: женщина выглядит в силу своего интеллекта.

– Максим! – От толпы приглашенных отделился симпатичный пожилой мужчина, весь окутанный аурой власти. – Что ты держишь у входа свою прекрасную спутницу?

Максим Александрович вперил в меня несчастный взор и потащил в люди.

– Что, и бить не будете? – недоверчиво покосилась я на него, расточая по сторонам сверкающие улыбки.

Когда мы достигли мужчины, нас уже сопровождало не менее пяти отборных экземпляров, делающих вид, что они усиленно интересуются бизнесом... в моих разрезах.

Я строила из себя скромницу, опускала очи долу и молчала, демонстрируя интеллект.

По прошествии буквально пяти минут рука Максима Александровича плотно угнездилась на моей талии и забетонировалась там насмерть.

– Максим, – прогудел такой вкусный пожилой мужчина, весело блестя ярко-голубыми глазами и давая понять, что он заметил маневр моего спутника. – Представь нам свою даму.

– Эля, – проскрипел мой босс зубами, – позволь тебе представить Алексея Степановича, моего предполагаемого партнера.

– Очень приятно, – протянула я мужчине руку тыльной стороной вверх.

– А уж мне-то как, – хмыкнул тот, бережно принимая ее и целуя. – Редко встретишь подобную красоту.

– Вы меня смущаете, – тонко улыбнулась я, поднимая на Алексея Степановича глаза и устанавливая зрительный контакт. – Почему «предполагаемый»? Раздумываете?

– Уже нет, – улыбнулся мужчина, не выпуская моей ладони. – Решение принято.

– Так сразу? – не поверил Максим. – Мы же хотели обсудить... обговорить детали.

– Считай, сегодня твой день! – хлопнул его по плечу столь желанный партнер, наконец-то освободив мою руку. – Завтра подпишем контракт.

– Значит, я все еще имею работу, – ласково улыбнулась я, подзывая официанта. – Принесите нам шампанского, будьте любезны.

Парнишка оказался весьма любезен и притащил целый поднос с бокалами. Мужчины подняли бокалы за бизнес и мою красоту. Я поскромничала и предложила выпить только за бизнес, чтобы не смешивать два понятия.

– Так вы работаете на Максима, Эля? – тут же взял быка за достоинство Алексей Степанович. – Кем?

– Эля – мой менеджер, – поспешил мне на выручку босс.

О как! Менеджер умывальников и мочалок дистрибьютор.

Я хлопнула ресницами и улыбнулась, пригубив шампанское.

– Возможно, я смогу вас переманить к себе, Эля? – полюбопытствовал Алексей Степанович, внимательно смотря мне в лицо. Он вообще единственный из присутствующих мужчин, исключая Максима, не опускался взглядом ниже моей шеи и не фантазировал, как он меня будет иметь во всевозможных позах. – Максим, скорее всего, вам недоплачивает.

- Если вы так думаете, потому что я не сверкаю бриллиантами, как новогодняя елка, - мягко сказала я, искренне симпатизируя этому мужчине, - то только по причине приверженности минимализму. Максим тоже на это обратил внимание.

- И мне процитировали лозунги хиппи, - поддержал разговор мой босс, находясь в крайне смурном настроении.

- И как? - хохотнул Алексей Степанович.

- Я не проникся, - скуксился мой босс, тем не менее не отлипая от моей талии.

- Это потому что я не уговаривала, - подмигнула я Алексею Степановичу и окончательно испортила настроение Максиму Александровичу.

- Если не секрет, какие между вами двумя отношения? - поинтересовался наш собеседник, пока остальные мужчины делали стойку, как суслики в степи, или распускали хвосты, как павлины, невзначай демонстрируя марку часов или размер бриллианта в перстне. Самые отчаянные изгибались мартовскими котами, призывая к немедленному действию.

- Сейчас самые тесные, - правдиво сказала я, намекая на то, что меня сейчас просто размажут по себе тонким слоем.

- Почему вас это интересует? - нахмурился Максим Александрович, всеми фибрами души почувствовав соперника.

- Хочу знать, не сильно ли задену гордость моего партнера, - прямолинейно сказал Алексей Степанович и заработал себе еще один балл, - если начну ухаживать за Элей. Такая женщина достойна многого.

- Но к многому не стремится, - скорчила я гримаску. Вздохнула: - Простите великодушно, но мне не нравится эта тема, и я предлагаю на этом закончить. Если вам нужно обсудить еще какие-то рабочие моменты, не предназначенные для посторонних ушей, то я могу пойти попудрить носик или подтянуть чулки.

Тут у мужчин случился взрыв мозга, когда они представили, как я буду это делать. Ну почему сильный пол обязательно думает, что для такого простого действия я непременно должна задирать ногу на черт знает какую высоту и демонстрировать кружевную полоску между бедер?! В общем, странная логика.

- Мы потом! - одновременно сказали мужчины и заняли круговую оборону, отпугивая остальных претендентов на мое внимание.

Но тут кто-то позвал Алексея Степановича, и он, еще раз галантно облобызав мне ручку, удалился, пообещав вернуться.

Чем сразу воспользовался Максим Александрович и бойко прижал меня к стенке, загораживая от остальных. Прошипел:

- Какого черта ты вытворяешь? - При этом не сводя потемневших глаз с моих губ.

- При вопросе вообще-то принято глядеть собеседнику в глаза, - заметила я, ничуть не напуганная. - А что такое?.. Я в чем-то соврала? Или мне нужно было надеть намордник и вилять хвостиком? По-моему, вы получили то, ради чего привели меня на этот прием. Или вам нужно заключить еще какие-то контракты?

- Я не торгую женщинами! - разъярился мой босс и начал наклоняться, намереваясь поцеловать.

- Макс! - хлопнули его сзади по плечу. - Так нечестно! Узурпировал девушку и прячешь ее от нас.

- Эля, - страдальчески сморщился Максим Александрович, с сожалением отстраняясь. - Это самый известный шутник, балагур и бабник в нашей местности, Игорь Калевин. Был женат пять раз.

- Четыре с половиной, - весело загоготал скалоподобный здоровяк с румянцем во всю щеку. - Признаюсь - морально неустойчив.

- Это поправимо, - кивнула я, прищуриваясь. - Мне кажется, к вам направляется глубоко беременная женщина. Это случайно не ваша четвертая с половиной супруга?

- Пардон! - фыркнул Игорь и широко улыбнулся, шагая в сторону благоверной. - Ольга решила, что я бегаю без поводка уже очень долго. Приятно было познакомиться!

Максим открыл рот, чтобы высказать свое недовольство, но тут у него зазвонил телефон. Босс бросил взгляд на экран, мученически скривился и приказал мне:

- Стой здесь, я сейчас вернусь! - И взял трубку: - Да, мама! - отходя к выходу, где было тише.

У-у-у, зря он это сделал. Зря! Как только Максим отошел буквально на пять шагов, ко мне начали слетаться стаями, роями, отарами и табунами. В течение пяти минут я получила океан всевозможных комплиментов, второй океан предложений и кипу визитных карточек с личными телефонами.

- Какие вы все милые, - щебетала я, скидывая визитки за спину. - Но я работаю с Максимом Александровичем и, боюсь, не смогу уделять внимание его конкурентам.

Вернувшемуся Максиму пришлось пробиваться с боем, при этом получая выгодные предложения о заключении сделок. Когда он добрался до меня, то стал еще богаче на энную сумму и еще злее от такого наплыва желающих ему эту сумму вручить.

- Все! - закричал мой босс, вырывая меня из цепких объятий бизнеса. - Я всем позвоню завтра! Спасибо, что вспомнили обо мне! Нам пора! - и еще больше сатанея от моего вида кошки, обожравшейся сметаны.

Что поделать, мужское внимание такое вкусное!

- До свидания! - помахала я всем ручкой, посылая во все стороны лучезарные улыбки. - Было приятно познакомиться. Ваше общество пьянит даже без шампанского!

- Молчи уже! - бурчал Максим Александрович, рассекая море похоти ледоколом злобы. - Одну оставить нельзя! Только в сторону - и уже по уши в чужих мужиках!

- А что, у меня свой есть? - вытаращилась я на него. - Когда завелся, что я не заметила?! Дустом выводится?

- Молчи, жертва публичности! - рявкнул босс, отодвигая в сторону швейцара и вытаскивая меня на морозный воздух.

- Вы бы с девушкой поосторожней! - сурово посоветовал Олег Васильевич, поправляя фуражку и ища на боку любимую пашку. - Она может и к другому уйти!

- К кому?! - обалдев от его неожиданной реплики, выпалили мы в унисон. - Куда?!!

- Счас! - первым отреагировал Максим, потащив меня за руку в машину.

- Элочка! - выпал на крыльцо один из бизнесменов. - Вы не откажетесь завтра пообедать вместе?

- У нее диета! - рыкнул мой босс и взвалил меня на плечо, соображая, что так утащит меня гораздо быстрее. - Она вообще не ест! И не пьет!.. И даже не дышит!

- А я говорила, что это плохая идея, - облокотилась я на него, упираясь в пятую точку. - Предупреждала. Но кто-то вырастил в ушах бананы и ковырял в них зубочистками.

- Я же не знал, что у тебя такие грандиозные планы по охмурению всего городского бизнеса! - возмутился босс, бережно меня поддерживая.

- Я тоже не знала, что у вас склонности пещерного человека! - отбивалась я.

- Это немыслимо! - продолжал обличать меня Максим Александрович, замедляя шаг и

проявляя напор. – За пару минут соблазнить всех мужиков! До состояния расставания с деньгами, на которое местные акулы способны лишь за грбовой доской!

– Ну вообще-то за семь, – не стала я приписывать себе лишние достижения. – А потом, может быть, глядя на меня, они ее и видели? Ну типа есть ли жизнь после денег?

– А она есть? – замер Максим Александрович, осторожно сгружая меня на переднее сиденье.

– А что, не похоже? – изумилась я, успевая втянуть ноги, пока их не укоротили дверцей. (Тогда уже точно останусь с ним пожизненно. Идти-то будет не на чем!) – Я же живу.

– Вот я и хочу узнать, почему такая, как ты, живет в жуткой нищете? – спросил Максим Александрович, заводя мотор. – Ты сегодня заработала для меня больше денег, чем я сам за год. Любой мужчина за такую помощницу левую руку бы отдал.

– Может быть, потому, что меня это не интересует? – помертвела я, окунувшись в действительность и вспоминая про своего врага и проклятый девятый камень.

– Вот и ответ – почему? – не отставал босс. – Я же видел, как свободно ты себя чувствовала в обществе. Ты точно знала, кому и что сказать. Ты знаешь марки дорогих сортов шампанского, прекрасно держишься на высоких каблуках и умеешь носить драгоценности и стильные платья.

Я хмыкнула.

– Ведешь себя как гордая королева, снисходя до мужчин, что заставляет нас стремиться получить недостижимое. С такими данными ты могла бы быть самой богатой женщиной в нашем городе, – продолжал настаивать Макс, – и даже по меркам высокого бизнеса стать очень и очень состоятельной, было бы желание. Так почему?..

– Потому что мне это скучно и неинтересно, – безрадостным голосом повторила, уставясь в одну точку и обхватывая себя руками.

Когда было время и пока у меня еще был особенный камертон для поиска, в начале этого столетия я объездила все музеи мира в поисках пути на свободу. Побывала на крупнейших торгах наподобие «Сотбис». В «лихие девяностые» этот забег повторила. Я видела разные крупные бриллианты, известные и не очень. С кровавой славой злодеев и просто найденные безвестными рабочими. Все эти камни для меня мертвы. Мертвы, как...

На глазах выступили слезы.

Где ты, мой голубой алмаз, который не украдешь и не купишь? Где ты, путь на волю? Единственный, кто мне нужен, кроме...

Максим Александрович кинул на меня косой взгляд и замолчал. Мы молчали всю дорогу до дома. Уже на пороге он попытался заглянуть мне в глаза и спросил:

– Почему ты себя хоронишь?

– Потому что у меня была затянувшаяся депрессия, – честно ответила я. – И мне было все равно, что со мной будет. В таких случаях пропадает вкус к жизни и... Не важно. Теперь она почти прошла, и мне уже не все равно. Но к приемам и банкетам это отношения не имеет. Туда ходить я все равно не хочу.

Отодвинула шефа в сторону и ушла к себе. Закрыв дверь, согнулась от душевной боли. Переломилась пополам, падая на колени и касаясь лбом пола.

Я устала ждать и искать того, ради кого мне стоит жить, и устала бояться. Страх разрушает душу, подрезает крылья мечте. Пойдя у него на поводу, я лишь создала себе новые проблемы, потому что Максим не успокоится, пока не найдет ответы на свои вопросы. А на некоторые вопросы нет ответов. По крайней мере ответов, понятных ему.

Глава 11

Если через желудок к сердцу не попали, попробуйте спуститься ниже и поискать указатель.

Пока меня торжественно несли обратно, я смогла увидеть еще один кусочек из жизни гарема.

Девушки были организованы группами человек по восемь – десять. У каждой группы была наставница с ключами на поясе, которая занималась досугом своих подопечных. Красавицы играли в прятки, некоторые группы слушали выразительное чтение специальных чтитц, других учили пению или игре на музыкальных инструментах.

Меня несколько поразило то, что среди наложниц было множество совсем молоденьких, лет одиннадцати-двенадцати. Девушки выглядели зашуганными и прятались по углам, словно дикие зверьки. Их опекали наставницы и старшие девушки.

Внутри дома были не все наличествующие женщины, моя... чуть не сказала «наставница» – домохозяйка Сирейла упомянула, что большая часть наложниц в эту пору гуляет в тени деревьев на кипарисовой аллее или отдыхает в садах среди фонтанов. И опять в ее словах был намек на мое плохое поведение. Дескать, гуляют только те, которые хорошо себя ведут. А мне плевать! Главное, чтобы нормально кормили!

– Когда самую ничтожную из ничтожнейших рабынь допустят в спальню господина, – наставляла меня госпожа Сирейла, пока я лежала с примочками на ступнях на шикарной кровати и доедала третий поднос с едой, – ты должна раздеться и показать господину свое тело. Вот так. – Толстуха проделала какие-то странные телодвижения, поворачиваясь вокруг своей оси и покачивая жиром.

Я глубоко задумалась. У нас проблема. Лично мне покачивать было нечем.

– После этого ты должна упасть на колени, – закончила колыхаться смотрительница гарема, – и ползти в изножье кровати до тех пор, пока господин не позволит прикоснуться к своему телу.

– А если не позволит? Мне так и ползти дальше? А если кровать закончится? Разворачиваться – и олга? И так до бесконечности?

Толстуха окинула меня полупрезрительным-полунасмешливым взглядом из-под морщинистых век.

– Запомни! – наставила она на меня пухлый палец. – Ты должна быть покорной, тихой, уступчивой и выполнять все желания господина. Не перечить, не дергаться, не говорить, не почесываться, не кусаться, не скакать...

– Дышать можно? – влезла я в перечень.

Сирейла задумалась, перебирая в памяти устав использования господина, и милостиво разрешила:

– Можно.

– Как славно, – искренне обрадовалась я. – А то это могло создать определенные неудобства!

– Пора! – решила смотрительница гарема, твердой рукой отбирая у меня поднос. Там еще оставалось немного плова, и поэтому я не отдавала до тех пор, пока не доела.

– Обжора, – укорила меня Сирейла, не рискуя связываться. – Нам еще нужно тебя подготовить.

– С меня взять нечего! – напомнила я, бдитительно высматривая, не завалилась ли еще где-нибудь пара лепешек с медом.

– О-о-о, – закатила густо насурьмленные глаза смотрительница гарема и хлопнула в

ладоши.

В комнату тут же ворвался десяток девушек, которые мгновенно стянули меня с кровати, стащили с меня одежду и обвсюкали чем-то с тяжелым пряным запахом.

- Это что? - Я старалась не дышать. - Изощренная пытка?

- Это очень нравится мужчинам, - заговорщицки прошептала мне на ухо одна из девушек, игриво подмигнув. - Они от этого впадают в экстаз.

Я искренне пожалела мужчин, которым нужно нанюхиваться такой дряни для удовольствия. У меня от этого знойного амбре заслезились глаза и начался насморк.

После превращения меня в переносчика экстаза девушки расчесали мои волосы. Мне очень понравилось. И накрасили мне лицо. Это не понравилось вообще. Глаза щипало, кожу стянуло, губы вообще увеличились в два раза, стали липкими и склеились от густого жира.

Расшитый разноцветным шелком мешочек с красивыми шариками я, не доверяя никому, привязала себе на пояс.

- Замечательно, - счастливо воскликнула смотрительница гарема, удовлетворенно складывая ладошки у необъятной груди. - Господин будет доволен.

Я представила, как выгляжу, и поняла: будет! Если с испугу не помрет.

На меня накинули расшитое серебром красное прозрачное одеяние из любимого тут газа. Сверху набросили плащ, чтобы вся округа не любовалась тем, что предназначено только для господина.

Вот тут я бы могла поспорить. Нужно опробовать на менее важных мужчинах, прежде чем подсовывать самому главному. Вдруг все закончится трагично? Кто тогда будет носить меня на руках?

- Пошли! - еще раз оглядела меня госпожа Сирейла. Собственноручно накинула на мою голову кружевную ткань, скрывающую мне обзор, и ткнула в спину.

- Хотя бы поверните в нужном направлении, - жалобно попросила я, не видя ни зги. - Вы же не хотите остаться на улице, если я не найду выхода и пойду через стены?

Девушки захихикали, подхватили меня под руки и осторожно повели. Впереди шествовала госпожа Сирейла и звонила в колокольчик, зычно оповещая обитателей дворца, что господину ведут новую корову... ой, гурию.

- Да будет благословен наш господин, - повторяли встречавшиеся нам люди. - Да будет семя его плодородно, а мужественность крепка!

Я откровенно не понимала. Мне это надо ему передать на словах? От каждого? А как конкретизировать? Имен-то они не называли. Дядя с хриплым басом и заиканием на слове «му-му-му-мужественность»?

- Как поживаете, госпожа Сирейла? - раздалось впереди.

Мы остановились.

- На все воля Творца, - закокетничала тучная смотрительница гарема. - Господин Агилар у себя?

- У себя, - с легкой ноткой зависти ответил мужчина. - От него только что вышла красавица Гюзель.

- А я тогда там зачем? - Я не выдержала и удивилась вслух. - Он небось уже до такого экстаза нанюхался, что еще чуть-чуть - и небеса близко!

- Ты порассуждай еще! - подтолкнула меня в спину госпожа Сирейла, бряцая многочисленными украшениями. Она была сейчас в легком белом наморднике, темно-красной бархатной безрукавке, желтой блузе и длинных юбках. Распорядительница

гарема напоминала огромную тумбу, что стоит при входе на женскую половину. В этой тумбе еще стражники прячут вино и кости, сама видела. – Живо на язык станешь легче!

– На язык не выйдет, – фыркнула я, поддувая занавеску. – Он неотъемлемая часть для кормления и главный способ заработка еды.

– Пошла уже!

Меня пинком загнали вовнутрь и захлопнули дверь.

– А попрощаться? – расстроилась я. – А напутствие? А шербета за хорошее поведение?

– Амариллис? – раздалось откуда-то спереди. – Быстро иди сюда!

– Занавеску снять можно? – поинтересовалась я, переминаясь с ноги на ногу. Обувь мне до сих пор не выдали. Наверное, решили, что после пустыни и колючек это уже излишняя роскошь. – А то я не вижу, куда идти...

– Можешь все снимать, – милостиво разрешили мне издалека.

Я с радостью стянула надоевшую тряпку и позырила вокруг. Много места, еще больше роскоши, но указателей, куда идти, нет. Тогда пойдю в дверь. Ближайшую.

Ближайшая дверь оказалась наружу и заперта.

– Иди уже, дочь греха! – прокричала смотрительница гарема в замочную скважину. – И смотри у меня!

– Смотрю, – согласилась я, беря из рядом стоящей вазы черешню.

Съев ягодку, я выплюнула косточку в ладонь и запулила ее в замочную скважину.

– Ой! – раздалось снаружи.

– Посмотрела, – сделала я вывод.

– Где тебя носит, рабыня? – Игривый тон потихоньку трансформировался в недовольный.

– Да иду я, иду, – отозвалась я, медленно волочась к двери, потому что вазы с фруктами и сладостями были большими и часто наставленными. – Готовлю свой выход...

– Выход куда? – заорал Агилар. – Быстро сюда, или я познакомлю тебя с палачом!

– Мы с ним уже знакомы, – дожевала я рахат-лукум. – И близко!

– Ты спятила?.. – В соседней комнате что-то разбилось. – Когда ты успела познакомиться с Ясиром близко?

– Да при вас же. – Я подумала, что с памятью у хозяина гарема как-то слабовато. Надо бы позвать лекаря, чтобы назначил попить господину правильных настоев. – Если мужчина щупает ваши ноги, то это явно близкое знакомство. Как вы думаете?

– Мужчины мои ноги не щупают. – В голосе послышалось едва заметное недоумение, мгновенно сменившееся гневом. – А ну быстро...

Я чуть не подавилась орехами, вареными в меду, и печеньем с изюмом. Мысленно матюгнулась и пошла на зов, вытирая рот кружевной тряпочкой.

– И не надо так орать! – застыла я в дверях. – Что уже, бедной девушке и кусочек халвы отщипнуть нельзя?

– Ты кто?.. – озадачился Агилар, удивленно вставая с ложа. – Я тебя знаю?

– Трудно сказать, – пожала я плечами, смочила тряпку водой из кувшина и начала возюкать бывшей занавеской по своей физиономии, стирая белила и все остальное непотребство. – Я сама себя не зна...

Тут я все же увидела...

О-о-о... А-а-а... Да-а-а... Мням!

Такое роскошное тело требовало вдумчивого изучения. Кончики пальцев зазудели от желания пощупать мускулы на руках, плечи, смуглую грудь, коснуться плоского живота... Дальше шелковая простыня. С... ого! И это тоже нужно изучить! Обязательно!

- Нравится? - послышался напряженный вопрос.

Я подняла обалдевший взгляд, чувствуя приятную истому по всему телу. Агилар снял тюрбан, и сейчас густые темные волосы раскинулись по широким плечам, завиваясь в мягкие кольца и обрамляя лицо изумительной красоты. Глаза цвета грозового неба манили покрыть их поцелуями...

Моя хищная суть заволновалась. Сжав руки в кулаки, я боролась с искушением. Возникло ощущение, что мои ногти удлинлись и стали очень острыми, покалывая ладони.

- Что ты должна сделать, рабыня? - сощурил глаза Агилар, явно довольный моей реакцией на него.

Я игриво улыбнулась, опустила ресницы и скинула свое одеяние к ногам. После чего приподняла свою грудь и сообщила:

- Мне сказали, вы не сумеете это найти, поэтому велели показать. - Громко, с выражением: - Так вот, это - грудь!

Грозное небо потемнело.

Мужчина властно протянул руку, призывая к себе.

Я кинула на него лукавый взгляд из-под ресниц и опустила одну руку ниже, на пупок:

- Здесь... запретное, как мне было сказано.

Грозные тучи прорезала молния.

Мужчина подался вперед, наблюдая за игрой.

Я повернулась к нему спиной.

- Здесь, - пробежалась я по холмикам ягодич, - то, что вы хотели изуродовать клеймом.

- Я не хотел, - раздался хриплый голос.

Повернувшись обратно, я откинула гриву волос, подошла к ложу. Опустилась на него и на коленях поползла, выгибаясь всем телом и не отводя взгляда от глаз моего «господина».

В какое-то мгновение между нами проскочила искра. Потом мне показалось, что от меня отделилась легкая, едва заметная дымка и устремилась к нему, укутывая в себя, заворачивая с ног до головы, притягивая ко мне.

Что-то темное и страстное опутывало мужчину сетями, показывая, как ему необходима я. Как воздух, как жизнь, как душа.

Какая-то могучая сила подкинула Агилара в воздух, приковывая ко мне толстой цепью желания. Вечного, горячего, неутолимого.

Он склонил голову, подчиняясь извечному зову женщины, обращенному к мужчине. Потянулся ко мне, становясь на колени.

- Кто ты? - сорвались с моих губ слова. - Чей? Кому принадлежишь? Для кого живешь?

- Твой раб, - тихо прошептал Агилар, стараясь коснуться меня хотя бы кончиками пальцев. - Я принадлежу тебе и живу только для тебя. - И отпустил свои чувства и желания.

- Хорошо, - кивнула я.

Мир вокруг закрутился, вращаясь все быстрее и быстрее.

- Не уходи! - поймали меня сильные руки, прижимая к груди. - Не покидай меня, Амариллис!

- Я вернусь, - пообещала я.

И упала в обморок. Не все же другим обламывать хорошие начинания!

- Амариллис... - Меня разбудил тихий стон.

Судя по звездам, сиявшим в открытые окна-двери с развевающимися от легкого ветерка прозрачными занавесками, - за полночь. Светила молодая луна, в полумраке помещения были погашены лампы и масляные светильники. Лишь курильница испускала легкий сладкий дымок благовоний.

- Ничего себе полежала, - пробормотала себе под нос, нежась в теплых мужских объятиях на удобной кровати.

Агилар лежал, склонив голову мне на плечо, и дремал с полузакрытыми глазами, уткнувшись носом в мою шею в очень неудобной позе.

Я пошевелилась, стараясь сползти пониже и дать ему возможность устроиться более удобно. К тому же ошейник больно впился в кожу и давил, несмотря на свой маленький вес и изящность. Съесть его, чтобы не мучиться, что ли?

Мужчина резко вскинулся от моих ерзаний и проснулся, выпуская из кольца своих рук.

- Тебя осмотрел лекарь и сказал, что ты упала из-за переутомления, - с тихим смешком произнес Агилар.

Я тут же себя пощупала во всех местах, ища переутомление или хотя бы его признаки. В конце концов, если я уже все отработала, то где мой ужин?

- Я не стал его разочаровывать, - продолжил Агилар, стягивая с меня шелковую простыню. - Все равно это станет правдой через какое-то время.

- Возможно, - не стала я спорить, откровенно разглядывая то, что мне предлагалось, и находя это весьма и весьма впечатляющим. - Так почему я потеряла столько времени?

Он надо мной навис и сказал со значением:

- Но я думаю, что ты упала от избытка чувств. Я тебе понравился. - И улыбнулся, показывая белые, как жемчуг, крупные зубы.

- Вероятно, - плотоядно облизнулась я, рассматривая то, что мне особенно понравилось. То есть все! - Еще варианты будут?

- Испугалась? - Черные брови сошлись у переносицы. В глазах цвета грозового неба мелькнули неуверенность и тщательно контролируемое железной волей желание.

По телу прокатилась волна похоти, зовущая этого мужчину сделать со мной все мыслимое и немислимое, разрешенное и запретное...

- Угадал, - раздула я ноздри, вбирая в себя его запах. Запах распаленного мужчины, запах жизни и насыщения. - Я испугалась того, что я могу с тобой сделать, мой сладкий.

- Покажи! - бросил он мне вызов.

И мне стало не до рассуждений.

Девушки в обозе работорговцев и в гареме все время шушукались за моей спиной, мечтая о какой-то мифической любви Лейлы и Меджнуна, искренне ожидая от влюбленного мужчины причитаний, стонов, вздохов и длительного словесного изъяснения чувств.

Наверное, я не женщина, потому что чьи-то долгие рассусоливания меня сейчас совсем не интересовали. Я умирала, так хотела ЕСТЬ! И не только в смысле обычной пищи.

Мое тело жило своей жизнью, испуская феромоны желания и требуя удовлетворения. Удовлетворения, которое мне мог доставить этот мужчина. И не важно, что я понятия не имела, как это достигается. Что-то внутри вело меня по правильной дороге, куда я позвала Агилара и не собиралась отпустить его.

Голод ударил в голову, затмевая все разумное, и я набросилась на мужчину, как оголодавшая хищница, как рысь, как тигрица. Обхватила руками его лицо, впилась в губы и целовала, пока Агилару от силы чувств не перекрыло дыхание. Я впитывала его страсть, желание, томление. Но как же этого было мало!

Тонкий ручеек насыщения, едва заметный, постоянно прерывающийся. Скорее дразнящий, чем наполняющий.

Я застонала от досады. Мало-мало-мало! Хочу еще!

- Что с тобой, сегилим? - Агилар скинул ошеломление, вызванное моим страстным натиском, и вернулся в свой обычный мир сильных мужчин.

Он перевернул меня на спину и навис сверху, пытливо заглядывая в глаза, ища причину раздражения.

- Я хочу большего, - прошептала я, притягивая его к себе. - Сейчас!

- И ты это получишь, - хищно оскалился он, опускаясь на меня.

- Не торопись, исталган, - шептал он мне, покрывая жаркими поцелуями мое лицо. - Я не хочу сделать тебе больно.

- Еще! - потребовала я, выгибаясь навстречу. - Хочу еще!

- погоди, - простонал Агилар, припадая лицом к моей груди. - Ты такая узкая там. Я боюсь сделать тебе больно.

Мне уже было больно. Больно оттого, что темная суть рвалась наружу, призывая вцепиться в мужчину, оплести его телом и высушить, удовлетворяя свой скрытый голод.

Это все уже когда-то происходило со мной. Но где? Когда? Память не хотела откликаться, советуя использовать то, что есть сейчас, не оглядываясь на то, что было раньше.

Меня вел голый инстинкт выживания, подталкивая к Агилару. Мое тело разрывалось на части от двойственности: стремления следовать потаенным желаниям и боязни испытать на себе мужскую страсть. Наконец желание затмило рассудок...

Агилар застонал и больно прикусил нежную мочку моего уха, вызывая невольную реакцию. Рывкнул вполголоса, отодвигая:

- Немедленно прекрати! А то я не выдержу!

Он отстранился, взял с прикроватного столика сосуд. И протянул мне чашу с каким-то густым красным сиропом:

- Отпей глоток!

Я послушно отпила. На вкус приторно-сладкий с легкой горчинкой. Но подействовал на меня странно: голова стала легкой и пустой, а тело невесомым.

В один миг пришла резкая боль, словно во мне рвалась натянутая струна.

- Прости, нафасим, - прошипел Агилар сквозь стиснутые зубы, с трудом удерживая себя от движения. - Сейчас должно быть легче...

Я почти не слышала его слов, они доносились будто издали. Мои слух и зрение практически отключились, осталось одно осязание. И чудовищный нематериальный

голод. Внутри возник непонятный жар, постепенно распространяясь по всему телу, следуя по кровотоку, возбуждая и сводя с ума.

Я провела ногтями вдоль спины.

Агилар застонал и медленно, безумно медленно начал свою вечную игру завоевания женщины.

- Скажи мне, - мучительно выдохнул он, - если тебе... будет больно.

- Не отвлекайся, - посоветовала я ему.

И мы, сплетенные на шелковых простынях, забыли обо всем. О своих страхах и неуверенности, о странной, причудливой игре «рабыня - раб - госпожа - господин» и о целом мире за нашими окнами и стенами!

Наш секс был изумительным. Необыкновенным. Неистовым. Такое впечатление, что мы, как голодающие, дорвались до мешка с хлебом и мясными припасами и не могли своими силами от них оторваться, пока не лопнем от обжорства.

Наши крики, наверное, всполошили весь дворец, и только понимание, что там на самом деле происходит, и мысль о неизбежном наказании могли удержать стражу от настойчивого стремления вломиться в господские покои. Хотя мои уши четко фиксировали возбужденные голоса под нашей дверью. Что характерно, не только мужские!

Я жадно вбирала ту необходимую мне силу, энергию, в которой мне до сих пор отказывали, держа на голодном пайке. Ласкала пальцами грудь и живот Агилара, вызывая под руками конвульсии сексуального удовольствия.

Смеялась и плакала от чувства острого насыщения и неотрывно пила-пила-пила все, что добровольно отдавал мне мужчина. Мне было мало! И когда пришел мой первый настоящий оргазм, дворец потряс единый слаженный вздох. И я проглотила этот выброс, как конфету, перекатывая во рту карамельную сладость полновесного удовлетворения, причем проглотила как пищу, как вино, как воду, словно это то, без чего мне невозможно жить.

- Сыта, - довольно пробормотала я, расслабленно падая на подушку и смежая веки. - Наконец-то сыта! Благодарю тебя.

- Спи, хоним, - прижал меня к себе Агилар. - Я разрешаю тебе спать.

Слабая усмешка искривила мои губы, перед тем как я провалилась в крепкий, глубокий сон. Нельзя быть таким большим и таким наивным...

Глава 12

Плохо, когда вам предлагают заменитель. Еще хуже, когда его забывают снабдить инструкцией по применению.

- Вставай, дочь гиены! – ощутило пнули меня в бок.

Я вздрогнула и от неожиданности спросонья чуть не скатилась с кровати. С трудом разлепила глаза, чувствуя во всем теле приятную тяжесть насыщения. Подавив желание облизнуться, я уставилась на большое розовое пятно, скакавшее передо мной, и постаралась сфокусироваться.

- Бесстыдница! – орало пятно, размахивая руками. Рядом мельтешило еще с десятков разноцветных пятнышек поменьше. – Разлеглась тут!

- Да еще так нагло! – поддержало крикунью лиловое продолговатое пятно. – Как будто это ее покои.

- Не мои, – тут же согласилась я, закрывая ладошкой один глаз.

Розовое пятно трансформировалось в госпожу Сирейлу и еще кучу незнакомых женщин, возмущенно меня рассматривающих.

- Есть здесь место, где я могу обрести покой? – полюбопытствовала я, сползая с кровати и начиная искать, во что бы завернуться.

- Есть, – фыркнула худышка в синем. – Вечный.

- Так далеко я не заглядываю, – добродушно призналась я, заматываясь в простыню.

- Посмотри на нее, – шепнула коричневая золотистой. – Какая наглость!

- Да-да, – закивала золотистая. – Господин ничем ее не отметил за первую ночь! Не то что нас! Мне вот подарил прекрасный браслет!

Я бросила взгляд на тонкую золотую цепочку на запястье красавицы. Негусто.

- Быстро собралась и пошла! – бушевала госпожа Сирейла.

- И не надо так орать! – поморщилась я от звона в ушах.

Сегодня у меня донельзя обострился слух. Я слышала даже древоточца, прокладывающего себе дорогу в стене.

- Нахалка! – внезапно отвесила мне весомую пощечину смотрительница гарема. – Ты заплатишься за свое неуважительное поведение!

- И ведь не боится ничего! – поделилась желтая с оранжевой, словно меня тут рядом и нет. – Господин так рано вышел из спальни и ускакал, не оставив никаких распоряжений, а ей все равно!

- И не говори, Суреш, – согласилась оранжевая. – Мне после первой ночи на целый месяц предоставили отдельные покои, и господин покинул спальню после полудня!

И что, интересно, он до полудня с ней делал? Искал, где у оранжевой грудь? Так это я сразу могу сказать – нигде! И уже не вырастет. Разве что мешки с гречневой шелухой или песком привесить вместо того самого. Под одеждой не видно разницы.

- Пошевеливайся, фо иша! – занесла надо мной ладонь для повторного удара Сирейла.

Я набычилась и перехватила карающую длань, легонько ее сжав.

- Еще раз ты до меня дотронешься, кампир, – прошипела я, не обращая внимания на побелевшую толстуху, – я забуду, что ты старше меня, и сделаю что-то очень нехорошее! Поэтому не торопись, дай мне время придумать, что именно! – И выпустила ее. – Куда идти? – повернулась я к разноцветным притихшим курицам с дружественной улыбкой-

оскалом.

- Т-туда, - показала малиновая в сторону двери, протягивая мне немного дрожащей рукой простой кафтан и штаны к нему.

- Благодарю, - еще дружественнее улыбнулась я, принимая и натягивая одеяние.

Мне тут же накинули на волосы кусок хлопковой ткани, покрывая голову, и повели наружу. Миновав стражу, все наше куриное общество долго блуждало по галереям и коридорам, щедро снабжая меня последними сплетнями из жизни гарема.

Итак, я выяснила, что последней и бесспорной фавориткой является Гюзель, не сходившая с дистанции уже пять недель. Ее поддерживает мать Агилара госпожа Зарема, потому что Гюзель понимает свое место в гареме и всячески пресмыкается перед ней.

Агилару прочат женитьбу на младшей дочери великого визиря госпоже Сагдане. Сейчас как раз идут переговоры между двумя семействами. Если они увенчаются успехом, то престиж Агилара сильно вырастет от подобного союза.

- Входи! - Очухавшаяся смотрительница гарема недрогнувшей рукой всунула меня в душную тесную клетушку без окна и вентиляции. Если за последнюю не сойдут стены с выбоинами, кое-где стыдливо прихваченные пожелтевшей от старости побелкой. Тонкий матрас на каменном полу. Глиняный кувшин и медный таз в дальнем углу. Ночной горшок около двери. Вот и вся обстановка.

- Это все мое? - невозмутимо поинтересовалась я, оглядывая предлагаемые «хоромы».

После долгой прогулки по раскаленной пустыне в караване рабов, где абсолютно невозможно уединиться, это была роскошь.

- Получаешь в полное распоряжение! - ядовито сообщила смотрительница гарема. - И вот еще! - щелкнула она пальцами.

Фиолетовая поднесла ей с глубоким почтительным поклоном резной ящичек. Сирейла благоговейно всучила его мне, присовокупив:

- Это тебе вместо тела господина. Пользуйся и наслаждайся. Когда ты еще согреешь его постель!..

И процессия удалилась, перешептываясь и на ходу перемывая мне косточки.

Я не стала задерживать драную занавеску, заменявшую здесь дверь. Так все же светлее, чем прозябать во тьме. Усевшись на матрасик, я открыла ящичек и с недоумением уставилась на гладкую палку с небольшим утолщением на одном конце, рукояткой на другом и снизу еще что-то было подвешено. Типа мешочка.

- Это головоломка? - потыкала я в деревяшку пальцем. - А где подсказка?

Я покрутила ящичек, но так и не додумалась до назначения этого странного предмета. Взяв подарок под мышку, я направилась на поиски того, кто сможет пролить свет на сей неопознанный предмет.

Третья справа клетушка оказалась обитаемой. Так я решила из-за стоптанных шлепанцев рядом с входом.

- Тут-тук! - подергала я за занавеску. - Тут есть кто-нибудь?

- Вам что-то нужно? - послышался испуганный голос.

- Да, - ответила я, раздумывая, можно ли меня бояться заочно, если я пока еще не сделала ничего дурного. - Вы не подскажете, что это за предмет? А то я прямо-таки затрудняюсь с определением.

- А вы кто? - все так же дрожал голос.

- Ваша новая соседка, - представилась я. - Амариллис. Проживаю в трех дворцах от вас!

Так поможете?

- Ты еще можешь шутить? - Наружу показалась симпатичная конопатая мордашка с зелеными круглыми глазенками и носиком-кнопкой. Ярко-рыжие пряди не скрывало даже туго затянутое головное покрывало. - Попав сюда?

- А что здесь? - удивилась я, осматривая местность на предмет врагов и съестного.

- Отсюда никто не выходит, - грустно сказала мордашка, вылезая полностью. И оказываясь невысокой худенькой девушкой в заплатанном кафтане. - Только через мешок.

- Через что? - не поняла я пути наружу.

- Через мешок, - повторила рыжая. - Завяжут тебя живую или мертвую в мешок, набитый камнями, и сбросят со стены в море.

- Печально, - кивнула я. Воспрянула: - Зато освежительно. Камни какие кладут?

- Не знаю, - пожалала худенькими плечиками девушка. - Меня еще туда не пихали. Я - Ширин. Смотрительнице гарема показалось смешным назвать меня сладкой.

- Ты очень сладкая, - заверила я девушку, ощущая ее непередаваемый запах свежести и невинности. И еще чего-то...

- Ты издеваешься?.. - нахмурилась Ширин. - Сама сюда попала и издеваешься? Давай уже придерживаться хороших отношений, если нам тут жить. А то остальные или сидят тихо и плачут, или орут и плачут. Скука смертная.

- М-да, - кивнула я, протягивая девушке ящичек. - Не знаешь, что это такое?

Ширин открыла, рассмотрела предмет со всех сторон, даже поковыряла зачем-то, затем поднесла к тускло горевшему факелу и робко сказала:

- Мне кажется, это мужской орган...

- Правда? Это?! - Мои глаза, казалось, заглянули в ящик, хотя я стояла в паре шагов. Вот что изумление с людьми делает. - Тебя обманули.

- Ну-у-у, - засомневалась Ширин. - Если смотреть фигурально и сделать скидку на фантазию художника... И темноту... То наверное...

- То есть ты точно не знаешь? - уточнила я на всякий случай.

Тут мимо нас галопом проскакала лохматая женщина в бурнусе. Она выхватила предмет, прижала к себе и заорала:

- Здравствуй, господин! Я так счастлива тебя видеть!

- Местная юродивая, - тихонько сообщила Ширин, отбирая предмет и укладывая в ящик.

- Тогда я не буду воспринимать ее слова буквально, - сделала я вывод, поглаживая плачущую женщину по колтунам. - Ты не переживай... Я выясню, что это такое, и если оно мне не пригодится, то обязательно тебе отдам!

- Мне отдадут господина! - ускაკала юродивая, счастливо вопя во все горло. - Когда он станет не нужен!

- У вас так всегда весело? - полюбопытствовала я, запихивая ящичек под мышку. - И как тут кормят?

- Не всегда, - с готовностью ответила рыженькая. Неохотно признала: - Нас тут все забыли. Мы здесь никому не нужны. Если я за два года не привлеку внимание господина, то меня отправят на кухню. А как его привлечь? Он что, здесь ходит?

- Нет? - подняла я брови. - Никогда? - Получила подтверждающий кивок. И добавила с полной уверенностью: - Значит, будет ходить.

- Надеяться никому не вредно, - пробурчала Ширин, отдергивая свою занавеску и доставая глиняную чашку с отбитым краем, наполненную нечищеными грецкими орехами. - Это все, что есть. В следующий раз еду принесут завтра утром. Будешь?

- Буду, - улыбнулась я, давя орех в пальцах. Он рассыпался в пыль. Кажется, я немного пережала.

- Осторожней, - предупредила Ширин. - Не переводи продукт. У Зулейки есть камень для колки орехов, но она сейчас спит, и будить ее нельзя. Иначе от воплей Зулейки не будут спать остальные, и нас побьют.

- Ладно, - согласилась я, переваривая информацию. - Не будем будить лихо, пока оно тихо.

Поправив ящичек, я еще немного подумала и додумалась. Все гениальное - просто!

Я достала то, что мы так коллективно и не опознали, и долбанула этим по ореху. Все прекрасно сработало!

- Вот! - радостно сказала я. - Смотри, у нас получилась отличная колотилка для орехов. Пользуйся на здоровье!

- Спасибо, - искренне поблагодарила Ширин. - Только почему она мне так напоминает мужское естество?

- Это от неискушенности, - заверила я ее, и мы вместе раскололи все имеющиеся у нее орехи.

А когда проснулись остальные обитательницы нашего райского спокойного местечка, то им мы помогли разбить орехи тоже, приобретая бешеную популярность. Даже надутая Зулейка признала, что нашим предметом колоть орехи гораздо, гораздо удобнее! И я подарила каждой по шарик. Знакомство состоялось!

Утром меня разбудил галдеж за занавеской. Я потянулась и поползла смотреть, что у нас с утра на завтрак.

На завтрак нам давали сухие лепешки, чистую воду, нечищенные грецкие орехи и толстого евнуха в полосатом халате с подносом в руках, накрытом салфеткой.

- Саид! - вспомнила я имя евнуха. - Ты нашел недостающие части?

- Здравствуйте, госпожа Амариллис, - поклонился Саид, распространяя вокруг себя дивные волны темной энергии желания. Я тут же пришла в благодушное настроение. - Мы можем где-то поговорить?

- Конечно, - отдернула я занавеску. - Немного тесно, но уют я еще не успела навести!

- Это позор для нашего дома, - тяжело вздохнул Саид, усаживаясь на пол и вытаскивая из-под салфетки свечу и огниво. - Вы бы не могли закрыть дверь?

Я пожала плечами, подозревая, что все равно станут подслушивать, так хотя бы будем знать - кто. Но занавеску задернула.

Затеplился игривый огонек.

Саид приподнял салфетку и явил мне россыпь разнообразных восточных сладостей, от которых потекли слюнки.

- Это важно, госпожа Амариллис, - тихо, с надрывом начал говорить евнух. Его лицо покрылось испариной, по вискам бежали струйки пота. Глаза бегали.

Я раскрыла глаза пошире, попутно сгребая горсть сладостей и засовывая в рот.

Саид побледнел, потом позеленел (в свете свечи это смотрелось пикантно) и дрожащим голосом закончил, мучительно выдавливая слова:

- Эти сладости отравлены...

- Да?! - вполне искренне удивилась я, усиленно наворачивая подношение, аж за ушами трещало. Покатала во рту остатки: - Не похоже. Чуть выше нормы содержание цикуты, переборщили с тарантулами и скорпионами... О-о-о... и эта медуза не была ядовитой. Да, и чуточку недоложили приправы из листьев и цветов наперстянки и семени дурмана... А варенье из тутовника придает пирожным несравненный привкус!

- Вы считаете, что это нормальные составляющие для сладостей? - спросил растерянный и присмиривший Саид, не веря своим глазам (это он смотрел, как я уплетаю лакомства за обе щеки).

- А разве нет? - откровенно изумилась я. Осмотрела опустевший поднос печальными глазами и облизала пальцы. - Вы меня разочаровали.

- Я даже представить себе не мог, что там такое разнообразие, - краснея, признался Саид. Он все чего-то от меня ждал. Чего, интересно? Что я свалюсь в конвульсиях? Разве что от смеха! - Мне казалось, что должно быть только два... ну максимум - три...

- Да не переживайте вы так, уважаемый, - подбодрила я его, вытирая липкие пальцы о салфетку. - Немного несбалансированно в смысле букета, но в остальном - вполне съедобно.

- Госпожа Амариллис, - склонился ко мне и жарко зашептал Саид. - Я скажу, что вас вырвало и поэтому яд не успел подействовать.

- Вырвало? - передернула я в ужасе плечами. - Едой?! - Возмутилась: - Какое расточительство! Ничего другого придумать нельзя?

- Поверьте, госпожа, - в горячке сжимал мои руки евнух, - так будет лучше! Возможно, я сумею вас уберечь до возвращения господина Агилара. - Строго: - Но вы не должны ни есть, ни пить ничего незнакомого!

- А-а-а, - сразу успокоилась я. - Тогда все хорошо. Мне почему-то кажется, что для меня нет незнакомых ядов.

- Тут к нам из Европы завезли страшную вещь! - начал пугать меня Саид. - Мышьяк называется. Действует долго и не наверняка. Никогда не знаешь, когда умрешь. Но доставляет стра-ашные мучения.

- Это бесчеловечно, - разделила я его возмущение. - Нужно сразу сообщать дату смерти, чтобы человек успел подготовиться, попрощаться с семьей, написать завещание. Кстати, когда я должна умереть?

- Уже, - сообщил мне Саид, на всякий случай щипая меня, чтобы исключить все сомнения.

- Хорошо, что мне не нужно писать завещание! - подпрыгнула я, потирая руку. - Иначе я бы стала жаловаться!

Евнух еще пару раз убедился, что я жива и не собираюсь разбрасываться тапками или заворачиваться в саван. После чего убедил меня в своей преданности и ушел докладывать о вопиющем безобразии. В смысле о том, что я продолжаю топтать грешную землю.

- Что это было? - влезла ко мне Ширин.

- Завтрак, - призналась я. - С цикутой.

- Ой! - прижала ладошку ко рту рыженькая. - Куда ж вы его дели? Поднос-то был пустой. Неужто в себя?

- Да нет, - не стала я пугать девчонку раньше времени. - Мы сообща травили пауков и тараканов. Они долго сопротивлялись, но все же съели все и пошли рассказывать другим, как здесь вкусно кормят. Но не дошли... - взгрустнула я. - Так что набега не будет.

- Слава Творцу! - обрадовалась Ширин и притянула к себе бадейку с грецкими

орехами. – Поколем?

– Запросто! – вытащила я заветный ларец с «господином».

Назавтра ко мне в гости пожаловали оранжевая с зеленой и принесли с собой чай, пирожные и кучу всяких изысканных сладостей. Ситуация в вариантах повторилась.

Пока дамы развлекали меня ничего не значащими разговорами и внимательно, в четыре глаза, бдели, как я улетаю пирожные, Ширин ставила ловушки за занавеской.

Не то чтобы мне сильно мешали битое в мелкую крошку стекло в пирожных, ядовитые экстракты редких трав в сладостях или экстракт двух ядов паука в чае, но все должно иметь свой предел. Они просто повадились испытывать на мне местную лабораторию!

– Вам, наверное, уже пора, – торжественно допила я чай. – У вас там стекольщик, по идее, уже должен закончить свою работу.

Оранжевая побледнела. Зеленая приготовилась упасть в обморок.

– Для вас это новость? – сощурилась я, поднимаясь на ноги. – Или не новость?

– Да! – выпалила оранжевая, тоже вскакивая и таща за собой зеленую.

– Нет!..

Бабах! – Это они познакомились с тазаками.

– Шайтан! – Это они выяснили: в тазаках скорлупа от грецких орехов.

Упс! – Это их счастливо отоварила по головам «господином» местная юродивая.

– Спасите! – Это уже вопль из глубины души.

– Вы еще здесь? – вышла я из-за занавески и грозно воззрилась на перепуганных дам, лежащих личиками в тазаках. Потому что как только они их поднимали, тут же вступал в действие «господин», заставляя испытывать экстаз оттого, что иногда юродивая промахивалась и попадала по почкам.

– Отпусти! – взмолилась оранжевая. – Мы подневольные.

– Только поэтому и живые, – милостиво кивнула я, отбирая «господина» у юродивой и поглаживая ее по уже расчесанным совместными усилиями волосам. – Марш отсюда! Запомните и передайте: я предпочитаю что-то более экзотичное, чем вы можете мне предложить!

Три дня меня не трогали. За это время Саид наладил подпольную доставку продуктов. Я щедро делилась с девочками. И мы кололи орехи больше для развлечения.

Саид поставил на входе двоих стражников, с которыми я играла в кости, бессовестно мухлюя. Выигрыш брала исключительно продуктами и предметами гигиены. Жизнь налаживалась... пока не пришла госпожа Сирейла.

Глава 13

В слове «независимость» мужчины обычно пропускают «не». Им так лучше слышно.

Утро воскресенья началось со звонков по телефону. Сотовый Максима Александровича орал не переставая. Мужчина переключался с линии на линию, не успевая отвечать, темнея лицом и следя за мной злующим взглядом дракона, пока я металась по кухне, готовя завтрак.

- Хорошо, - коротко кидал он в трубку. - Да, завтра могу. Да, в офисе. Нет, ее там не будет. Нет, я не знаю номера ее телефона. - И так до бесконечности.

- Кофе, - поставила я на стол кофейник и развернулась на выход.

- Стоять! - проорал он, отключая телефон.

- Кинологом заделались? - воззрилась я на босса. - Хорошо у вас получается. Наверное, всю ночь тренировались?

- Скажи мне, - не обратил внимания на мой выпад Максим Александрович, - какого черта ты снова влезла в этот балахон?

Я оглядела свое безразмерное платье, потуже затянула косынку и поправила очки:

- И что вас не устраивает?

- Меня не устраивает, - рявкнул Максим Александрович, проливая кофе мимо чашки, - что ты выглядишь как чучело!

- Это с какой стороны посмотреть, - не согласилась я. - Например, я считаю, что выглядела бы чучелом в вечернем платье и на каблуках около плиты или моя посуда. Кстати, купленные вами вещи сложены в гостевой комнате.

- И что мне с ними делать? - нахмурился он, пытаясь оценить, не издеваюсь ли я над ним.

- Носить? - внесла предложение на рассмотрение.

Босс зарычал странным набором звуков, не классифицирующимся в слова.

- Была неправа! - подняла я ладони в примиряющем жесте. - Каюсь, посыпаю голову пеплом и удаляюсь использовать свой законный выходной.

- Дома сиди! - заорал он, обвариваясь горячим напитком. - Нечего по улицам шляться в таком виде!

- Это НЕ мой дом! - отрезала я, начиная злиться. - У нас договор! Сегодня мой выходной, и я собираюсь отдыхать! Что-то не устраивает? Ищите себе другую экономку! - И сделала шаг на выход.

- Конечно, - язвительно сообщили мне вслед. - После вчерашнего триумфа у тебя появилось много вариантов трудоустройства... в постели!

Я вздрогнула, резко развернулась и вlepила боссу пощечину.

- Зависть - плохое чувство, Максим Александрович! Я ухожу! - И заперлась у себя в комнате, складывая вещи.

Так и знала, что все этим кончится! Стоит только побыть собой, как сразу запикивают жесткие рамки стандарта!

- Эля, - поскребся в дверь босс. Бывший. - Прости. Не знаю, что на меня нашло...

Я распахнула створку и сообщила недогадливому мужчине:

- Выиграл пещерный инстинкт - «мне, мое, хочу, дай». Бамц по маковке дубиной - и за

волосы в пещеру, пока еще шевелится. Некоторых и отсутствие у дамы жизнедеятельности не смущает.

Максим Александрович покаянно кивнул, признавая свою вину, и даже постарался не выдать своего раздражения при виде моего любимого маскировочного пуховика и берета с махрушками.

- Пропустите меня, пожалуйста, - повесила я на плечо сумку с вещами. - Скоро отходит автобус, и я не хочу опоздать.

- Куда ты пойдешь? - растерялся он, не ожидая от меня подобной решительности. - Где ты будешь жить?

- Собственно, это не ваше дело, - спокойно сообщила я ему. Хотя уже начинала нервничать. Этот мужчина никак не поддавался моему гипнозу. Вообще не реагировал. Как будто у него иммунитет.

- Собственно, мое, - загородил он мне проход. - Твой паспорт у меня.

- И что? - фыркнула я. - Подаю заявление об утере.

- Но ты не снимешь квартиру, - приводил он новые доводы.

- Поживу на вокзале или в хостеле, общежитии для приезжих, - опровергла я его аргумент. - Там не очень дорого.

- Где?! - взорвался мужчина. - В этом гадючнике?

- Там тоже люди, - сжала я зубы. - И они гораздо порядочнее вас! Если уж им приспичит девушку трахнуть, то прямо сообщат ей об этом, не прибегая к оскорблениям и шантажу.

Максим Александрович болезненно поморщился от моей прямоты и выбора слов.

- Голова болит? - заботливо поинтересовалась я. - Топор для рубки мяса в нижнем ящике слева. Надеюсь, поможет. - И постаралась просочиться наружу.

- Заботливая ты, Эля, - вздохнул Максим Александрович, блокируя мои маневры. - Мне действительно очень жаль, что я сорвался на тебе. - Он потер пострадавшую щеку. - Приношу свои искренние извинения и прошу тебя остаться. Честное слово, постараюсь держать себя в руках.

- Вам бы лучше в руках подержать конкретную часть вашего тела, - посоветовала я, оттаивая. Все же гордость - это хорошо, но иногда опасно для жизни. Особенно если гордость плавно трансформируется в гордыню.

- Сейчас пойду и подержу, - легко согласился босс, протягивая руку. - Мир?

- Мир, - вздохнула я, протягивая свою в ответ и скидывая с плеча сумку.

Зря я расслабилась. Совсем нюх потеряла.

Он мгновенно дернул меня к себе, сорвал милый моему сердцу беретик и растрепал волосы, зарываясь в них ладонью.

- Это уже нечестная игра, - уныло сообщила я, понимая, что горбатого только могила исправит.

- А я и не обещал играть честно, Эля, - хмыкнул Максим Александрович, стягивая с меня очки. - Я лишь обещал не применять к тебе насилия.

- Может, пересмотрим наши договоренности? - наивно поинтересовалась я, чувствуя себя полнейшей дурочкой.

- Поздно, - обрадовал меня Максим Александрович, поднимая мой подбородок. - Я не привык идти на уступки, так же, как и ты. - И коснулся моих губ своими.

Легко, как перышко, скользнул и отпустил, отстраняясь.

- Хочешь в город - возьми машину, - бросил и поспешно ушел.

Я обалдело смотрела ему вслед, пока наверху не зашумела вода. Понятливо хмыкнув, нацепила беретик, сгрэбла ключи и пошла шляться по улицам.

Слякоть и грязь скрылись под первым снежком, припорошившим улицы. Пронизывающий ветер забирался под одежду, щипая кожу и заставляя дрожать прохожих. Небо, затянутое свинцовыми тучами, грозило разродиться то ли снегом, то ли дождем.

В общем, достаточно мерзкая погода. А я шла по улицам и улыбалась. Потому что сегодня в первый раз за много-много лет моя сущность ответила на прикосновение мужчины правильно. И мужчина не стал этим пользоваться.

В сердце пробуждались робкие лучики надежды, что я сумею пережить это время, пока смысл моей жизни не придет в этот мир и снова не подарит мне маленький кусочек жгучего счастья, чтобы снова уйти и заставить меня искать его. Где же ты, любовь моя?

- Эля! - раздался позади крик. - Подожди!

Я замерла. Дмитрий. В своем отчаянном, страстном желании спрятаться и закопаться поглубже я дошла до такого абсурда, что выбрала себе для поддержания жизни вот это жвачное, вечно валяющееся на диване животное, отдающее предпочтение пиву, телевизору и компьютеру. Ничтожество, мечтающее о манне небесной, падающей с неба в громадных количествах. А также о даме, обязанной непременно его обслуживать, обстирывать, ублажать. Да. И, само собой, обязательно его содержать, раз уж все остальное и так на женских плечах.

Медленно повернувшись за звук голоса, я сквозь темные очки рассматривала спешащего ко мне со всех ног бывшего любовника и размышляла, как же я дошла до жизни такой. Разница между мужчиной и особью, считающей себя таковым, особенно явно была видна в свете последних событий.

- Эля! - подбежал ко мне Дмитрий. - Как хорошо, что я тебя нашел!

Честное слово, я чуть очки от удивления не потеряла.

- А с чего бы ты меня искал? - фыркнула я, обретя дар речи. - Вроде бы как я тебе надоела. И перспективы нужны другие вместе с тачкой, опять же таки...

Он стоял передо мной, переминаясь с ноги на ногу. Высокий, видный и никчемный. Без стержня, без воли, без стремлений. Ничего в душе и за душой. Как же низко я пала...

- Я подумал: ты, наверное, скучаешь, - выпалил Дмитрий с видом героя-освободителя.

Точно! Освободителя от материальных оков. «Возьму все ваши деньги на себя и облегчу вам жизнь! По ней нужно идти налегке!» Это как раз про него.

- Зря подумал, - убила я его надежды на корню и отвернулась, собираясь уйти.

- Конечно! - обозлился он, хватая меня за плечо. - Нашла себе богатого папика, а меня побоку? А кто тебя три года содержал?!!

О как! То есть пока он мне рассказывал, как тяжело найти хорошую, высокооплачиваемую работу для такого незаменимого и квалифицированного охранника парковки, - он работал? Ну, если только языком. И челюстями. Когда подъедал наши скромные запасы продуктов.

- Ты?!! - остро засомневалась я в услышанном. - И что же ты теперь за свое содержание хочешь, благодетель?

- Вернись ко мне!!! - потребовал (не предложил, не попросил - потребовал!) Дмитрий, еще сильнее сжимая мое плечо. - Тебе же он наверняка хорошо башляет, так что проживем вместе.

- А если он со мной спит за это? - хмыкнула я, внутренне ежась от брезгливости.

Оказывается, затяжная депрессия ощутимо сказывается на органах чувств. Чтобы не заметить такую мразь рядом столько времени, нужно быть абсолютно слепой и глухой. Ага. А также скорбной на голову.

- А я не жадный, - хохотнул подонок. - С твоим темпераментом тебя и на двоих хватит, и на троих. В самый раз будет! У меня тут знакомый появился, с большими бабками. Думаю, он ими с нами поделится.

- Сутенером решил заделаться? - полюбопытствовала я, осторожно высвобождая свое плечо. - Нашел способ сделать карьеру и купить тачку? Да уж, вполне достойное приложение твоих скудных способностей!

- Ах ты, сучка! - поднял он руку, замахиваясь для удара. - Чего выкобениваешься? На что еще способна?

Но поскольку моя депрессия испарилась, у меня зачесались руки и на полном серьезе стали посещать мысли о лишении человека достоинства, а мужчины - гендерного отличия. Не успела я обдумать все до конца и выработать план действий, как...

- Отпусти девушку, - послышался ледяной голос Максима Александровича.

Дмитрий отшатнулся от меня и трусливо закрутил головой.

Мой босс стоял от нас буквально в двух шагах, засунув руки в карманы любимой кожаной куртки, и играл желваками на щеках.

- А то что будет? - попробовал поломаться для виду храбрый «лыцарь» дивана и подушки. - Бить будете?

- Нет, - чуть качнул головой Максим. Спокойно и невозмутимо: - Просто убью.

- Это угроза?! - оскалился Дмитрий. - За нее и схлопотать можно. Полиции очень понравится. И Элька вон подтвердит.

- Я ничего не слышала, - сухо сказала ему я, методично выламывая чужие пальцы один за одним, под громкие стоны боли. Ласково и почти нежно: - Это тебе, гаденыш, маленький сувенир на память. «О длинном языке и короткой памяти» называется. Видит Всевышний, ты и десятой доли моего терпения не заслужил!

- Эля, - позвал меня Максим Александрович. - Оставь его. Ему все объяснят более подробно во-он те ребята из охраны. - И кивком показал на пару дюжих парней, выходящих из неприметной черной машины.

- Наслаждайся приятной мужской беседой, - пожелала я занимательного времяпрепровождения скрючившемуся Дмитрию и пошла к боссу.

Максим внимательно осмотрел мое лицо, потом приобнял за плечи и повел к машине:

- Поехали домой, Эля.

- Поехали, - не стала я спорить, чувствуя согревающее тепло единственного человека, который не относился ко мне наплевательски, словно к вещи.

Глава 14

Слово «надыбать» пришло к нам из глубины веков...

- Как ты смеешь, ошибка Творца! - задохнулась от возмущения смотрительница гарема, нависая надо мной и Ширин в момент колки орехов. Ее ноздри широко раздувались, а пальцы крючились. - Ты перешла все границы!

- Да? - изумилась я, раскалывая очередной орех. - А в какую сторону?

- В недопустимую! - заверила госпожа Сирейла, подавая знак страже схватить меня. - Ты смертельно оскорбила достоинство своего господина!

- Когда? - вытаращила я глаза, спокойно сдаваясь в плен плечистым стражникам и игриво им подмигивая. - Не было такого!

- А это?!! - Госпожа Сирейла бережно подняла двумя пальцами немного побитый инструмент для колки орехов. - Это олицетворяет достоинство твоего господина.

- Все же это мужской орган, - тихо пробормотала Ширин, уползая за занавеску. Возмущенно: - Вот так и знала, что тот, кто делает, оригинала в глаза не видел!

- Это?!! - опешила я. - Достоинство?!! Я бы сказала, это недостаток...

- Дрянь! - дала мне пощечину госпожа Сирейла. - Как ты смеешь!

- Недостаток воображения, - невозмутимо ответила я, стряхивая повисших на мне стражников и возвращая пощечину. - Я предупреждала! - проводила я взглядом улетевшую в стену смотрительницу гарема. - Не надо меня трогать!

- Дочь шакала, - крихтя, поднялась с пола толстуха. Злобно сверкнула подведенными глазами и приказала: - На дыбу ее! И пальцем трогать не буду, сама сдохнешь!

- «Господина» оставь! - влезла юродивая. - Хоть один на всех будет!

- Уймись, нечестивая! - потребовала госпожа Сирейла, в то время как меня скручивал и утаскивал усиленный наряд стражников.

Впрочем, им и мне эта борьба очень даже понравилась. Мы ласково потрогали друг друга за все возможные места и удовлетворились нащупанным.

- Сама такая! - окрысилась юродивая и укусила толстуху за икру, шустро упав на колени. - Вкусно, но жирно! - объявила во всеуслышание.

- Выплюнь, - посоветовала я, покачиваясь под мышками у стражников. - Никогда не знаешь, какую дрянь можно от нее подцепить.

Юродивая подумала, если можно было так назвать передышку в мгновение и гримасу, искажившую лицо, и плюнула в физиономию смотрительницы гарема.

- Молодец! - похвалила я, оценивая результат. - Меткий выстрел! А теперь беги!

Юродивая шустро сбежала с места преступления, а меня так же шустро унесли под несмолкаемые проклятия толстухи, вытиравшей с жирной физиономии негодование народа.

Меня притащили в небольшой закрытый дворик, уставленный врытыми в землю деревянными столбами, потемневшими от времени и погоды. Кое-где на дереве виднелась вьевшаяся запекшаяся кровь.

Здесь также присутствовали заостренные колья и несколько столбов с высокими перекладинами сверху.

Стража деловито обмотала мне запястья заломленных назад рук толстой веревкой и, перекинув свободный конец через перекладину, подтащила наверх, подвесив в воздухе.

Заслужив одобрительный кивок смотрительницы гарема, веревку закрепили. Связав ноги, еще и подвесили к лодыжкам тяжелый мешок с песком. Для верности.

Вывернутые под неестественным углом руки немедленно заломило.

- Повиси и подумай над своим поведением, - хмыкнула госпожа Сирейла, подходя поближе. Издевательски, со змеиной улыбкой на холеном лице: - Я приду завтра посмотреть, не обгорела ли ты на солнце. - А чудился совсем другой подтекст: «Подожду, чтобы ты наконец сдохла!»

И получила увесистым мешком с песком по довольной физиономии, которая тут же стала плоской и невыразительной.

Сирейлу унесли, чтобы помочь найти лицо, а я осталась висеть под сочувственными взглядами оставшейся стражи.

Просто так висеть было скучно, и я немного подергалась.

- Не рыпайся, девка, - посоветовал пожилой нукер с роскошными усами. Шепнул: - Береги силы. Может, и доживешь до вечера.

Я собиралась пожить гораздо дольше, но благоразумно не стала раскрывать свои планы на будущее. Мало ли? Вдруг сглазят?

Повисев еще немного и окончательно заскучав, я приступила к действиям. Неугомонный нрав требовал активности, а ненасытная натура - пищи.

С усилием раскачав себя до широкой амплитуды, я закинула ноги вместе с мешком за перекладину и, вывернувшись, оказалась лежащей на ней животом. Не сказать что стало удобнее, зато гораздо веселее, потому что стража заволновалась и задергалась.

Я так думаю, их не столько волновала моя изменившаяся поза, сколько то, что стало видно из-за задравшегося почти до талии подола.

- Слезай, - попросил усатый, подбегая к дыбе. - Так не положено принимать наказание.

- Где это написано? - возмутилась я, ерзая, чтобы устроиться поудобнее. - Покажи - и я послушаюсь.

- Нигде не написано, - замялся усатый. - Но все висели как надо. До тебя.

- Значит, нужно что-то менять в этой жизни, - хмыкнула я, метким плевком сбивая на подлете зеленую жирную муху. - Тот, кто стоит на месте, не успевает добежать до финиша!

- В твоем случае это смерть, - весьма мрачно открыл мне глаза на действительность черноглазый нукер со шрамом через левую щеку. - Так что можешь не спешить.

- Рахмат, - поблагодарила я, впитывая в себя струйки вождения от распаленных моим неприкрытым видом мужчин и взбадриваясь. - Приму во внимание!

Во дворик въехал старик на маленьком, невозмутимом лопухом ослике и поучительно сообщил присутствующим:

На три копейки денег, зажатых в кулаке, Не купишь избавленья и жизни в тишине. Поскольку не дано Творцом нам отличать тьму лжи от правды света, Вся наша жизнь - как меч, подвешенный над пропастью на волоске.

Стража застыла и промолчала.

- И вам здравствуйте, почтенный! - поприветствовала я старого знакомого. - Как поживаете? Как здоровье?

- Ты снова в беде, девушка с глазами цвета амариллиса, - сообщил мне старик, укоризненно грозя корявым пальцем. - Пора взрослеть!

- Я заметила, - не стала спорить со старшим. - И воспринимаю все со смирением.

- Со смирением? - отмер усатый. - Нарушать порядок наказания - это называется «смирение»?!!

- Это называется креативность, о неуч! - просветил стражу старик. - Через много веков это слово станет очень популярным и употребляемым.

- А?.. - Никто ничего не понял, но на всякий случай все прониклись и возражать не стали. Люди страшно боялись этого не то демона, не то пророка, как шептались наложницы в гареме.

- Твоя судьба в твоих руках, девушка с глазами цвета заката, - утешил меня пожилой человек под согласное кивание лопухого ослика и... растаял в воздухе со словами: - Не отчаивайся, мое благословение с тобой...

- И тебе гладкой дороги, Веселый Дервиш, - проявила я откуда-то взявшееся воспитание. Никак где-то в гареме эту заразу подцепила.

- Веселый Дервиш?!! - заволновалась стража. - Ты под благословением Веселого Дервиша?

- У вас что, арбузы в ушах застряли? - полюбопытствовала я, чуть-чуть меняя положение. - Или дыни? Вам же четко сказали!

- Тогда виси как хочешь, - разрешил мне усатый, подергивая себя за ус. - Только когда кто-то идет - умоляю, возвращайся в нормальное положение, чтобы нас рядом с тобой не подвесили.

- Хорошо, - кивнула я, но не смогла удержаться от вопроса: - А что, никто не хочет составить мне компанию?

- Тьфу! - сказали все нукеры и ушли играть в кости в тени раскидистой шелковицы.

Что, кстати, удавалось им из рук вон плохо, поскольку глаза мужчин не отрывались от моей пятой точки. К тому же мне сверху было все видно, и я комментировала от души, делюсь своими наблюдениями, строя прогнозы и раскрывая уж совсем наглый мухлеж.

- Сюда кто-то идет! - ворвался во дворик самый молодой стражник, поставленный на стреме.

Нукеры вскочили и выжидательно на меня уставились. Я тяжело вздохнула и бултыхнулась вниз, снова повисая на руках.

- Надеюсь, часто шлаться не будут, - бурчала я, пока мне заботливо расправляли задранный кафтан.

- Кто ж знает? - философски ответил старший, давая команду отойти от дыбы на безопасное расстояние.

- О, моя госпожа! - к нам прискакал запыхавшийся Саид с медным кувшином в руках. - Какое жестокое наказание. Вам очень больно?

- Да нет, - успокоила я его, застенчиво покачивая мешком на лодыжках. - Только неудобно и чуть-чуть жарко.

- Я сейчас! - пообещал евнух, подсакивая и подставляя под мою пятую точку свое плечо.

Стало намного удобнее. И мягче.

А Саид рассказывал:

- Когда ко мне прибежали ваши соседки и рассказали о назначенном вам наказании, я чуть с ума не сошел. Ходил к госпоже, чтобы она его отменила, но она отказалась меня принять. А эта старая клуша, - это он о распорядительнице гарема, - ничего и слушать не пожелала. Пока господина нет, я бессилён.

- Это не по правилам! - заволновались нукеры, глядя на нашу совместную композицию,

но с места не двинулись.

- Госпожа Амариллис, - со слезами на глазах каялся евнух. - Я не смогу отправить гонца к господину Агилару, чтобы сообщить о вашем бедственном положении! Поскольку хозяин не успел оставить никаких четких инструкций на ваш счет!

- Досадное упущение, - легко согласилась я, ни капли об этом не жалея. Когда бы я еще так повеселилась?

- Хотите пить? - спросил Саид, вставляя в кувшин соломинку и поднимая емкость вверх.

Нукеры попытались пресечь непопозволенное безобразие, но евнух бесстрашно сражался с превосходящими силами противника, отшвыривая их животом.

- Саид, сладкий мой, - попросила я, устав ловить постоянно ускользающую от меня соломинку, - ты бы не мог мотыляться поменьше? Я понимаю трудность твоего положения, но мне бы все же хотелось напиться прежде, чем эти героические нукеры возьмут твою высоту.

Страже комплимент понравился, и она затихла, переваривая лесть и предоставляя мне возможность утолить жажду.

- Благодарю тебя, Саид, - сказала я, выхлебав всю воду. - Ты просто оазис в этой пустыне саксаулов.

- Рад служить вам, моя госпожа, - преданно ответил евнух, стоя неприступным бастионом. - Вам удобно?

- Более чем, - призналась я, гнездясь на его плече. - Но ты сильно рискуешь собой.

- Я люблю вас, госпожа Амариллис, - тихо признался Саид. - Как свою недостижимую мечту. Как далекую яркую звезду на синем небосклоне. Как огненную комету, осветившую темную ночь моей унылой жизни...

- Хватит, - всхлипнул усатый, давая отмашку подчиненным. - Стойте и висите как хотите!

И стража снова уселась играть в кости. Мы с Саидом немедленно включились в этот процесс и делали ставки на его чалму. И постоянно выигрывали. Спустя какое-то время мы с ним стали счастливыми обладателями трех немного поношенных шаровар, пары рваных сапог и одной тубетейки. Как люди щедрой души, мы вернули вещи проигравшим за кувшин воды и приобрели искренние симпатии народа.

- Мне пора, - с сожалением сказал Саид, когда солнце начало склоняться к закату. - Вы сможете продержаться, моя госпожа?

- Куда ж я отсюда денусь? - изумилась я. - Буду висеть до последнего.

- Не забудьте вываливать язык при посторонних, - просвещал меня евнух. - Это придаст реализм вашему наказанию.

- Зачем? - удивилась я.

- От жажды язык распухает, - пояснил Саид, аккуратно ссаживая меня с плеча и придерживая. - И выпадает.

- Уговорил, сладкоречивый, - поморщилась я, повисая на вывернутых руках. - Буду всем настойчиво демонстрировать и требовать за это плату, потому что на такое можно смотреть только за деньги.

- Да сохранит вас Творец, госпожа Амариллис, - печально попрощался Саид и ушел, огорченный.

Стража трогательно попрощалась с ним, послала гонца к сменщикам, извещая, что останется перерабатывать, чтобы не упускать из виду такой ценный объект. После чего симпатичный черноглазенький, назвавшийся Мурадом, подставил мне свою плечо. Кстати, не такое удобное, как у Саида, но жаловаться я не стала.

Спустя какое-то время Мурада сменил Инсар, Инсара – Сабир, а потом к нам опять кто-то наведалься.

Меня тут же повесили как полагается, все тщательно поправили и велели соответствовать наказанию. Я вывалила язык, закатила глаза и скорчила гримасу, испугав всех нукеров реалистичностью образа.

– Прям как живая, – подвел черту усатый Инсар, выстраивая своих подчиненных по ранжиру.

Все косились на меня и безоговорочно соглашались.

К нам на ночь глядя пожаловал Ясир. Главный палач напрямую прошествовал ко мне, не удостоив взглядом стражу. Обошел пару раз вокруг, оттянул веки, пощупал пульс и заявил:

– Прекращайте придуриваться, госпожа. Ваше состояние более чем удовлетворительное. И жажды вы не испытываете.

Я сначала хотела стукнуть его мешком за непризнание моих талантов, но потом передумала и, приняв нормальный вид, широко улыбнулась:

– Хотелось сделать вам приятное, Ясир.

– Вы помните мое имя, госпожа? – удивился главный палач, ослабляя веревку и чуть спуская меня вниз. – Это удивительно приятно.

– Ну, мы с вами провели достаточно приятное время вместе, – призналась я, касаясь кончиками пальцев ног земли. – Так что это было несложно запомнить.

– И вы меня не проклинаете? – еще больше изумился Ясир, вытаскивая из-за пазухи нечто, завернутое в тряпицу. – Даже чуть-чуть?

– С чего бы? – удивилась я ответ. – Вы же делали свою работу.

– Вы удивительная женщина, госпожа, – признался главный палач, доставая из тряпицы кусок лепешки с сыром и начиная меня кормить, отщипывая маленькие кусочки и вкладывая между губ.

Стражники для такого дела притащили нам кувшин воды и удостоились косого взгляда от Ясира и благодарного – от меня.

После небольшого перекуса палач достал из-за пазухи склянку с мазью и смазал мне вывернутые суставы рук, облегчая боль. Которой я, кстати, в силу своей природы и не испытывала, но благодарность все равно изъявила, чмокнув Ясира в щеку.

Тот запунцовел и накапал мне из другого флакона десять капель прямо в рот, вызвав легкое онемение и эйфорию.

– Это поможет вам пережить ночь, госпожа, – тихо пояснил палач, подтягивая веревку в прежнее положение. – Я не могу отменить наказание, но могу попробовать облегчить его.

– Зачем? – поинтересовалась я заплетающимся языком.

– Вы под покровительством Веселого Дервиша, – ответил Ясир, – которому я приношу дары каждую неделю. И моя обязанность беречь все, что оберегает он.

И ушел, не сказав больше ни слова, не кинув взгляда.

Стража обалдела окончательно, и теперь я сидела на плечах сразу у двоих, с относительным комфортом.

Все же странная тут жизнь! Стоит тебя полюбить шкодливому старику с ослом, как все тут же превращаются в таких же ослов и любят еще больше. И никакого намека, что им нравится мое обаяние!

Упала на землю душная ночь, укутывая всех теплым покрывалом сна. Не обошла и меня стороной. То ли от усталости, то ли от зелья Ясира мои веки сомкнулись, погружая меня в беспокойную дрему, наполненную непонятными образами и томными желаниями.

Задыхались от вожделения нукеры, ощущая на своих плечах податливое женское тело. Метались в своих одиноких постелях наложницы, алкая мужского внимания. Страдали несчастные евнухи, не в силах удовлетворить жестокое и мучительное влечение...

Все эти струйки и ручейки людских потребностей стекались ко мне, подпитывая измученное тело и наполняя сущность удовлетворением и сытостью...

Глава 15

Выражение «снять женщину» имеет широкий смысл.

На рассвете меня вернул к действительности какой-то шум, сопровождающийся страшным переполохом.

Что-то изменилось и отдалось болью в заломленных руках. Видимо, меня снова отпустили и подвесили.

- Что ж вам не спится! - буркнула я, борясь с сонным дурманом.

Затуманенный мозг выдал одну умную мысль, забредшую случайно: посоветовал показать, что мне плохо не только изнутри, но и снаружи. Я его послушалась и на всякий случай вывалила язык, вновь впадая в дрему.

- Амариллис! - резанул по чувствительным ушам крик с ноткой муки.

Что-то стремительно пронеслось мимо.

Фьють! - запела сабля.

Шмяк! - Я приземлилась на смутно знакомые руки и, прикусив язык, застонала. Пришлось спрятать пример достоверности обратно, пока не откусила полностью.

- Скажи что-то, жонман! - со стоном потребовал Агилар, прижимая меня к себе и поворачивая. - Дай знать, что ты живая.

От его доспеха резко пахло кожей, лошадиным потом, железом и дорожной пылью. Шипы и металлические кольца, приделанные для защиты своего хозяина, немного холодили и чуточку кололись и мешали.

- Ой! - выполнила я его просьбу, потому что кто-то стянул с запястий веревки и начал растирать. Такая же участь постигла и лодыжки.

- Хвала Творцу! - обрадовался Агилар, пребывая в явном заблуждении относительно того, кого нужно благодарить.

Я решила исправить несправедливость и с усилием разлепила тяжелые веки, тут же встретившись с глазами цвета грозового неба. Какая-то часть меня растаяла до медовой лужицы и потребовала немедленно пощупать, чтобы проверить, не мираж ли и можно ли использовать по прямому назначению.

- Амариллис, - облегченно выдохнул мужчина, поворачиваясь.

Перед ним на коленях стояла растрепанная Сирейла, с ужасом рассматривая какой-то предмет на земле, у нас под ногами. Я чуть повернула голову, скосила глаза и увидела полуоткрывшийся ларчик, из которого высыпались золотые украшения с блестящими камнями.

- Что это? - просипела я, боднув Агилара в грудь и указав на ларчик. Руки пока не двигались, приходилось работать головой. Что было достаточно непривычно.

- Я ничего тебе не подарил за нашу ночь, сегилим, - прошептал мне в волосы мужчина. - Поэтому привез украшения, достойные твоей красоты.

- Почему? - искренне удивилась я. - Подарил. Себя. Как по мне, так вполне достаточно.

- Помолчи, - попросил Агилар. - Ты нездорова.

Можно было поспорить, но не хотелось.

Хозяин повернулся к Сирейле и грозно спросил:

- Как ты можешь это объяснить? Как ты посмела тронуть мою любимую наложницу?! Калечить ее душу и тело?

- Ик! - начала рассказывать смотрительница гарема. Но вырывалось только одно: - Ик! Иккк! И-и-и-ик!

- Поторопись или окажешься на ее месте! - гневно предупредил Агилар, не понимая ее странного языка и потихоньку закипая. - Я жду!

- Она оскорбила ваше достоинство, господин! - бухнулась лицом в землю дрожащая толстуха. - Я только следовала закону!

- И как это выразилось? - заскрипел зубами Агилар, сжимая меня в объятиях и не осознавая этого.

Дыба меня не убила, но вот это точно добьет. Вернее, этот.

- Ик! - сообщила я ему, упираясь головой в грудь и отталкивая. - Мне - ик! Дышать... ик! И на все... ик! Ик! Ик!

- Прости, - чуть разжал руки мужчина. - Тебе не больно?

- Ик! - покачала я головой. - Но ты... ик!

- Вот! - Старуха вытащила откуда-то из складок хламиды не распознанный мной ранее предмет. - Она колола ЭТИМ орехи! - Прошипела зло, будто аспид: - Это кощунство!

- Извини, - повинулась я под взглядом господина, искрящимся смехом. Пожала плечами: - Не узнала в лицо.

- Это стра-ашное оскорбление, Амариллис, - хмыкнул Агилар. Улыбка лучилась из его глаз, затрагивая все лицо, освещая внутренним светом. Бархатистый баритон нес в себе огромное сердечное тепло: - И ты понесешь за него стра-а-ашное наказание!

Все затаили дыхание, а смотрительница гарема воспрянула духом. Это было отлично заметно по ее переставшему труситься заду.

- Чтобы ты смогла оценить разницу, ты приговариваешься к моей постели, исталган, - торжественно вынес окончательный вердикт хозяин гарема и качнул головой в знак подтверждения. Поцокал языком: - Рассказать, в чем твое наказание заключается?

- Лучше показать! - охотно закивала я, замечая в толпе рыжие кудри и толстые щеки. Решительно заявила: - Но без Саида и Ширин я никуда не пойду.

И не соврала ни на волос. Я не пошла, меня понесли. К лекарю.

Донесли до лекаря, бережно положили на живот и спросили:

- Что-то можно сделать с ее руками? Немедленно!

- Можно, - сообщил лекарь, подсовывая мне под нос чашку с настоем. - Но не нужно!

- Мне что, теперь так и жить с вывернутыми плечами? - возмутилась я, отхлебывая. - Ой, а зачем вы туда столько... хррр...

Сквозь дымку сна я чувствовала, как бережно массируют и вправляют мои плечевые суставы, втирая облегчающую боль и расслабляющую мазь. Нежные руки наносили на кожу заживляющий и смягчающий крем. Растирали следы от веревок.

Передо мной мелькнули прыгающий Саид и плачущая Ширин. Я решила, что это дурманный бред, поскольку это практически нереально. Один проломит все этажи, другая скорее расколлет орехи всем окружающим, чем зарыдает у моего ложа. Тем более что я прекрасно себя чувствую. Вон и фиолетовые цапли подтверждают карканьем.

Мы слегка покаркали с ними о своем, о девичьем, и условились встретиться позднее, когда я отращу себе такой же клюв, как у них. Я пообещала проконсультироваться у госпожи Сирейлы, как ей удалось достичь в этом деле такого совершенства, и попробовать хотя бы чуть-чуть приблизиться к недостижимому.

Тут вмешался Агилар, почему-то оказавшийся в моей постели. Или я в его? Матрас

точно был не мой. У меня под ним была заныкана лепешка, а здесь кровать и под ней – только ночной горшок. Я проверила.

Так вот, Агилар был против увеличения моего носа и высказывался за увеличение чего-нибудь другого. И это была не грудь! Когда я поинтересовалась для расширения своего кругозора, что еще можно увеличить у женщины, то оказалось, что это время ее молчания.

Я хмыкнула и заплетающимся языком поведала мужчине о наивности в пределах наглости, на что меня поцеловали в макушку и приказали спать.

– Что же ты делаешь со мной, сегилим? – спрашивал Агилар, устраивая мою голову на своей груди. – Ты приходила ко мне каждую ночь, не давая дышать. Каждый раз, когда я видел женскую фигуру, я видел тебя.

– Угу, – сопела я, устраиваясь поудобнее и закидывая на теплое упругое тело ногу и руку, подумывая пристроить и вторую половину, но со временем. Чтобы не выглядело уж так явно и навязчиво.

– Ты постоянно в моих мыслях, жонман, – продолжал шептать мужчина, поглаживая мои локоны. – Твое лицо, твое тело заставляют меня гореть в аду, в огне постоянного неутолимого желания. Я гнал коня как умалишенный, только бы вернуться раньше и обнять тебя.

– У-у-у, – уверила я его в том же самом.

Я бы его тоже обняла. И слово у меня не расходилось с делом, поэтому я залезла на него целиком. И прекрасно поместилась. Хорошо, что он такой длинный и широкий. Мой матрас ему проиграл с большим отрывом.

– Я хочу подарить тебе лучшие шелка, но чтобы ты никогда не носила их, оставаясь обнаженной... – Жаркий шепот и настойчивые руки. – Я мечтаю увидеть тебя в лучших драгоценностях, только чтобы снять их с тебя. Я должен положить к твоим ногам весь мир, чтобы никто не смел отобрать тебя у меня...

Все было крайне занимательно, но, к сожалению, дальше я уже отключилась и не слышала. Кстати, тряпки, цацки и целый мир меня интересовали очень мало. Эти понятия были размытыми, отдаленными и ничего для меня не значили. Вот отоспаться, помыться и заняться любовью с мужчиной, способным щедро одарить сладчайшей сексуальной энергией, редкой и изумительно вкусной, – самая лучшая награда. Что поделать, я умела довольствоваться малым, исключая это малое в мужчинах...

Меня разбудила жажда.

– Ты проснулась, любимая? – И таковы были чары в этом красивом мужском голосе, что даже ночные птицы и сверчки заслушались.

Открыв один глаз в поисках воды, я уткнулась взглядом в мускулистую грудь, на которой спала, и о воде тут же думать забыла. Вернее, жажда питья мгновенно трансформировалась в другую жажду, и я не стала отвлекаться.

Наоборот, я всецело отдалась своим инстинктам, настырно требующим взять в руки и использовать, пока меня не вышвырнули отсюда и не выдали заменитель, которым в лучшем случае можно колоть орехи.

Ведомая чем-то темным и неизведанным, я чувствовала себя хлебом, который погружается в густой сладкий мед. Медведем среди ульев. Тигром в коровьем загоне. Громадной щукой в тихой заводи, полной серебристых мелких рыбешек.

Словом, я захотела ЕСТЬ!

Мягкие губы невесомо прошлись по моей шее, чуткие, сильные мужские пальцы прихватили в горсть волосы на затылке, с шутливой свирепостью оттаскивая голову назад.

– Милая, сладкая... – В подтверждение слов вторая рука углубилась в массу волос,

шаловливо поиграла их кончиками на шее и спине, спустилась ниже.

Опять повторилась ситуация с чашей сладкой малиново-розовой воды. А дальше я обезумела. Наверное, не надо было давать пить мне тот странный состав, вовсе не похожий на яды. Хотя, при моем инстинктивном знании ингредиентов, состав не показался вредным или опасным. Но на меня он подействовал почище иного яда. Похлеще кнута или гибкой трости на теле.

Я просто взбесилась. Единым порывом:

- Мой!

- Моя! - мы приникли друг к другу.

Дальше все... Темнота. Мы выпали из этого мира.

То был акт обладания. Я обладала им, а он мной. И мой мужчина принял это, щедро давая возможность сегодня мне быть сильной.

Через несколько часов я очнулась: ароматный дымок курильницы кружил голову, ниже талии разливалась сладкая тяжесть.

- Моя драгоценность. Никому не отдам. - В его глазах, когда он говорил мне это, было нечто интимно-таинственное, греховное. Слова тешили наше обоюдное чувство принадлежности, а потому были правильными.

Мой любовник долго втирал душистую мазь, лаская мои плечи и словно безмолвно благодаря за доставленное удовольствие.

За одну ночь я получила от своего мужчины все, что мне недодали за предыдущую неделю или, пожалуй, месяц. Меня просто распирало от захваченной энергии!

Вторичные эманации выброса я тоже улавливала и поглощала. Не от жадности... впрок. Постоянный жестокий сосущий голод научил меня запасливости.

Агилар под утро заметно обессилел. Он лежал расслабленный, с темными кругами под глазами. Заострились скулы. На лице появилась легкая прозелень, словно он неделю голодал и недосыпал. Но лег почивать мой господин сказочно ошарашенным, тесно прижимая мою спину к своей груди и готовый в любой момент проснуться, чтобы не дать мне выбраться из своей кровати.

- Господин! Господин! Пришла депеша из дворца господина наместника. Вас срочно вызывают! - Тонковатый голос молодого евнуха в момент пробуждения звучал для нас противней кваканья жабы.

А если учесть, что мой обострившийся слух улавливал не только его гнусавые вопли, но еще болтовню слуг на летней кухне, злословие и сплетни наложниц в нашу сторону, беззлобные солдатские сальные шуточки... становилось совсем уж скверно.

И все же Агилар - поразительный мужчина! На его месте любой другой неделю точно ноги бы таскать не смог. А этот, когда его разбудили незадолго до полудня, выругался, встал, покачнулся и бодро двинулся в нужном направлении, одеваясь и обуваясь почти на ходу.

Я получила нежный шепот на ухо:

- Спи, любимая! Я разберусь с делами и скоро приду!

И я заснула как убитая, полностью выключившись из окружающей действительности. Что же вы хотите - меня развезло. Попробуйте-ка слопать целый таз сладких медовых лепешек и пахлавы после недельной голодовки! И если вас не вытошнит, то вырубит намертво. Мои ослонившиеся глаза тому порукой...

Глава 16

Романтики не бывает много или мало. Она бывает только не вовремя.

- Ваша машина для хознужд, которую вы мне доверили... «опель», - заикнулась я, когда мы отъезжали. - Она осталась там...

- Знаю, - оборвал меня жутко злой Максим Александрович. Он тяжело дышал, скрипел зубами и... в общем, еле сдерживался. - Ее перегонят. Я дал ребятам запасные ключи.

- Спасибо, - кивнула я и замолчала. А о чем говорить?

- Вот скажи мне, Эля, - наконец разразился речью босс, ожесточенно крутя баранку, - чем ты думала, когда поперлась встречаться с этим подонком?

- Подозреваю, что этим, - постучала я согнутым пальцем себя по лбу. - И я с ним не встречалась, мы случайно пересеклись, - разъяснила подробнее.

Впрочем, не надеясь на понимание. Все, что он сейчас может мне сказать, - это вечное мужское «чем ты думала?» и «что бы с тобой было, если бы меня рядом не оказалось?».

- Вижу, что «этим», - передразнил Максим Александрович. - А там есть «это»?

- Я не вскрывала, - пожала плечами.

- Если ты будешь настолько беспечной, - кто-то включил вторую передачу, - то тебе помогут и вскрыют! Разве можно так собой рисковать?

- А с каких это пор прогулка считается риском? - возмутилась я вторжением в мою частную жизнь.

- С тех самых, - повысил тон Максим Александрович, видимо считая меня не только безмозглой, но и глухой, - когда ты начала водить знакомство с такими подозрительными личностями, как твой бывший сожитель! И договариваться о встрече!

- У-у-у! - закатила я глаза, откидываясь на спинку сиденья. - Как все запущено! И как же я, несчастная, жила-то до вас? - Вот как этому рогатому шовинисту растолковать, что я не дурочка с тягой к садомазо?!

- Плохо жила, - отрезал он. - Если спала с таким мерзавцем!

- Угу, - поддакнула я и спросила: - Я вот только одного не пойму... вас что больше задевает - что спала или что с мерзавцем?

- Меня ничего не задевает, - рявкнул он, въезжая в гараж. - Меня беспокоит твое неумение разбираться в людях!

- Так вам же это на руку, - парировала я, начиная приходить в приподнятое настроение от нашей пикировки. - Иначе бы я у вас не работала!

- Ты хочешь сказать, что и я мерзавец? - раздул босс ноздри, вытаскивая меня из машины.

- Это не я, - открестилась, упираясь руками ему в грудь. - Это вы сказали! И нечего примазывать свои желания к моим возможностям!

- Я не примазываю! - потряс он меня, вероятно собираясь вытрясти наружу мою совесть и заглянуть ей в глаза.

Так вот, я для него приготовила сюрприз! Совесть у меня такого глубокого пенсионного возраста, что ничего не слышит на оба уха, особенно когда ей выгодно.

- Да? - изумилась я странной логике. - И даже ни разу не захотелось меня в кровать затащить? И мыслишка такая не мелькнула? И холодный душ вы просто из любви к чистоплотности два раза за утро принимали? Ну и для бодрости духа, конечно.

- Иди спать! - заорал Максим Александрович, отталкивая, словно не доверял самому себе.

- Спокойной ночи! - пожелала я ему.

Всем хорош мужчина, но рядом с ним - как на прицеле у снайпера. Вся будто на ладони.

Помыкавшись из угла в угол по комнате, бессмысленно поглазев в телевизор и вяло полистав книжку, поняла, что сна ни в одном глазу. Поворочалась в постели и решила устроить себе маленький праздник жизни.

Я смоталась в кладовку и притащила старую гитару, валявшуюся там, судя по пыли, со времен бурной студенческой молодости босса. Страхнула пыль, настроила и пробежалась пальцами по струнам. Инструмент ныне почившей ГДР, на удивление вполне пристойный.

Не то чтобы я очень уж увлекалась, но иногда душа просила чего-то, чтобы развернуться, потом свернуться и сплющить меня окончательно.

Твое лицо в ладони я возьму, В твои глаза упрямо загляну. Твои глаза, как озера любви... Так позови, ты слышишь, позови... Ты позови меня, ты позови... Ты искупай меня в своей любви, Я утону и больше не вернусь, Когда в глаза с разбега окунусь. Я Господа теперь благодарю, За то, что я люблю тебя, люблю. За то, что есть на свете этот свет, Что дарят мне глаза твои в ответ. И плохо мне теперь без этих глаз, Что в душу заглянули мне не раз, Что высветили нежность всю и боль, Что и во сне любовь всегда со мной. И лишь одно у жизни я молю, Когда узнала, что тебя люблю, - Чтоб свет твоих прекрасных серых глаз Во тьме веков до срока не погас. Ты позови меня, ты позови... Ты искупай меня в своей любви, Я утону и больше не вернусь, Когда в глаза с разбега окунусь...

Стих грустный гитарный перебор, замолчала старая гитара.

- Входите, Максим Александрович, - сказала я, оглядываясь через плечо.

Он стоял в дверях моей комнаты, одетый для дома, - в темно-синих джинсах и серой футболке, держал в ладонях бокал с коньяком и не спускал глаз с меня, сидящей на кровати, лицом к окну, подогнув одну ногу под себя.

- Спой еще что-нибудь, пожалуйста, - попросил босс. - Если хочешь, конечно.

Я изогнула бровь, криво ухмыльнулась и, отвернувшись, снова коснулась струн.

Ты обещал мне, что придешь... Слова красиво говорил... Но это ложь, пустая ложь... Ты врешь, но кто тебя просил? Ты говоришь, а я молчу... К чему мне слышать твой обман? Зачем мне ложь, смешная ложь? К утру развеется дурман... Я не ждала и все же жду, Бросаясь к двери на шаг... А вдруг не ложь и ты не врешь, Ведь я просила: «Мне не лги!» Когда придешь, скажу - ждала И слезы по ночам лила... Но это ложь, большая ложь... Тебе я тоже солгала... -

звучала грустная старинная мелодия, рождающая воспоминания.

Против воли заструились слезы. Слезы, накопленные за много-много лет. И вот такая малость дала им толчок. Если бы меня видели родные... Животики, наверное, надорвали бы.

- Не плачь, Эля, - присел рядом Максим Александрович, осторожно стирая мокрую дорожку со щеки. - Он не стоит твоих слез.

- Я плачу не о нем, - саркастически искривила я губы. - Я плачу о замкнутом круге, в котором живу и который не разорвать.

- Всегда можно вырваться из круга, - заверил меня босс, не отнимая ласковой руки от моего лица. - Нужно только захотеть.

- Вы не знаете, о чем говорите, Максим Александрович, - прошептала я, отстраняясь. - Есть вещи, которые неподвластно изменить никакому желанию. Только терпение, ожидание и боль.

- Ты... - потянулся он ко мне и остановился. Помрачнел, одним залпом выпил коньяк и резко поднялся. - Спокойной ночи, Эля. Завтра не вставай рано, я сам управлюсь.

- Посмотрим, - закрыла я за ним дверь за замок. Не потому, что я ему не доверяла. Я не доверяла самой себе. Так легко и заманчиво взять то, что предлагается от чистого сердца, и так сложно найти то, что действительно нужно.

Я все еще на что-то надеюсь...

Глава 17

Берегите родственников! Они могут встретиться с хрупкими женщинами! И сломаться.

Я проснулась в прекрасном настроении, но в полнейшем одиночестве. Скинув с себя мятые влажные простыни, вскочила и отправилась искать купальню.

В жизни не поверю, что у Агилара тут не было хоть какой-то маленькой, вшивенькой купальни. Нашла. Немаленькую.

- Мы все делаем по своему размеру, - пробормотала я, рассматривая просторное помещение с небольшим округлым бассейном, наполненным прохладной водой. - Только вот орехи колоть приходится какой-то тонкой мелочью! Жадина!

Выкупавшись, я вернулась в покои и обнаружила около кровати аккуратно сложенный кафтан из алого шелка с золотой вышивкой, такие же шаровары, газовую накидку на голову, крепившуюся к резному золотому обручу, украшенному рубинами, и изящные туфельки без задников с загнутыми носками.

Я натянула на себя кафтан и шаровары, проигнорировав все остальное. Почему-то необходимость закрыть волосы и обуться вызывала во мне необъяснимую нервную дрожь. Я подумала, что если мой инстинкт позволил мне дожить до этого момента, то сейчас не будет устраивать себе отдых, чтобы в результате отдохнуть уже без меня.

Побродив по комнате и словав все съедобное в пределах досягаемости, я решила выйти наружу. Иначе богатая коллекция оружия Агилара грозила стать коллекцией из костяных накладок. Мне они никогда на вкус не нравились.

Кстати, что удивительно, ни рядом с покоем Агилара, ни в коридоре мне не встретилась ни одна живая душа. Такое ощущение, что все испарились и сделали это специально, чтобы я тут блуждала, несчастная и голодная.

Мое негодование уже начало достигать неопределенного предела, когда из-за поворота показалась закутанная в нежно-голубые шелка тонкая фигурка.

- Вы не знаете, где здесь можно поесть? - любопытствовала я у девушки.

Та отодвинула от лица прозрачную ткань и любезно сказала:

- Конечно, госпожа Амариллис, я провожу вас в сад, где вас накормят. - И сладко улыбнулась. На долю мгновения мне показалось, что в блестящих, словно агаты, черных глазах мелькнула затаенная злоба. - Следуйте за мной.

- Благодарю, - кивнула я, рассматривая сзади мерно качающиеся бедра.

Через какое-то время меня просто укачало. Не понимаю я этих мужчин, которые неотрывно пялятся на вправо-влево ходящие тазовые кости. Чего хорошего? Вот если изменить направление... то получается прекрасная тренировка, а с мужчиной - еще и тренировка с удовольствием.

От скуки я попыталась повторить эти телодвижения. Но, как оказалось, бедрами я не вышла. Заносило меня из стороны в сторону, словно пьяную, поэтому плюнула на это дело и пошла без накопления жизненного опыта и вреда колоннам.

- Прошу вас, госпожа. - Голубая привела меня в крытый дворик с фонтаном. - Сейчас за вами придут.

Я еще раз поблагодарила и пошла рассматривать новое место. Случайно обернувшись, поймала взгляд в мою сторону, наполненный такой жгучей ненавистью, что слегка заволновалась, не пересыпят ли мне в этот раз яда в чай. Хоть бы сильно горьким не сделали. И стекло лучше помельче молоть, а то между зубов застрекает.

Спустя какое-то время до меня дошло, что меня на сей раз решили уморить голодом, поскольку никто не бежал с подносом, и я решительно направилась к тому выходу, откуда мы пришли. Но он оказался заперт.

Зато из другого, противоположного выхода, выскочил мужчина и направился ко мне.

- Вы не скажете... - обрадовалась я возможности спросить, где тут выход.

Но мужчина отвесил мне тяжелую пощечину, заставив мотнуться голову в сторону.

- Не скажете, - сообразила я, сплевывая кровь из разбитой губы.

Все так же без разговоров этот дикарь больно схватил меня за волосы и куда-то потащил, согнув в три погибели.

В какой-то момент мне даже стало интересно - куда. И что он собирается делать. Мой жизненный опыт в области наказания и пыток увеличивался просто на глазах.

Этот шлепнутый копытом ослика Веселого Дервиша притащил меня в помещение. Еще пару раз стукнул по лицу и привязал за руки к вделанному в потолок крюку.

За руки. Вверх. Меня. Опять. Сволочь!

Я честно начала злиться. Тем более что кровь, стекавшая струйкой по подбородку, испачкала мой новый наряд. А он у меня в первый раз был новый и был дорог как память!

- Научилась молчать, когда мужчина не спрашивает? - совершенно нелогично спросил незнакомец, которого мне, кстати, только сейчас удалось рассмотреть.

Практически точная копия Агилара, но какая-то папой не доделанная. Все, что должно вырасти до нормального размера, постеснялось и не выросло. Зато все остальное расцвело буйно и беспорядочно. А уж злобные глазки зеленовато-карего цвета вызывали только одно желание - плюнуть. Жалко, что для этого яда мне недодали, как плюющей кобре. Могла бы помочь человеку перестать мучиться с такой внешностью.

- Почему ты молчишь, когда я задал тебе вопрос? - Недоделок вышел из себя и так дернул меня за волосы, что чуть не оставил их себе на память.

- После удара нечем думать, - ответила я, начиная злиться все больше и больше.

Прикусив язык, чтобы не посоветовать ему сходить к Саиду и взять пару уроков - как нужно мечтать о женщине, если нечем мечтать, - я благоразумно промолчала, все же надеясь, что кто-то одумается.

Пока надеялась, получила две затрещины за молчание, две за разговорчивость, еще три просто так, без темы, и уже полностью отчаялась уловить странную мужскую логику.

Моя злость заклубилась где-то в районе живота, поднялась к горлу. В душе впервые в жизни загорелась жажда крови, мир окрасился в огненные тона. Ногти на руках стали длинными и острыми, впиваясь в веревку.

Мужику надоело меня избивать, и он начал рвать мой кафтан. Тут меня достало до такой степени, что я рыкнула:

- Штоять! - почему-то шепеляво и с ревом.

Насильник поднял голову, взглянул мне в лицо и застыл, судорожно вздыхая и не моргая.

- Фто тафое? - нахмурилась я, перерезая веревку когтями и трогая мешавшиеся во рту... клыки? КЛЫКИ?

- Ты фто фдедаф, ифак! - возмутилась я, хватая мужика за богато расшитый халат. - Ты фто из меня фыбил? Пофему они вылефли?

- Не фнаю, - пролепетал насильник, съеживаясь. - Они сами.

- Издеф-фаефся?! - заревела я, поднимая его на вытянутых руках и вбивая в стену. - Дразнифся?!

- Нет! - замотал он головой из стороны в сторону.

- Тогда убежи иф! - потребовала я, одной рукой удерживая его на весу, другой пытаюсь впихнуть клыки обратно. Удалось... с пятого раза.

После чего я выпустила немножко помятого насильника, присела рядом с ним на корточки и сочувственно сказала:

- Такой бесполезный. Может, хоть голод утолишь?

От мужчины густой струей пахнуло таким сладким страхом и неопишуемым ужасом, что я нечаянно сжала руки на его горле и сверкнула довольным взглядом, глядя ему в вытаращенные буркала.

В этот момент в человеке что-то изменилось. Как будто сломалось внутри. И вылетело наружу. И зашло в меня, заставив сыто рыгнуть.

С родственником военачальника случилось непонятное. Мужчина, как непослушный мальчишка, юрким волчком выкрутился из моих рук, выбежал из комнаты и подбежал к фонтану. Радостно залез в каменную чашу, уселся и начал поливать себя сверху водой с кувшинками и золотыми рыбками, счастливо крича:

- Тетя, смотри! Я умею плавать!

От моего лица отхлынула кровь, я похолодела. Он сошел с ума и впал в детство? Только этого не хватало! Потом поди докажи, что ты тут ни при чем, за мной и так числится множество странностей.

- Тетя, давай играть!

- О-о-о! - закатила я глаза. - Дал же Творец наказание. Иди сюда, чудо!

- Нет-нет! - отбивался неудавшийся насильник. - Я еще не наплавался! И с рыбками не поиграл!

- Они скользкие! - уговаривала его я. - Мелкие. Есть нечего.

- Зато блестят! - не сдавался мужчина, ныряя с головой.

Пришлось лезть и вытаскивать. Можно было, конечно, и так оставить, но как объяснить лишнее украшение в фонтане?

Спустя пару часов мы все так же плавали. Если точнее - мужик плавал по дну, пуская пузыри вместе с кувшинками, а я сидела рядом на скамейке и бдительно следила, чтобы он не нажрался чего-то крупного, которое нельзя проглотить.

Дверь во дворик разлетелась на куски, и сюда галопом ворвалась куча народа во главе с Агиларом. Рядом бежала довольная госпожа Сирейла и лепетала:

- Она сама соблазнила вашего двоюродного дядю! Она шлялась по всему дворцу полуголая, с непокрытой головой, босиком и соблазняла всех подряд!

На левой руке Агилара, лучась неземной страстью, висла голубая и счастливо пришепывала:

- Господин мой, только я вам верна. Только вас я жду. А она - развратная тварь...

Эта колоритная тройца сопровождалась стражей, тащившей здоровенный мешок с камнями; Саидом, оравшим: «Это все неправда!» - и Ширин, пытавшейся оторвать от Агилара голубую с криком:

- Вы все подстроили! Кто закрыл меня в кладовке? А Саида в гареме?

- Не докажешь! - шипела голубая, не забывая ласково улыбаться разъяренному Агилару.

Поскольку в это время мой подопечный начал играть в камни в море и вел себя тихо и мирно, только пуская бульки, а я за ним следила, боясь не вытащить вовремя, и еще

одним ухом прислушивалась к дрязгам, то вся процессия напрямик набилась в комнатуху, где мы недавно так славно потеряли сознание. Плохо, что не спешили его найти!

Народу в помещение набилась тьма-тьмущая. Кое-кто даже остался на улице, подпрыгивая и заглядывая через головы.

- Где она?! - орал Агилар внутри и что-то крошил. Как он умудрялся это делать в такой тесноте, ума не приложу. Если только крошил лишний народ на кусочки. - Я вас всех спрашиваю!

Совместными усилиями они все же пробили дополнительный выход наружу из пристройки, проломив глинобитную стену, и выпали на свежий воздух, сразу переставший быть свежим.

Когда в проломе нарисовался Агилар и узрел скромно сидящую меня, то застыл у фонтана каменным изваянием, булькая негодованием.

- Что-то случилось? - подняла я брови.

- А где?.. - открыла рот госпожа Сирейла.

- Кто? - еще невиннее спросила я.

- Мужчина! - выкрикнула голубая с ненавистью.

- Этот? - залезла я в фонтан и выудила насильника.

- У меня морковка замерзла! - радостно сказал двоюродный дядя. - И персики тоже замерзли! А рыбки красивые!

- Что с ним? - отмер Агилар, переставая вытаскивать саблю, и начал пристально вглядываться в лицо родственника.

- Ты меня спрашиваешь? - устала я на него, бдительно не выпуская норовившего вырваться из рук и окончательно заморозить морковку мужчину. - Я его сегодня в первый раз вижу, а ты его всю жизнь знаешь! Вот ты мне и скажи, что с ним такое?!

- А почему у тебя губы разбиты? - перенес свое пристальное внимание с родственника на меня Агилар и нехорошо прищурился.

Тут наш дядя подпрыгнул за бабочкой и дал мне затылком по зубам.

- Еще объяснения нужны? - сплюнула я кровь, ощупывая зубы и потихоньку запихивая нагло лезущие наружу клыки. - Я, понимаешь, спасаю от гибели твоего родственника ценой своей красоты, а мне в ответ что?

- Что? - поднял брови немного отошедший от гнева Агилар.

- То-то и дело, что ничего! - фыркнула я, вытаскивая из фонтана несостоявшегося насильника и вручая остолбеневшему племяннику. - На свое сокровище! Полови с ним... - глянула на притихших женщин, - куриц!

Подошла к держащим мешок с камнями стражникам. Заглянула внутрь:

- Это мне? Как мило! А почему камни не помыли и не отполировали? - Отобрала мешок, взвесила в руке и...

Бац! - досталось госпоже Сирейле.

- Это за то, что оставили несчастного дядю без присмотра!

Бац! - припечатала мешком голубую.

- Это за то, что выбрали в няньки меня! У меня же нет никакого опыта!

Голубая кулем свалилась к моим ногам.

- Прекрасно! - обрадовалась я и немного попинала для оживления.

Голубая не оживилась и почему-то не обрадовалась.

- Ну и ладно, - не стала я расстраиваться. Подобрала эту плесень и начала утрамбовывать в мешок.

- А-а-а! - завопила голубая, становясь фиолетовой. - Не надо! Не надо меня топить!

- Фу! - принюхалась я. - Кто-то уже утонул! - И вручила ценный приз Агилару: - Это ваше!

Пока немного ошалевший мужчина освобождался от камня на шее с камнями в мешке, я подошла к Саиду и попросила:

- Пожалуйста, отнеси меня на мой матрас. Я устала. - И покачалась для достоверности.

Евнух бережно подхватил меня на руки и поинтересовался:

- Почему туда, госпожа Амариллис? У вас теперь свои покои!

- Саид, я хочу отдохнуть, - постучала я его по лбу. - А не упокоиться! Неси куда сказала!

Агилар тут же уронил голубую на землю и отобрал меня у Саида:

- Сам отнесу!

Я прищурилась и спросила:

- А там будет тихо, много секса и еды?

- Там будет все, что ты только захочешь, сегилим, - легко поцеловал уголок моего разбитого рта Агилар, прижимая к себе под потрясенный вздох присутствующих. - Но вместе со мной.

- Беру! - не стала я спорить, обнимая за шею и прикикая к нему.

- Тетя! - заорал двоюродный дядя, достаточно шустро передвигавшийся на четвереньках. - Тетя, хочу с тобой! Ты страшная и добрая!

- Ширин! - позвала я, состроив рожицу. - Приручи это недоразумение, пока я страшно добрая!

И меня унесли, потом увезли, а потом уложили туда, где было тихо, много секса и еды.

Глава 18

И просила всего-то ничего – еды и покоя. Получила верблюда. Стою и думаю – подарок или намек?

– Мы уезжаем! – заорал Агилар, проскакывая наружу через весь дворец. – Быстро!

– Господин чего-то желает? – закачала к нему корытами... бедрами прекрасная когда-то одалиска, эдак телеги две сладостей назад. И состроила моему мужчине глазки, прикрывая нижнюю часть лица покрывалом.

– Желает! – сорвал с нее головное покрывало Агилар, набрасывая на мою персону.

Пахнуло тяжелыми сладкими духами.

– Окончательно решил уморить? – вынырнула я из-под ткани, оглушительно чихая. – Мало мне всего, так давай еще вонючей тряпкой заткнем?!!

– Это лучшие духи из Корзуда! – возмутилась женщина, прикрываясь ладошками.

– Это? – не поверила я и еще раз осторожно понюхала. Заметила: – Мне таки кажется, что бодяжили эти духи в ближайшей чайхане. Поймали скунса, сделали ему «хана», добавили настой прогорклых масел... – Тут я еще раз понюхала. – И жасмин для ароматизатора.

Агилар старался не скалиться в открытую.

– Женщина, – повернулась я к одалиске. – Вас нагло надули!

Та моргнула и отвела ладошки от лица, явив себя миру. Мир в нашем лице примолк, переглянулся, и я скомкала головное покрывало, сунула Агилару, шепнув:

– Отдай обратно – ей нужнее!

В этот момент появился Саид, дирижирующий вереницей слуг, нагруженных тюками и мешками. И Ширин, которая тащила за ухо двоюродного дядю хозяина, приговаривая:

– Я те дам заглядывать под подол!

– Я все равно ничего не видел! – орал мужчина, обиженно кривя губы. – Там шаровары! Так нечестно!

– А этих ты зачем с собой берешь? – полюбопытствовал Агилар, ставя меня на землю и принимая из рук Саида чадру. – Оставь его здесь.

– Чтоб за несчастным снова недосмотрели? – вытаращилась на него я. – Вдруг ему попадется кто-то более беспечный? И устроит длительные заморозки овощей и фруктов? Потом же только выкинуть придется!

– Почему тебя это так волнует? – нахмурился хозяин, заворачивая меня в слои ткани с окошком из конского волоса. – Я имею в виду его возможности получать удовольствие.

– Как здорово! – вырвался от Ширин дядя и поскакал к ближайшему верблюду. И недолго думая дернул несчастную животину за куцый хвостик. Верблюд дал дяде пендаля и послал в поильное корыто. Окунувшись с головой, тот выскочил и счастливо прокричал мне: – Тетя, смотри! Здесь вместо рыбок лягушки! – Он выудил одну у себя из шаровар.

И как она туда просочилась? Никак в заначке сидела!

– Удовольствие он может получать и без того, о чем ты подумал, – хмыкнула я, наблюдая в частую клеточку за процессом спасения лягушки от человека. – А вот как он будет размножаться, сейчас не волнует ни его, ни меня. В крайнем случае ему Саид все на картинках покажет. Это у тебя в гареме последняя мода.

– Какая мода? – нахмурился Агилар, подталкивая меня к верблюду.

- Картинки рисовать, - простодушно рассказала я последние сплетни. - Рисуют твой... жезл по памяти и доказывают друг другу, кто именно прав и в чем. Так день и проходит.

- А предпоследняя какая мода была? - начал злиться непонятно на что Агилар.

- Дилдо мерили, - не менее честно ответила я. - И сравнивали. По последним слухам, ни одного одинакового не оказалось. Так что ты человек многогранный и переменчивый!

- Шайтан! - почему-то сильно обиделся Агилар и все же подвел меня к верблюду. - Этот твой.

- Замечательно, - порадовалась я за животное. - Он об этом, надеюсь, знает?

Из дворца выскочила юродивая и, размахивая чем-то крепко зажатым в обеих руках, понеслась напрямик к нам.

- Смотри! - непонятно каким образом опознала она меня в коконе из ткани. - У меня теперь два «господина»! Правда, красивые?! - И разжала кулаки, показывая два потерянных заменителя мужчин.

- Марьям, - наклонилась я к ней, - вот твой господин. - И показала на Агилара.

Юродивая посмотрела на деревяшки, потом на мужчину, покачала непокрытой головой и твердо заявила:

- Не похож! - И пошла показывать свои приобретения дяде.

Они сразу нашли общий язык и через какое-то время играли в битву, используя заменители вместо сабель.

- Какой любопытный способ, - заинтересовалась я. - Я думаю, этим еще никто не сражался.

Но Агилару почему-то было скучно и совсем не смешно. Или он узнал о себе много нового?

Я знакомилась с верблюдом, пользуясь моментом, пока кто-то подсчитывал, сколько нужно палачей для наказания всего гарема, и не мог рассчитать, потому что на одного экзекутора приходилось десять с половиной наложниц. И хозяин, скорее всего, никак не мог определить, как нужно делить - вдоль или поперек.

Мне хотелось подсказать, что можно по диагонали, но я ни разу не подстрекатель. Так что пусть сам до этого додумывается!

Наконец, так ничего и не придумав, Агилар дал отмашку погонщику верблюдов, и тот подбежал к нам. Приказав верблюду улечься, погонщик согнулся в раболепном поклоне. Агилар легко меня поднял и усадил промеж горбов животного, дав в руки поводья. Убедившись, что сию я крепко зажата и никуда сбегать не собираюсь, гыкнули, поднимая верблюда.

Тот начал вставать на задние ноги, отклячив задницу. И тут в нее с размаху врезались двое доблестных воинов, размахивающих деревяшками. Уж не знаю, попали ли они этим оружием верблюду или он просто так обиделся, на всякий случай. Но, проехав какое-то расстояние вперед, животное резво вскочило и заскакало по двору почище породистого скакуна. Только плевало, как настоящий верблюд, во все стороны.

- Какая у нас занимательная поездка! - тихо радовалась я, мотаясь между горбов. - И спасибо вам, мужчины, за то, что придумали чадру. Через нее ни фига не видно и поэтому не страшно!

- Амариллис! - выдернул меня с верблюда на каком-то круге еще не оплеванный Агилар и вцепился, как рак в утопленника. - Ты живая?

- Пока не знаю, - честно призналась я. - Погоди, сейчас я договорюсь с организмом, чтобы он не качался, и тогда-а...

Верблюд ломанулся на нас. Но его твердой рукой перехватила хрупкая маленькая

Ширин, отвесила второй пендаль, нейтрализовавший первый, и поинтересовалась:

- Мы сегодня куда-то поедем, господин, или уже пойдем обратно?

Моего верблюда признали негодным и пострадавшим в бою, поэтому выдали мне белую верблюдицу. Снова запихали на животное, дали поводья и объяснили, как управляться с этой удивленно жующей высотной вариацией ишака.

Ширин тоже выдали верблюда вместе с дядей. Девушка тяжело вздохнула и пристроила дядю поперек, у себя на коленях, так что у него свисали голова и ноги.

- Он окончательно разум не растеряет? - заботливо спросила я.

- Кто ж его знает, - пожал плечиками Ширин, потуже затягивая головную повязку и прикрывая нижнюю часть лица. - Может, наоборот, что-то найдет по дороге.

Третьего верблюда подогнали Саиду, который взял на себя заботу о Марьям.

Остальные горбатые несли поклажу. Стража расселась по коням. Агилар вскочил на своего белого скакуна, и мы двинулись в путь, окруженные большим отрядом вооруженных воинов.

Зазвенели бубенцы, украшающие уздечки, зашевелились длиннющие ноги, и мое копытно-горбатое средство рвануло вперед, мерно покачиваясь.

Через некоторое время мне стало как-то нехорошо. Еще спустя сколько-то - жарко и очень нехорошо. А еще чуть позднее - совсем нехорошо, и я поймала себя на мысли, что в кандалах и босиком я чувствовала себя гораздо лучше. Может, у меня сместились приоритеты? Или развилась патология?

Трепыхаясь в неудобном седле, я проклинала все - начиная от плотной ткани, воняющей конским волосом все сильнее, до моего необдуманного желания сменить обстановку. И что мне в гареме не сиделось? Подумаешь, какие-то мелочи в виде козней.

- Йоху! - раздалось неподалеку.

Это мужчины, свободные от обшаривания аксакалов... совсем мозги спеклись - саксаулов, устроили джигитовку. Я открыла для себя новое чувство - зависть. Вернее, оно открылось само и теперь перло наружу.

Я закинула голову, рассматривая - или скорее воображая - небо, отвлекая себя от действительности. Недавно приобретенные клыки теперь норовили высунуться в самый неподходящий момент. Представив себя с этими украшениями, пропоровшими чадру и торчащими наружу, впечатлилась и начала думать о чем-то отвлеченном.

Почему люди не летают? Расправить крылья, подняться в небо и... нагадить на голову тому ишаку, который придумал это противное средство ограждения женщин от внешнего мира. И где им находиться в таком случае? А если у меня с внутренним миром нелады? Или его вообще нет? Так и шляться бездомной?

Мою верблюдицу кто-то шлепнул по заду, придавая скорости. И мы с ней затряхали веселее. Скорость увеличилась. Злость и раздражение - тоже.

- Как ты, моя жемчужина? - подъехал ближе Агилар.

- Скоро склею створки, - мрачно буркнула я, не поворачивая головы. Если я сейчас его увижу... То тут одно из двух... Но все закончится сексом.

- Потерпи немного, злючка, - сказал Агилар и ударил коня пятками, подгоняя вперед.

Мне подумалось, что он так стремился вперед, как будто убегал от чего-то сзади. Чего-то страшного и весьма нехорошего.

Внутренности сжало ледяной рукой тревоги.

С чего бы это? Почему пара проведенных вместе ночей действует на меня как дурман, заставляя думать именно об этом мужчине, когда вокруг столько других? Что нас может

связывать?

Мысли перескочили на иное.

Кто я? Какой бы наивной и неопытной я ни была, но понимание того, что мои возможности разительно отличаются от возможностей остальных людей, не могло ускользнуть от меня. Пока мне везло. Все, что происходило до этого, либо не замечалось, либо списывалось на ситуацию. А что будет дальше?

Что будет, когда Агилар узнает о моей физической силе? Или о возможности поглощать людские чувства, закусывая несъедобными предметами? Или увидит новые украшения своей любимой наложницы?

Под ногами пылила и грохотала каменная дорога, пронеслись по обочинам кишлаки и отары овец; изредка попадались щедро орошаемые каналами-арыками поля и огороды, где без воды можно вырастить только тлен, песок и камень.

Верблюдица шлепала своими копытами так до противного бодро, а мне было так омерзительно мерзко, что на ум начали приходить мысли о незапланированном отдыхе в обмороке.

Останавливало только одно. Если хрупкая женщина сейчас спрыгнет с верблюда, отшвырнет его одним пинком, чтобы под ногами не путался, и уляжется после этого в томный обморок, то не закопают ли ее по-быстрому? Чтобы больше не видеть такого позорища. Замечу – своего.

Если Творец создал мужчину, чтобы тот заботился о женщине, то почему не выдал подробный список – как он должен это делать? Или выдал, но мужики его прочитывают, начиная с конца?

– Устала? – поравнялся со мной Агилар.

– Нет, – в который раз мотнулась из стороны в сторону. – Меня просто сейчас стошнит на этот корабль пустыни!

Мужчина хмыкнул и перетасил даму в седло, крепко прижимая меня к себе. Я немного поелозила, устраиваясь поудобнее, и притихла. Все неприятные ощущения как рукой сняло.

– Так лучше, инжи лик? – ласково спросил Агилар, потираясь подбородком о мою макушку.

– Продолжай так же заботиться обо мне, – пробормотала я сонно. – И ты попадешь в мой рай гораздо раньше, чем рассчитываешь.

После этого мы поскакали еще быстрее. Потом еще быстрее. Потом еще ускорились.

Я порывалась сказать, что в рай лучше входить, а не вползать, но мне было лень, и я уснула. В конце концов, если кто-то не думает головой, то будет отдуваться другой частью тела.

Глава 19

Если швырнуть подарок в голову, будет ли считаться, что это я его передарила?

Утром я действительно проспала и подскочила, когда в мой сон ворвался звук настойчиво трезвонящего телефона.

Я понадеялась, что босс уже свалил на работу, и подорвалась отвечать на звонок, как была, не одеваясь и не причесываясь.

- Слушаю, - схватила я телефонную трубку.

- Эля, - раздался разъяренный голос Максима Александровича. - Скажи мне, пожалуйста, сколько конфет может съесть один среднестатистический человек?

- Это вы мне позвонили, чтобы узнать то, для чего у вас сидит целый аналитический отдел? - изумилась я. - Или вам стало интересно мнение обывателя?

- Мне стало интересно, стоя в букетах по пояс, - продолжал он злиться, - не уйдет ли на больничный весь мой персонал, после того как сожрет все присланные для тебя конфеты!

- Да?!! - почесала я лоб. - А почему прислали мне, а едят они?

- Потому что! - окончательно взорвался босс. - Потому что у меня нет желания заказывать самосвал, чтобы доставить все это тебе!

- То есть я сегодня осталась без сладкого? - взгрустнула, внутренне хихикая и представляя себе эту картину.

- Это еще не все! - продолжал яриться Максим Александрович. - График моих встреч забит до отказа на месяц вперед, причем все выражают надежду, что ты будешь меня сопровождать!

- Скажите им, что я на диете! - осторожно посоветовала я, попутно расчесывая волосы растопыренными пальцами. - Ой!

- Что случилось? - всполошился босс, моментально забыв, что страшно зол.

- Ничего, - фыркнула я. - Прядь волос за бретельку зацепилась. Мало того что больно, так еще и щекотно.

Максим Александрович застонал:

- Ты добить меня хочешь!

- А вы фантазируйте в другую сторону, - порекомендовала я ему. - Вам в цветах нужно думать о возвышенном, а не о плотском.

- Изуверка! - сделал мне сомнительный комплимент работодатель. - Я всем сообщил о твоём желании сохранять фигуру, но тогда стали приносить цветы.

- У меня аллергия, - подсказала я ему. - На пыльцу.

- И это я тоже сказал, - поведали мне. - Тогда мой офис стали заваливать мягкими игрушками, косметикой и драгоценностями. Сейчас помещение похоже на магазин игрушек с уклоном в косметический бутик. Кстати, драгоценности я отправляю обратно...

- Правильно, - одобрила я. - Хиппи рулят!

- Моя секретарша, - никак не мог успокоиться Максим Александрович, - держит трубку между плечом и ухом, объясняя, что она понятия не имеет, как тебя найти. Одной рукой бедная женщина строчит записки: «Очень мило, но я не могу это принять! С уважением, Эля», другой подписывается за доставку.

- Подарите ей цветы, - посоветовала я, улыбаясь. - У вас их теперь много. И шоколад с мягкой игрушкой и косметикой.

- Да у меня уже вся женская часть персонала затарилась на несколько лет вперед! - заорал Максим Александрович. - И еще осталась куча всего!

- Начинайте задаривать мужскую, - предложила я.

В трубке воцарилось долгое молчание. Потом босс отмер и свистящим шепотом поинтересовался:

- Ты хочешь, чтобы у меня по офису разгуливали накрашенные мужики?

- Ну-у, не так кардинально, - засмеялась я. - У них же есть жены, мамы, сестры или девушки.

- А-а-а, - облегченно сказал Максим Александрович. - Об этом я как-то не подумал.

- И сдайте мягкие игрушки в ближайший детский дом, - сказала я. - Заработаете себе репутацию мецената. И конфеты туда же.

- Прекрасная идея, - одобрил босс и отключился.

Я оделась и только начала заплетать косу, как в дверь позвонили. Чертыхнулась и, думая, что Максим Александрович забыл ключи, пошла открывать.

На пороге стоял посыльный, пялившийся на меня обожающими глазами. И тут до меня дошло, что я забыла надеть очки.

- Что-то нужно? - отпрянула я от двери.

- Распишитесь! - сунул он мне квитанцию, не переставая меня обожать со страшной силой. - Вам доставка.

- Это не мне, - попыталась отвертеться я. - Это, наверное, в соседний дом!

- Нет, вам! - упрямо сказал парнишка и расписался за меня, вручив мне три корзины цветов.

- Спасибо! - буркнула я и захлопнула дверь.

Через десять минут в нее снова позвонили. Открыла я уже при полном параде, но было поздно.

На пороге стояли уже двое посыльных, один из которых приезжал ранее.

- Это не я! - сообщила я им, захлопывая дверь. Но в дверной проем успели кинуть еще три корзины с цветами и пару коробок шоколада.

Тут затрезвонил телефон.

- Слушаю, - подняла я трубку.

- Элочка! - раздался незнакомый голос.

- Это не я! - бросила я трубку.

Телефон зазвонил снова.

- Слушаю! - ответила на звонок.

- Могу я поговорить с Элей? - Еще один претендент на мое внимание.

- Она тут не живет! - отрезала я, невежливо отключаясь.

Еще один сто первый звонок.

- Это не я! - рывкнула я.

- Максик? – раздался в трубке томный грудной голос. – Кто это? Где Макс?

- Это вы у него и спросите! – осатанела я окончательно, чистя картошку и бросая очистки в суп. – Он вам все расскажет, когда прожует шоколад и нанюхается цветов!

И опять звонок в дверь...

В общем, когда Максим Александрович преодолел баррикады из посыльных с коробками, прочно поселившихся у его дома, и с боем прорвался вовнутрь (его пустили только тогда, когда он клятвенно пообещал пронести контрабандой косметику и конфеты), то его у порога встретила я, вооруженная до зубов скалкой, молоточком для отбивных и толкушкой для картофеля.

- Это что? – удивленно рассматривал босс большие черные пластиковые мешки, расставленные по всему дому.

- Здесь, – ткнула я пальцем в одну из куч, – сладости! Здесь, – показала на другую, – игрушки. Там косметика. Все рассортировано и упаковано.

- А это? – кивнул босс на четыре шевелящихся мешка, плотно замотанных скотчем. С убийственной иронией: – Домашние животные?

- Можно и так сказать... – кровожадно ответила я, тыкая ближайший скалкой.

Мешок ответил: «Ой!» – но быстро заткнулся.

- Пролезли с доставкой и не хотели уходить. Пришлось оставить как сувенир.

- И куда их? – невозмутимо любопытствовал Максим Александрович, деловито счищая с себя лепестки.

- Можно на органы сдать, – выдвинула я предложение. – Особенно во-он того крайнего. У него такие длинные руки – стоит укоротить!

- Это криминально, – сообщил мне босс.

- Зато весело, – не сдавалась я. – И надежно. А ваши предложения?

Максим Александрович решил действовать по закону и позвонил в полицию, сообщив о незаконном проникновении в жилище.

Через полчаса приехала бригада полицейских и срочно вызвала подкрепление ОМОНа, потому что подобраться к дому так и не смогла. Посыльные держали круговую оборону. ОМОН расчистил доступ к дому и пошел посмотреть, из-за кого весь сыр-бор.

Максим Александрович заставил меня снять очки и косынку, потому что парни никак не могли понять, почему ко мне так рвутся.

Теперь у нас в доме поселился весь ОМОН, и, по-моему, они пригласили сослуживцев из соседнего города. Чтобы нас охранять.

Но в этом все же присутствовало и что-то хорошее, поскольку ребята слопали все конфеты, а игрушки дарили на память особо рьяным посыльным, запихивая их в машины для транспортировки в участок. Только вот косметику было некуда пристроить. Мужики никак не соглашались раскрашивать свои серые будни в красочные тона.

- У нас есть что-то на ужин? – поинтересовался Максим Александрович, когда мы засели у меня в комнате и забаррикадировали дверь.

- Видите ли, – фыркнула я, – пока я варила суп, в него попали трюфели из той коробки, которой я стукнула наглого проныру, пролезшего через форточку. Во время тушения мяса на кухне летала пыль от теней и румян, и жаркое стало цвета радуги. Я посчитала его несъедобным. В картошке оказалась приправа из роз, гвоздик и аспарагусов. А за компот я даже не бралась.

- Понятно, – хмыкнул босс. – У нас сегодня разгрузочный день?

- Шоколадку хотите? - кивнула я на помятую коробку конфет, пострадавшую при выдворении паренька, лезшего через воздуховод.

Босс аж передернулся от неподдельного отвращения:

- Думаю, у меня теперь оскомина на сладкое.

- Это временно, - утешила его я. - Ко всему привыкаешь. Со временем.

- Теперь я понимаю, почему ты любишь хиппи, - вздохнул Максим Александрович. - Что делать будем?

- Жить дальше, - улыбнулась я. - Скоро все уйдут.

- Почему ты так думаешь? - удивился босс, приглаживая встопорщенные волосы.

- Потому что все всегда уходит, - грустно сказала я. - И это тоже жизнь.

Глава 20

Говорят: «Возьми все, что у меня есть...» И предлагают секс.

Проснулась я ближе к вечеру, на исходе дневного зноя, когда мы прибыли в предгорье, в изумрудный оазис вокруг небольшого озера. Здесь зеленели сады, алели и синели россыпью драгоценностей цветы в зелени трав и стояло несколько домиков вокруг одного дома побольше.

Как потом выяснилось – любимое место летнего и весеннего отдыха нашего господина. Стражники разбили шатры за пределами зелени и ушли, чтобы нас не беспокоить, предварительно напоив коней и верблюдов.

Ширин и Марьям заняли один домик. Саид и Кемран, так звали нашего дядю, разместились во втором. Причем уставший взрослый ребенок завалился спать, не желая расставаться с сапогами. Разлучили их (мужчину и обувь) только силами Ширин, укрепленной Саидом. И то только потому, что дядя устал отбиваться и заснул, когда ему пообещали блюдо сладостей и деревянного коня.

У меня брови полезли наверх, когда я закончила выслушивать отчет рыжей.

– Зачем ему деревянный конь? Если у него настоящий есть?

– Я тоже задала ему такой вопрос, – хмыкнула девушка. – Сказал, чтоб было. Игрушек мало не бывает.

– Да-а-а, – протянула я. – Это точно. Мужчины вырастают, – за окном нукеры брызгались водой и сражались на палках, – а игрушки остаются. Только деревянные кони становятся живыми, палки – оружием, а куклы – женщинами.

– Ты, главное, им об этом не проговорись, – заговорщицки прошептала Ширин. – А то обидятся. Для них это вопрос престижа, в который они тоже играют.

– Мужчины, – одновременно произнесли мы.

– Амариллис, – в дом вошел Агилар, – хочешь искупаться? Здесь недалеко есть горное озеро. Я всегда туда навещаюсь, когда приезжаю в эти края.

– А как же эти... – вспоминала я сложное слово. – Приличия? Потому что во всех этих тряпках в воду лезть отказываюсь. Лучше уж сразу утопиться в пиале!

– Твои приличия не пострадают, – заверил меня хозяин гарема, лукаво блестя глазами и делая жест Ширин убираться отсюда. – Я за этим сам присмотрю!

– Ты присмотришь, – согласилась я. – После тебя соблюдать уже будет нечего.

– Да? – изогнул он бровь. – Давай начнем сейчас?

– Нет! – засмеялась я, ныряя под его руку. – Сначала купаться!

По дороге к озеру нас нагнал хозяйственный Саид и вручил мне перемену легкой одежды, кусок ткани для вытирания и кувшинчик с ароматическим мылом.

– Мне идти с вами, госпожа Амариллис? – с надеждой спросил внук.

– Мы сами справимся, Саид, – ответил за меня Агилар. – Проследи за приготовлением ужина.

– Слушаюсь, господин, – низко поклонился разочарованный Саид и вернулся назад.

Еще буквально через пару шагов передо мной открылась чудесная картина – спрятанное в расщелине между двух невысоких гор маленькое озеро.

Я взвизгнула от восторга и кинулась к воде, снимая на ходу одежду.

Вода была прохладной, чистой, как слеза, и сладкой, будто сок тростника или майский

мед. После жары и пыли хотелось в ней раствориться, словно горсть соли.

Залетев в воду и немного отойдя от внезапной смены температуры, я обернулась и встретила глазами с горящим взглядом не спеша раздевающегося мужчины. Как будто хищник, выслеживающий добычу.

- Ты идешь? - подпрыгнула я, показав ему грудь, и хлопнула по воде ладошками так, что бриллиантовые капельки усеяли мою чуть смугловатую кожу.

Не отвечая, Агилар присоединился ко мне, отфыркиваясь от моих брызг и брызгая в ответ. Мы резвились, как расшалившиеся дети.

Когда я окончательно замерзла, Агилар вытащил меня на берег и показал маленькую беседку за оградой:

- Я велел ее построить в прошлом году. Около озера так хорошо спится.

Я решила проверить это утверждение и завалилась на кошмы, от усталости не чувствуя их колючести и не реагируя на обнаженного мужчину рядом. Меня перетащили на мягкие шкуры и прижали к себе.

Агилар, впрочем, тоже сильно не стремился к сексу. Конечно, какой дурак будет заниматься любовью в полуденную жару, когда для этого ЕСТЬ НОЧЬ! Ну или, на худой случай, дворец, скрывающий от палящего зноя.

Я проснулась уже почти в сумерках от прикосновения ласковых пальцев Агилара к моим волосам. Он осторожно распускал мои косички, заплетенные в спешке ясноглазой Ширин, перебирая шелк темных, с огненными проблесками длинных волос, закручивающихся упругими локонами.

Я вздрагивала от удовольствия и плавилась от прикосновений. Губы мужчины бережно пробежали по шее, спускаясь вдоль позвоночника, вызывая жгучее желание отдаться ему, обхватить конечностями и раствориться в бескрайнем наслаждении, которое он мне дарил раз за разом.

КАК? Ну КАК ему удастся одним движением пальцев, мазком губ дать мне столько, сколько не мог без него дать весь дворец, полный мужчин и женщин?

Почему он единственный понял и без возражений принял таинственную темную суть, сидящую в глубине моей души, без слова жалобы или недовольства, не задавая тысячи вопросов? И наконец, отчего мне рядом с ним хочется петь, так хочется, что трудно удержаться от простецких незатейливых мелодий песенок, подслушанных мной вечерами в гареме?

Агилар, прижимая меня к себе, тихо прошептал:

Вина и радости у Господа прошу, Любви и сладости у Господа прошу, А если к ним для нас не приготовлено спасенье, Оставлю рай другим, себе я не прошу.

И вдруг:

Мир черно-белый шахматной доской, Там свет и тьма ведут безумный бой. А мы, как пешки на прилавке жизни, Чуть поиграли нами - в ящик, на покой, -

выехал из наступающей темноты старик на маленьком лопухом ослике.

- Дервиш! - зарычал Агилар, накрывая меня собой и пряча от посторонних глаз. - Ты слишком много на себя берешь!

- Слушай то, что внутри тебя, - не обратил внимания на разъяренного мужчину старик. - Только с этим ты можешь жить!

- Это моя женщина! - рявкнул Агилар, приподнимаясь. - Она моя и моей останется!

- То, что имеем, не храним, - сказал мудрый старик и растаял. Ветер донес слова: - А потерявши - плачем.

Не знаю, что именно так подействовало на Агилара: то ли угроза другого мужчины, то ли невнятное предупреждение, но стоило старцу покинуть нас, как он накиннулся на меня, словно ястреб на ласточку...

Нет, в этот раз Агилар не рвал на мне одежду, не хватал меня, как голодный хватает хлеб. Это был хищник, но хищник полусытый, ради удовольствия играющий со своей жертвой. А значит, опасный вдвойне.

Он развернул меня к себе лицом, подул на мои прикрытые веки и отодвинулся на шаг:

- Милая...

Когда Агилар провел своей рукой по моей груди, у меня подкосились ноги. Причем он ничего особенного вроде и не делал - просто стоял напротив и пристально смотрел, пока его рука плавно двигалась по моему телу.

- Сегилим...

Энергия страстного, безумного желания фонтанировала та-ак... все вокруг пропиталось этим золотисто-алым маревом. И если раньше я от Агилара ее получала ощутимо, то теперь - безумно много, целый океан! Захлебнуться можно.

- Нафасим...

Яркое, сильное, какое-то необычное чувство в груди мужчины, стоящего напротив, разгоралось, действуя на меня почище любого афродизиака или наркотика.

- Исталган...

Я видела по зрачкам, что у него тоже кружится голова. Замечала слегка дрожащие пальцы, сжатые мучительным пароксизмом дикого желания губы, напряженные скулы... Другой бы уже со стоном вколачивался в податливое женское тело. Но не Агилар.

Этот мужчина был силен, очень силен. Единственный из всех, способный соперничать со мной. Даже умирая от скручивающего все тело сильнейшего желания, он продолжал властно играть с жертвой, не то дисциплинируя себя, не то наказывая. Действительно силен.

И уже полностью мой раб, хотя до сих пор сам себе так и не признался.

Он достал с пола запечатанный кувшинчик и плеснул в крошечную фарфоровую пиалу знакомой розовой жидкости:

- Пей!

- Нет. Мне не нужно быть одурманенной, чтобы желать тебя. И тебе не нужно.

Агилар молча перелил сладкий дурман обратно.

- Хорошо. - Улыбнулся опасной для женских сердец улыбкой. - Поиграем?

Ну что ж, играть так играть. Я облизнула язычком пересохшие губы и на полшага приблизилась к одомашненному хищнику.

Мужественность этого человека вызвала прямо-таки наркотическую зависимость. Я втайне улыбнулась: ты мой, воин, давно мой! Со всеми потрохами. До кончиков ногтей мой. И я докажу тебе это!

И опять невесомое поглаживание подушечками пальцев вдоль позвоночника с заходом на бедра. Ниже, ниже... Звучный стон, полный страдания, совмещенного с удовольствием.

Опять мои руки поднялись выше. Тело невольно подается за моими пальцами, кожа, реагируя, движется под ними, словно пугливый конь под рукой хозяина.

Дыхание Агилара звучит часто и отрывисто, он прикусывает губу, но хриплый стон все равно рвется наружу:

- Амариллис!

Вскоре мы уже не держались на ногах, но, подстрекаемые собственной гордыней, даже опустившись на колени, соревновались – кто сдастся первый.

Первым сдался – кто б сомневался! – Агилар. Не выдержал моей ласковой пытки, когда невесомые пальчики почти неощутимо ласкали его бедра, временами шаловливо забираясь еще кое-куда.

Чтобы избежать морального поражения, мужчина привлек мое лицо для поцелуя, но не выдержал и простонал в губы мое имя, каменея всем телом. Я проказливо отстранилась, и тогда в Агиларе победила властность. Он скрутил меня, бережно укладывая на спину:

- Шалунья! – И взялся за меня уже всерьез.

Я усмехалась, подставляя лицо последним лучам вечерней зари и лелея кожу светом нарождающихся далеких звезд: глупый!

Ветер смеялся над нами вместе со мной. Ему вторили озеро и сад. Перешептывались туманы. Орали сверчки и цикады. Мягко шумел камыш.

Пусть доказывает. Пока это мне в радость и на пользу, пусть доказывает, что он главный в постели, хозяин горы, самый-самый и кто-нибудь еще. Пусть.

Его глаза умоляют о любви. Его сердце говорит за него. Тело предало тебя, Агилар, разве ты не слышишь?! Оно плавится от глубинной нежности к презренной рабыне. Отдавая мне себя, ты растворяешься во мне. Я – огонь, чистейшее перворожденное пламя. Разве не говорила тебе в детстве мама не играть с огнем? Вот и доигрался. Сгорел вчистую.

Агилар не слышал моих чувств, не внимал моим мыслям. Неспособный распознать шепот звезд, понять голос ветра и разглядеть беззлобные подначки коренастых яблонь и умирающих от старости цветущих абрикосов, он, как слепой с чуткими пальцами, пытался научиться играть на мне, будто на музыкальном инструменте, чтобы создать прекрасную мелодию. МЫ пытались. Вслепую, на ощупь, интуитивно.

Мой партнер брал и давал, давал и брал, требуя все больше страсти, покорности, возвращая все больше ласки и мучительно нуждаясь в подтверждении своих чувств, смертельно боясь невзаимности, внутренне ужасаясь возможному обману; тому, что я могу любить его не из естественного чувства или потребности, а по приказу, будучи рабыней, вещью.

Он не говорил мне ничего, но эта жажда светилась в его глазах, уродовала его лицо, мучила болью сердце. Мой партнер отчаянно хотел завоевать мою любовь, но давал то, что мог и привык, то есть тело. Человек – воистину странное животное!

Я тоже давала ему свое тело, уверенно и расчетливо. Меня не царапало стремление неведомого, я не лезла ни к кому в душу – тем более к Агилару. Но его поведение было для меня внове и довольно интересно. Интересен сам способ завоевания любви. По большому счету его позицию я воспринимала благосклонно, как мне подходящую.

В конце концов, ЕДЫ И СЕКСА МНОГО НЕ БЫВАЕТ! А в моем случае это одно и то же.

Сумасшедший! Я еле вырвалась, сгорая от стыда, когда Агилар чуть было не впустил к нам в беседку служанку и евнуха с подносами еды. Не то чтобы мне было на самом деле особенно стыдно, но очень уж фонили этим самым стыдом и смущением наши прислужники. Видимо, и мне как-то передалось.

А сексуальная мощь и сила Агилара впихивалась в меня почти насильно, она просачивалась через все поры, брала приступом, как лавина, сель, камнепад. И для победы, для морального порабощения своей нынешней любовницы мой партнер согласно выработанной привычке делал все – ВСЕ! – не понимая, что это невозможно в принципе.

Невозможно привязать меня ни ласками, ни сексом, ни подарками. Даже щедрой порцией энергии похоти, хотя она у него очень вкусная. Наверное, я просто по натуре очень свободная. Или слишком независимая. Или просто... другая.

Заснули мы на рассвете, разморенные и уставшие, словно рабы на галерах, буквально изможденные обоюдным голодом. С одной стороны – сытые и довольные, с другой – до конца так и не удовлетворенные. Потому что мы оба не хотели уступать ни на шаг. Потому что сильные толчки внутри не заменяют сильных движений сердца и души, а сладкие крики оргазма – мягкой преданности и уюта настоящего женского чувства.

Возможно, мы оба вообще на них не способны, на истинные чувства. Только я это понимаю, а вот мой пламенный любовник, жаркий мужчина – нет. Смешно и грустно. Вроде бы умный и сильный, а считает всех дураками – хочет дать медный грош, а купить на него золотой...

Но об этом я подумаю потом, а пока время ласк и исступленных стонов. Время доверия, пусть и ограниченного парой-тройкой дней и территориально – домиком для отдыха и беседкой. Озером и ста локтями земли вокруг него. Все равно это что-то. Все равно это много.

Утром и днем мы купались, ели, спали, отдыхали и резвились, как дети. Играли в прятки, скакали на лошадях – Агилар взялся учить меня ездить верхом. Вечер и ночь – особенное время. Время войны и страсти. Время священного единения.

Но потом праздник пиршества тела и единения душ закончился, и нам пришлось возвращаться обратно, в этот загон для обездоленных женщин и царство мужского эго. И мы поехали обратно...

Глава 21

Хочешь ненависти? Поковыряй любовь!

- Скажи, что ты любишь меня! - потребовал Агилар наутро следующего дня после возвращения. Он зажал в своих ладонях мое лицо, требовательно заглядывая в глаза. - Скажи, что ты чувствуешь то же, что и я!

Я молчала, не отводя взгляда.

Что я могла сказать? Что такое любовь? Что подразумевают люди, говоря друг другу «люблю»? Что нужно испытывать при этом? Страсть? Да, я испытывала к нему страсть. Желание? И это тоже. Я желала этого мужчину до самых кончиков пальцев. Невозможность жить без него? Но я могу. Тогда что есть такое - эта любовь?

- Скажи мне, сегилим! - настаивал Агилар, начиная приходить в неистовство. - Неужели тебе все равно?

Я все так же молчала, не зная, что сказать в ответ. Любое слово было бы ложью.

- Значит, так? - прорычал он, хватая меня за волосы и спихивая с постели. - Пошла вон! Убирайся!

Все так же молча я встала и потянулась к кафтану под его яростным взглядом.

Агилар вскочил, отшвырнул меня к стене, разрывая тонкую ткань на лоскутки. Я снова встала на ноги.

- Танцуй! - приказал он, раздувая ноздри. - Ублажи своего господина, ничтожная рабыня.

- Ничтожную рабыню не научили танцевать, - возразила я, не опуская ресниц и не падая на колени. - Найди себе другую игрушку.

Агилар кинул на меня бешеный взгляд. Подошел, намотал на руку волосы и потащил к кровати. Там приковал за ошейник к цепи, вделанной в одну из колонн в изголовье, и как был, обнаженный, направился к двери.

- Приведите ко мне Гюзель! - приказал он страже за дверью. - Быстро!

Вернулся ко мне. Заставил встать на колени, регулируя длину цепи, и пригрозил:

- Опустись глаза - прикажу утопить в нужнике твою юродивую и продам рыжую в караван-сарай! Поняла, рабыня?

- Поняла, - шевельнула я онемевшими губами.

- Не слышу! - потрянул он меня. - Почему не говоришь «господин»?

Я сжала зубы, понимая, что не смогу выдавить из себя это слово. Не смогу признать его господином даже ради спасения своей жизни. Что-то внутри меня стояло насмерть, противясь этому. Что-то, ради чего я пожертвовала очень многим, хотя и не помню этого...

«Тук-тук-тук!» - бешено заколотилось сердце. Мне показалось, Агилар сейчас меня ударит. Ударит, чтобы причинить такую же боль, которую испытывал сам. Боль разбитого сердца. Муку израненной отказом души.

В дверь проскользнула Гюзель, которую я знала как «голубую». На этот раз девушка была разодета в изумрудно-золотое и увешана с головы до ног побрякушками.

Нежно звякнули массивные серьги, когда она упала на колени, утыкаясь лбом в пол:

- Что прикажет господин моего сердца?

Агилар сжал мой подбородок, прошипев:

- Помни! Смотреть, не отводя взгляда, рабыня! - И отпустил, отойдя к кровати.

Улегся в небрежной позе на ложе и приказал Гюзели:

- Танцуй! Покажи, как нужно ублажать своего господина!

Девушка резво вскочила и задвигалась в танце, эротично изгибаясь и подпевая себе приятным голосом. Полетели во все стороны многочисленные предметы одежды, усеивая пол и постепенно обнажая гибкое смуглое тело.

Звенели крошечные колокольцы на ногах, бубенцы на ожерельях и браслетах. Горело мое лицо от незаслуженной обиды и унижения.

Танец был красив и весьма искусен, должен был возбуждать желание. Но Агилар смотрел вовсе не на танцовщицу, он не отрывал взгляд от меня. Тяжелый давящий взгляд, не хуже каменной плиты.

Гюзель закончила танцевать. Приблизившись к ложу, она встала на колени и поползла к господину, предлагая утолить страсть своим телом и демонстрируя полную покорность. То, чего он никак не мог дожидаться от меня.

И он взял ее. Взял у меня на глазах, резко входя в податливое тело и не отрывая пристального взгляда от моего лица. Выискивая в моих глазах нечто такое, что заставило бы его остановиться.

Я молча смотрела.

Не было предварительных ласк, поцелуев, жаркого полуночного шепота, страстного единения не только тел, но и душ. Был жесткий секс, простое удовлетворение похоти. Еще - наказание непокорной рабыни, которую заставили смотреть. Но в первую очередь - мучительно-утонченное и безжалостное наказание самого себя.

Агилар еще не понимал, что сейчас карает себя гораздо больше и глубже, предавая то, что ярким цветком расцвело в его сердце. Погребая под слоем зловонной грязи все хорошее, что между нами было и чего уже никогда не будет.

Потому что он не простит, а я не забуду.

И впервые в своей сознательной жизни, по крайней мере той, что помню, я не взяла предложенный корм. Яростно оттолкнула эту липкую, багрово-серую муть, пренебрежительно отвергла. Отбросила, не желая принимать горькую милость и питаться чужой болью. Уже чужой... И моей...

Даже умирая с голоду, я в рот не возьму подобную дрянь!

Я наблюдала, как отраженная волна нечистой энергии настигла любовников и врезалась в их тела, доставая до глубины души, перемалывая светлые чувства, вытаскивая наружу все уродливое, низкое и животное. Калеча тончайшие слои ауры. Показывая внутреннюю порочную суть происходящего. Добираясь до самых закоулков. Выявляя то, что до того покоилось под спудом условностей.

Они отпрянули друг от друга, словно ошпаренные коты. Будто внезапно увидели себя моими глазами. Через призму моего жгучего отвращения и неприязни. Через то, что поднимало голову и вставало между нами. Загораживало наши души. Агилар узрел себя с противоположной стороны разрушенного моста, который развел нас по краям бездонной пропасти.

Я больше не вождела его. Не хотела ни как мужчину, ни как способ насыщения. Отвергнув энергию, сотворенную им, я выкинула его из себя, уничтожив зависимость.

Все же я была права. Люди могут делать больно, не думая о последствиях. Они разрушают целые города за один только призрак поманившей власти, в своей низости готовы убить друг друга за ломаную медную монету. Бескрылые двуногие существа легко лгут и предают.

Агилар оттолкнул девушку, загораживаясь ладонью. Потом потер лицо, как будто стирая

паутину нечистоты, налипшую сверху. Приказал наложнице:

- Уйди. Тебя одарят.

Гюзель гибкой змейкой соскользнула с постели, быстро собрала свою одежду и украшения. Накинула на себя сверху кафтан и, низко склонившись, попятилась к выходу, подарив мне на прощанье непонятный взгляд, полный странной смеси ненависти, сочувствия и понимания.

Еле слышно стукнули створки, оставляя нас вдвоем. Втроем. Третьим здесь поселилось одиночество. Оно стучалось в нас, ища лазейки, не понимая, что двери наших душ сейчас распахнуты настежь.

- Амариллис, - тихо позвал Агилар. - Ты когда-нибудь сможешь это забыть?

- Нет, - разжала я губы.

Снова воцарилось молчание.

- Что ты хочешь? - нарушил он его спустя какое-то время. - Скажи мне, чего ты хочешь? И я сделаю для тебя все.

- То, что хочу, - спокойно сказала я, без малейших усилий выдергивая цепь из стены и вставая с колен, - я сделаю сама. Я ухожу. - И направилась к выходу, не обращая внимания на свою наготу. Сейчас мои одежды заменяли горечь и одиночество. В них можно завернуться гораздо плотнее, нежели в любую ткань, созданную человеческими руками.

Я только приоткрыла свое сердце и получила столько, что не унести. Что было бы, если бы я распахнула до конца, полностью? Сломалась бы под грузом ожесточения и невыносимой горечи?

Теперь я знаю, что такое любовь! Это в первую очередь уважение. Любить можно кошку, птичку, кисть винограда, персик, одежду, стол, кровать, оружие. Уважать можно только человека. Любовь без уважения превращает партнера в домашнего любимца. В скота. Да, я была на положении рабыни, но не собиралась вставать на четвереньки и ластиться к карающей руке.

- Нет! - крикнул Агилар, срываясь с места и ловя меня около дверей в свои объятия. - Не уходи! Не оставляй меня!

Он медленно опустился передо мной на колени, прижавшись лицом к животу и крепко обнимая руками. Широкие плечи содрогались от сухих горловых спазмов.

Я стояла, вытянувшись в струну и глядя неживыми глазами на склоненную черноволосую голову. Все, что я испытывала, - отвращение. Да простит меня Творец, призывающий к милосердию. Но люди часто не слышат его зов или слышат слишком поздно.

- Я могу дать тебе многое, но ты ничего не просишь, - лихорадочно бормотал Агилар, цепляясь за меня руками. - Я готов положить к твоим ногам весь мир, но ты перешагнешь его и пойдешь дальше. Я отдал тебе свою любовь, но ты отвергла ее. Чего же ты хочешь, Амариллис?

- Уйти, - повторила я, безразлично стараясь не касаться его.

Я больше не ощущала ту связь, которая позволяла мне быть сытой. Она исчезла, ушла. А то, что я чувствовала к этому мужчине, вызывало лишь тошноту, словно протухшая пища, как заветный кусок червивого мяса.

- Нет!!! - прижал меня Агилар еще сильнее. - Нет, ты не можешь. Я не позволю тебе! Ты...

- Рабыня? - мягко спросила я, помогая закончить фразу. Грустно улыбнулась: - Я рабыня из-за ошейника, который ты на меня нацепил. Меня нашли в пустыне и насильно сделали несвободной. Но я могу разорвать эту полоску металла, уйти и не оглянуться.

А кто ты? Ты свободен, и на тебе нет рабского металла. Но можешь ли ты уйти?

- Нет, - глухо отозвался Агилар, все крепче сжимая руки.

- Потому что нельзя уйти от себя, - договорила я. Пожала плечами и на шаг отступила, размыкая тесные удушливые объятия и отстраняясь. - То, что внутри, останется с тобой и на краю света.

- Чего ты хочешь, сегилим? - поднял он осунувшееся в одночасье лицо, лихорадочно блестя глазами. - Что я должен сделать? - Придвинулся и опять стиснул в объятиях.

- Ничего, - спокойно встретила я его взгляд. - Того, что уже сделано, вполне достаточно. Ты принес мне слова, оставив себе сердце. Я отвечаю тебе тем же. Я не люблю тебя, Агилар. И оставляю свое сердце себе. Ты можешь забрать его, только вырезав из моей груди. Принести тебе кинжал?

Во взгляде Агилара отчаяние сменилось ужасом.

- Но и мертвая я буду принадлежать не тебе, а Творцу, - закончила я. - Я никогда не покорюсь тебе и не признаю хозяином. Ты можешь угрожать мне жизнями близких мне людей, но это лишь добавит ненависти и отвращения. Отпусти меня...

- Нет! - Он снова притиснул меня к себе.

- Отпусти меня, - повторила я. - И, возможно, я когда-нибудь смогу вернуться.

В глазах цвета грозового неба мелькнула надежда, и сильные руки, чуть помедлив, разжались.

- Я сказала - «возможно», - подчеркнула, не желая давать несбыточную надежду, потому что сама не ведала своей судьбы.

Я шагнула к двери. Агилар поднялся на ноги и удержал меня, накинув сверху свой плащ, скрывая мою наготу.

- Вот видишь, - искривила я губы. - Ты даже сейчас раб условностей. Мне все равно, что кто-то увидит мое тело, когда ты вывернул наизнанку мою душу. А ты за этим телом не видишь души вовсе.

- Если я попробую увидеть, - тихо сказал он, - ты вернешься?

- Возможно, - повторила я, выходя. - Иногда, стремясь вперед, стоит возвращаться назад. - И ушла на свой матрас. Потому что ни одни даже самые лучшие покои не могли мне заменить тех женщин, у которых не было выбора, но которые жили вопреки всему. А рядом с ними выживу и я...

Глава 22

Люблю гостей. На большом расстоянии.

Меня разбудили страшный грохот и громкие матюки, заглушаемые еще более громким: «Тсс! Здесь дама!»

Я подняла тяжелую голову с твердой поверхности, продрала слипшиеся глаза и обнаружила, что спала на коленях у Максима Александровича.

- Доброе утро, - сообщил он мне, довольно улыбаясь, как будто кто-то сейчас не громит его дом.

- Я бы так не сказала! - разочаровала его я, сдвигая брови и прислушиваясь к доносящемуся шуму. - Если тут что-то и доброе, то только добро, которое мы уже никогда не увидим.

- Это пустяки! - беззаботно сообщил мне босс, заграбастывая расческу и начиная распутывать мою свалывшуюся за ночь гриву.

- Не надо, - отобрала я у него щетку. - Так страшнее будет. Слышали выражение: «Баба-яга в тылу врага»? Так это про меня.

- Я вот только стесняюсь спросить, - хохотнул Максим Александрович, с неохотой отпуская мои волосы, - чей тыл ты собираешься исследовать?

- Вы ошиблись, - фыркнула я, скрываясь за дверь ванной, прихватив стопку свежей одежды. - Я это буду не исследовать!

- А что? - проникновенно поинтересовался он, подходя к двери и дергая ручку.

- Заперто, - сообщила я, приводя себя в порядок. - И занято, если вы еще не проснулись.

- Мы там вдвоем поместимся, - уверил меня почему-то слишком игривый Максим Александрович.

А я ему что, ночью сказки с байками тактильно показывала?

- Пробовать не будем! - распахнула я дверь. - Я готова встретить врага лицом к лицу и потом зайти в его тыл!

- Может, сразу в тыл? - намекнул босс на что-то.

Я честно сделала вид, что до меня не дошло. Потерялось где-то между желудком и кишечником.

- Эля, - позвал он меня. - Знаешь, почему все стараются встречаться с опасностью лицом к лицу?

- Конечно, - невозмутимо ответила я. - Потому что повернись к опасности задницей - и тебя сразу же поимеют. А так всегда есть возможность пойти медленно-медленно и поиметь все стадо.

- Грубость не твое амплуа, - сморщился босс, с интересом рассматривая, как я мечусь по комнате, подтягивая спортивные штаны.

- Я универсальна, как мой пуховик! - отбрила я, заглядывая во все углы. - Да где же она? А! Вот! - И вытащила из-за кровати бейсбольную биту.

- Что это? - воззрился на меня Максим Александрович, как будто я ему показала жизнь на Марсе.

- Мотиватор, - взвесила в руке биту. - Или демотиватор. - Снаружи раздался новый грохот. - Смотря с какой стороны использовать!

- Эля, - попытался удержать меня работодатель. - Там ОМОН, и они всю ночь пили мой

коньяк...

- Не только, - фыркнула я, пиная пустую бутылку из-под водки. - Они, похоже, нашли стратегические запасы. Вот только как?

- Это врожденное мужское качество, - обрадовал меня босс, прислушиваясь к творившемуся в доме.

- Лучше бы другие качества в себе развивали, - ядовито заметила я, следуя по коридору. - Например, поиск в себе светлого, большого и доброго...

- Слон в нас не поместится, - неудачно пошутил Максим Александрович.

Я было хотела ему посоветовать купить точилку для юмора, но тут раздался звон разбитой посуды. На моей кухне! Это моя епархия, и никому не позволено лишать меня нужного инвентаря, поэтому сейчас я другим инвентарем сделаю инвентаризацию чужого инвентаря в черепных коробках!

Вылетев разъяренной фурией на кухню, я застала дивную картину разгрома и троих амбалов, стоявших около разбитой чашки. Чашка, по правде сказать, была старая и с отбитым краем, но будем давить на антиквариат!

- Что вы тут делаете?! - ласково крикнула я, стукнув битой по столешнице для привлечения внимания, после чего разбила три грязные тарелки с объедками (меньше будет мыть) и одну пустую бутылку из-под виски (больше будет убирать). - Кто вам разрешил беспорядки хулиганить?

- Элечка! - подлизываясь, сказал один из амбалов. - Мы тут...

- Кому Элечка, - рывкнула я, набычиваясь и помахивая битой, - а кому - на «вы» и с придыханием! И я вижу, что «вы тут»! И спрашивается, кто вам позволил быть тут?! Вы гипотетически должны быть там! - показала я битой на дверь.

- А кто же вас будет охранять? - Ко мне двинулся второй громила с улыбкой душителя младенцев.

- Я! - стукнула я себя в грудь, а его по черепу. Мне стало больно, а ему щекотно.

- Поцеловать? - влез третий, застенчиво (в смысле держась за стену) двигаясь ко мне.

- Я тебя сейчас сам поцелую, - пообещал разозлившийся Максим Александрович. - По-русски, троекратно, об косяк.

- Но-но! - предостерегла его я. - Имущество портить не надо. Его уже и так всё побили! - показала я битой на осколки чашки.

- Так мы пойдем дальше вас охранять? - сообразил первый, что дело пахнет бинтами, йодом и зеленкой.

- Мы вообще-то просто кофе пришли попить, - пояснил нам второй, загораживая баррикаду из пустых бутылок.

- С ликером? - уточнила я, отодвигая его битой и изучая тару, - подсчитывала, во сколько нам обошлась охрана. - Максим Александрович, курьеры нам стоили дешевле, - сделала я безрадостный вывод. - Они хотя бы что-то приносили с собой.

- Зато мы... - икнул третий перегаром. - Эт-то... красивее...

- Что здоровее - это точно, - подтвердила я и мысленно вскипела, увидав приоткрытую дверцу разоренного холодильника. Они даже суп с шоколадом и жаркое с косметикой умяли. - Но ненадолго.

- Элечка! - позвал меня один из потенциальных смертников. - Составьте нам компанию. Хы-ы-ы!

- Это что было? - озадаченно уставилась на него я.

- Придыхание, - честно ответил он, чуть-чуть засмуцавшись. - Не похоже?
- Не очень, - призналась я, соображая, как выставить отсюда эту прожорливую ораву. Эдак никаких денег не хватит на такую охрану... Хотя, судя по блаженному виду Максима Александровича, ему все не просто до фонаря, а уже до примуса.
- Мы тут с ребятами решили, - прискакал на кухню еще один вскормленный на полицейских дрожжах здоровяк, - что надо бы в подвал наведаться... Привет, Элечка!
- Ах вы!.. Троглодиты с пистолетами! - разозлилась я окончательно, всеми фибрами души переживая за сохранность винного погреба. - А ну, марш отсюда! С вещами на выход!
- А охрана? - удивился вновь прибывший. - Там, на улице, уже пикет из курьеров.
- Кто хотел, чтобы я вышла в свет?! - повернулась я к боссу. - Получите! Весь свет пришел к нам! Чтобы мы не утруждались!
- О! - Еще одно действующее лицо добавилось. - Элёк встала!
- Ты как меня назвал?! - взъярилась я, бросаясь на защиту своего честного короткого имени в этой стране, ну и в эпохе. Да ладно - и в мире тоже, чтобы уж совсем быть правильной. Бросилась со страстью тигрицы и... поскользнулась на разлитом подсолнечном масле.
- Берегись! - заорала, пытаюсь сбалансировать и не шлепнуться.
- Держись! - начал переживать за меня Максим Александрович, бросаясь на помощь. И тоже поскользывается...
- Счас! - подключился ближайший ко мне амбал. - Поймаю.
- Фиг! - занесло меня в другую страну.
- Андрюха! - заорал третий. - Держи девушку!
- Ага! - оживился белобрысый Андрюха и попытался меня схватить, но тут в него врезался Максим Александрович, и они поехали дальше вместе, цугом. Фигурное катание на подсолнечном масле!
- Осторожно! - предупредила я, рассчитывая траекторию их движения. Бац! Они врезались в кухонные шкафы, пробили дверцы и начали экскурсию по кастрюлям под аккомпанемент падающих крышек. - Уже поздно!
- Эля! - почти поймал меня громила, но тут я все же упала и доехала до холодильника. Радовало только одно: громила тоже свалился и ехал впереди меня. Правда, на нас сверху упали яйца. Мне досталось одно, а парню два. Нет, в дополнение к своим еще два куриных. Хотя я не проверяла...
- Отпад! - счищала я с волос стекающее яйцо. - Маска для волос «Обстрел»!
- А мне нравится! - признался громила, прижимаясь ко мне поближе.
- Отойди от нее! - отреагировал Максим Александрович, снимая с головы кастрюлю.
- Тимыч! - взревел бритый. - Так нечестно! Ты вчера в карты продул свою возможность поухаживать за Элей!
- Кто-то снимет с меня это чудовище? - возмутилась я, выползая по миллиметру.
- Счас! - отреагировал Андрюха и на радостях врезался в холодильник.
- В результате его стараний шкафчик над холодильником распахнул дверцы и выплюнул в нас пакет с мукой. Пришла зима...
- Тьфу! - отплевалась я от муки, под шумок скидывая мужика. Все равно было ничего не видно.

- Андрюха! - заорал скинутый. - Ты чего свои грабки распускаешь?
- Да я ваше в другом месте! - крикнул напрасно оскорбленный Андрюха. - Тут у них изюм и орехи есть. И я их ем. - Это под дробный звук работающих челюстей.
- Булочек сегодня не будет, - горестно оповестила я Максима Александровича, разыскивая его на ощупь. - То, что они не сожрали, осело на мне.
- Я могу и так слизать, - предложил отзывчивый Тимыч, отряхиваясь и поднимая по новой мучное облако.
- Я счас кому-то паяльник дам пососать! - восстал из куча-малы мой босс.
- Грубость - не ваше амплуа, - напомнила я ему.
- Я универсален, как твой пуховик, - привел он мне мой же довод.
- А что, покушать в этом доме больше ничего нет? - жалобно спросил исхудавший на пару граммов Андрюха, доедая последнюю горсть изюма.
- И меньше - тоже! Слышь, изюмительный мужчина, - начала заводиться я с полоборота. - Мало того что вы вылакали мое белое и красное вино для маринования рыбы и мяса, так еще и покушать? Тут вам что, ресторан?
- Ну хотя бы бутерброды... - вмешался неопознанный в муке.
- Все! - Мое терпение достигло критической отметки, и у меня сорвало крышу. Начисто. Она улетела в теплые страны и не обещала вернуться - сказала, пришлет фото из отпуска.
- Я обвела безумным взглядом разрушенную кухню, дернула левой щекой и правым глазом, сжала зубы и начала очистку территории от захватчиков.
- Ровно через десять минут весь мусор стоял за дверью вместе с помятым и посыпанным мукой ОМОНОм на крыльце. В последнюю минуту я опознала Максима Александровича и втащила в дом, потому что после моей уборки мужики только дергались, почесывали разные части тела и нервно оглядывались. А маскировочная мазь из муки, битых яиц и подсолнечного масла надежно прятала их личности ото всех, включая их же самих!
- А-а-а, - заикнулся Тимыч, если судить по голосу и росту. Остальное опознанию не поддавалось.
- Нет! - не повелась я на провокацию, вручая каждому мешок с мусором.
- И-и-и, - влез в нашу беседу разговорчивый Андрюха.
- Это не ко мне, - отрезала я. - Это к маме.
- А что происходит? - вклинился один из дежуривших около дома курьеров.
- Мы тут в фехтовании упражняемся, - любезно пояснила я, глядя на беднягу голодным взглядом амазонской пирании, которая породнилась с анакондой.
- А мука зачем? - удивился парнишка, что-то почесывая под вязаной шапкой. Я затруднялась назвать это головой.
- Ты что, не знаешь правил? - возмутилась я, спихивая с крыльца всю команду. - Если начинаешь проигрывать, то возьми биты и посыпь всех мукой для опознания.
- А-а-а, - купился курьер, светлея крысиной мордочкой. - И кто победил?
- А что, не видно? - обиделась я, отвечивая солидный пинок последнему, чтобы придать ускорение первому. Курьеру: - Ты там своим скажи, что я сейчас в дом сгоняю и новый мешок муки принесу. И меда с подсолнечным маслом. И перьев. Начнем разминаться с вами, а то все застоялись.
- Мы люди подневольные, - отпрянул парнишка. - Нам сказали доставить - мы

доставляем.

- А ты своему нанимателю скажи, что работа зело вредная, - посоветовала я, счищая с футболки, покрытой разноцветными пятнами, яичную скорлупу. Футболка от этого чище не стала, зато куртка курьера стала чуть грязнее. Мелкая пакость, а как душа радуется! - И вы требуете прибавку к зарплате и образуете профсоюз...

- Хорошая идея, - обрадовался парнишка, срываясь с места.

- Ты своим скажи, что тебе в разведку больше нельзя! - крикнула я вслед. - У тебя нервная система слабая!

После этого я стояла на крыльце, облокотившись на перила, и с удовольствием наблюдала, как срываются с места и исчезают в тумане ежики, не нашедшие лошадей.

Когда вымелся последний, то во двор въехал навороченный джип, из которого вылез приснопамятный Алексей Степанович с громадным букетом.

- Здравствуйте, Эля! - крикнул он мне издалека. - Прекрасно выглядите.

- У вас близорукость? - любезно поинтересовалась я, размышляя, что если я сейчас выгляжу хорошо, то как я выглядела на приеме? И как я должна выглядеть плохо?.. Пропыхав с гектар горной породы наманикюрными руками?

- Нет! - улыбнулся пожилой симпатичный мужчина, добираясь до меня и вручая букет. - Вы в любом виде привлекательны. Просто в каждом по-разному.

- Точно, - кивнула я головой. - Сейчас - как пугало. Мило.

- Сейчас, - поцеловал мне ручку Алексей Степанович, измазавшись в муке, - как женщина, занимающая домашним хозяйством.

- Вам точно нужны очки, - фыркнула я, пребывая не в самом радужном настроении. - Или линзы. На данный момент я занималась очисткой территории от постороннего мусора и сухостоя.

- Кого именно вы подразумеваете под сухостоем? - добродушно полюбопытствовал Алексей Степанович, не сводя с меня заинтересованного взгляда.

- Всех, кто стоит и сохнет по мифической мне! - отрезала я, отбирая конечность и на всякий случай пряча за спину.

- Значит, вы не верите в любовь с первого взгляда, Эля? - поднял темные брови мужчина.

- Я даже со второго не верю, - просветила его я. - Когда-то я слышала одну теорию и взяла ее на вооружение...

- Не поделитесь? - вкрадчиво спросил собеседник, ненароком пододвигаясь ко мне поближе. - Может быть, я тоже возьму ее на вооружение.

- С удовольствием, - заверила я, упорно отодвигаясь в сторону. Крыльцо у нас большое, и танцевать друг от друга мы могли очень долго. Эдакое неудовлетворенное танго двух страждущих душ. Одна душа стремилась к сложению, другая к дробям. - Значит, так. Где-то когда-то рассматривался вопрос «что такое любовь?» с привлечением разных профессий. Начали обсуждение с того, что сделали вывод: «Любовь - это болезнь, которая требует постельного лечения».

- Справедливо, - кивнул Алексей Степанович.

- Не совсем, - хмыкнула я. - Потому что с точки зрения врача - это работа, так как затрачивается куча энергии.

- И это так, - согласился Алексей Степанович, следуя за мной по крыльцу.

Я отгородилась букетом и ласково улыбнулась его шоферу. На всякий случай. Для моральной поддержки. Да, вот такая я коварная!

- На это заявление возмущился инженер, - продолжила я, наблюдая, как шофер раздумывает, а нужна ли ему эта работа? - Заявив, что если главный агрегат стоит, то это процесс.

- Я как-то об этом не думал, - озадачился Алексей Степанович, останавливая свой гон. - Хотя имею инженерное образование.

- Повышайте квалификацию, - посоветовала я, одним глазом следя за шоферскими муками: любовь или деньги. Пока побеждало благоразумие. Жить хотелось, и, главное, жить хотелось с зарплатой. - Тут влез прокурор и заявил, что какой же это процесс, если один дает, а другой берет? Это взятка!

- А если оба дают? - озадачился Алексей Степанович.

- Это уже извращение! - отрезала я, тыкая в него букетом.

Должно же у меня быть оправдание, почему я собираюсь выкинуть эту икебану на помойку! Сейчас доведу и ее, и хозяина до состояния гербария - и всем будет приятно и понятно. Главное, чтобы вопросов не возникало.

- Не скажите, Эля, - не согласился Алексей Степанович, отводя в сторону поникшие розы. - Отдавать очень славно.

- Тогда пожертвуйте свое состояние бездомным, - предложила ему я, делая скачок назад.

- Н-у-у... - задумался собеседник. - Они его потратят, и на одного бездомного станет больше. Зачем пополнять их ряды? Так что там дальше?

- Демагогия, - фыркнула я. - Прокурору возразил адвокат, который указал, что какая же это взятка, если оба удовлетворены? Это искусство!

- Это действительно искусство, - загорелся Алексей Степанович.

- Не с точки зрения актеров, - остановила его я. - Здесь обычно нет зрителей и аплодисментов. Следовательно, это наука.

- Наука любить? - лукаво улыбнулся Алексей Степанович, загоня меня в угол.

- Можно поспорить, - хмыкнула я, выворачиваясь. - Профессор страшно обиделся на это утверждение. Ведь у него не всегда получалось то, что доступно даже самому плохому студенту. Поэтому научный муж сообщил, что любовь - это сделка.

- В какой-то мере, - согласился собеседник, зорко следя за моими маневрами.

- Не с точки зрения еврея, - поднырнула я под его руку, встав лицом к входной двери. - Он посчитал, что если вкладываешь больше, а вынимаешь меньше, то это обман!

- В вашем нежном возрасте, Эля, - упрекнул меня Алексей Степанович, - нельзя быть настолько циничной.

- То есть цинизм выдают как права? - скривилась я. - По возрасту?

- Что здесь происходит? - Дверь распахнулась, и на пороге с ухмылкой нарисовался Максим Александрович, вытирающий полотенцем мокрые после душа волосы. Он уже успел переодеться и теперь щеголял красивым торсом, проступающим из-под белой влажной футболки, и в темно-синих джинсах.

- Тут Алексей Степанович вам букетик принес... - начала было я.

- Мне поступило предложение купить твой бизнес, Максим, - жестко сказал Алексей Степанович. - Поскольку ты выбываешь из игры.

Макс резко посмурил и сразу перестал веселиться.

- Букетик... на могилу, - закончила я, потеряв весь кураж. - Заходите в дом. Будем разговаривать.

Глава 23

Хочешь изменить свою жизнь? Расскажи по секрету о чужой! Но всем.

Проснулась я в комнатухе на тонком матрасе, полная решимости изменить свою жизнь и не поддаваться невзгодам и душевным слабостям. Потянувшись, уперлась ступнями в стопку одежды. В тусклом свете масляного светильника рассмотрела золотое шитье на богатой ткани.

Чуть поодаль небрежно валялась открытая шкатулка, наполненная украшениями с драгоценными камнями, посверкивающими тонкими лучиками даже при слабом освещении. Рядом покоился поднос с благовониями и маслами. Лежали костяные гребни с искусной резьбой и жемчужные нити для волос.

Около занавески стояли три пары изящных парчовых туфелек на небольшом каблучке, богато расшитых жемчугом, камнями и золотой вышивкой.

Что еще, спрашивается, нужно женщине? Наверное, любовь, уважение и свобода.

Для меня подарок и подкуп не были равноценными понятиями.

Я пошарилась в другом углу, нашла оставленную там ранее смену одежды. Натянув на себя полинялые шаровары и залатанный кафтан, расчесала пальцами спутавшиеся за ночь волосы и небрежно заплела косу.

После чего сгребла подаренную одежду и, отдернув занавеску, вышла наружу. Чтобы тут же наткнуться на Агилара.

Он сидел, прислонясь к стене около моего проема, вытянув одну ногу и сложив руки на согнутом колене второй. Как всегда, в белом. Только лицо осунувшееся и почерневшее.

- Что ты здесь делаешь? - поинтересовалась я. Обвела пространство правой рукой: - Разве это достойное место для такого, как ты? - прижимая к себе вещи левой.

- Здесь я обманываю себя, - вымученно улыбнулся Агилар, пожирая меня глазами. - Слышу твоё дыхание и представляю, что ты рядом.

- Мило, - кивнула я, не ведаясь на жалость. - Пригласи к себе кого-нибудь. Пусть подышит. Твои игрушки умеют это делать с высоким мастерством. Закажешь по желанию.

- Ты придешь, если приглашу? - тихо спросил он, сжимая пальцы до побелевших костяшек.

- Нет, - хмыкнула я. - Но могу тут подышать. Как ты хочешь? С волнением, придыханием, страстью? - Сощурила глаза, выпуская томный вздох. - Так пойдет?

Агилар напрягся, чуть приподнимаясь и становясь похожим на готовящегося к прыжку хищника. Но и я была отнюдь не травоядной.

В это время из галереи показалась Ширин, ведя за руку юродивую. Она увидела господина и встала на колени, потянув за собой Марьям.

- Чем мы можем служить, господин? - уткнулась лбом в выщербленный пол рыжая.

- Уйди, ничтожная, - между делом бросил Агилар, не сводя с меня горящих глаз.

В моей груди поднялся гнев. Бросив на пол дорогое тряпье, я наклонилась к Агилару и прошипела:

- Ничтожная?! А кто в этом виноват? Она?

Подбежала к Ширин, вздернула ее на ноги и открыла ей лицо, не обращая внимания на испуг:

- Смотри! Ее забрали у семьи за долги три года назад твои сборщики. И засунули в эту

клетушку, потому что девушка не соответствует твоему изысканному вкусу. Три года она прозябает здесь в нищете, еще худшей, чем прежде, недоедая и надеясь, что когда-нибудь ты ее заметишь и проведешь с ней ночь. Возможно, единственную в ее жизни!

Я вперилась взглядом в хозяина гарема, дрожа от ярости:

- У нее никогда не будет ни семьи, ни детей! Ничего, ради чего стоило бы жить!

Юродивая испуганно заплакала от моего резкого тона. Я опустилась рядом с ней на колени, обнимая:

- Марьям украли кочевники, предварительно вырезав всю семью. Мужа и двоих маленьких детей. А потом насиловали всю ночь. И продали на местном рынке рабов, потому что она красива!

Я прижимала женщину к своей груди, укачивая и глядя на оцепеневшего Агилара поверх ее головы:

- Только никто не ожидал, что она из-за таких мелочей сойдет с ума. Глупая, правда?

Я вскочила на ноги и, подбежав в другой занавеске, вытащила подслушивающую Зулейку:

- Она здесь уже десять лет! С двенадцатилетнего возраста. Ее отец подарил девушку тебе, но ты даже не видел подарка! Еще три года - и она перешагнет гаремный возраст, став старухой! И лучшее, что ее ждет, - это чистка котлов на кухне!

Я оставила дрожащую девушку и выдернула следующую:

- Лейла. Она обладает редкой красотой! - Я отодвинула ветхое головное покрывало, являя миру идеальные черты лица девушки. - Но хромая! Потому что один из твоих нукеров сбил ее конем, и сломанная нога неправильно срослась! Всё! Ей навесили клеймо «кривая». Уже не годится для твоей постели!

Настала очередь еще одной:

- Фарид! Обладает изумительным голосом, наделена идеальным слухом. Сама сделала из тростника дудочку и играет нам вечерами дивные мелодии, скрашивая унылое существование. И тоже не нужна! Потому что на плече родимое пятно!

Я перевела дух и продолжила:

- Их здесь двадцать две! Двадцать две души, прозябающие на краю жизни. Ожидающие твоего появления. Если бы не я, ты бы никогда не узнал об их существовании! А сколько уже сгнуло на кухне и в прачечных? Сколько никогда не испытало мужского прикосновения? Потому что за это полагается жестокая смертная казнь! Утопление живьем! Только потому, что один раз в своей жизни они хотели испытать то, что ты испытываешь каждый день!

Я выговаривалась, не обращая внимания на тянущиеся ко мне за защитой тонкие руки девушек:

- Сколько одному мужчине нужно женщин? Сто? Двести? Тысяча? Сколько?! Ради чего, если он не успевает их даже увидеть? Ради престижа? А престиж может согреть ночами? Делать детей? С престижем можно коротать старость? Ответь мне!

Агилар молчал. Только на щеках ходили крупные желваки.

Я подалась вперед:

- Ты! Ты жалок! Ты не смог пережить одну ночь! А эти девушки живут так годами! И они, а не ты, достойны сочувствия! Их, а не тебя, я буду уважать и ценить! Потому что они учат стойкости и терпению! Они еще умеют надеяться, не поливая каждую сухую лепешку слезами. Да и лепешка им перепадает далеко не каждый день! Но они ЖИВУТ! Это не они ничтожные! Это Ты ничтожен в своей мелочности, эгоизме и уверенности, что ты пуп земли! Ты НЕ пуп! Ты!.. - Я запнулась, не в состоянии подобрать

определение. Махнула рукой: – А! Бесполезное сотрясение воздуха! Чтобы слышать, нужно иметь уши! Чтобы чувствовать – сердце! Чтобы сопереживать – душу! А у тебя комок шерсти вместо этого! По камню стукнешь, он отзовется. Только шерсть, сколько ни колоти, останется глухой!

Агилар вскочил на ноги одним прыжком, хватаясь за кинжал на поясе и яростно сверля меня глазами.

– Что? – насмешливо изогнула я бровь. – Амирфалака? Дыба? Кнут? Мешок? Смерть? Что? Ну давай, убей меня, и покончим с этим!

Вперед меня бросилась Ширин, загораживая собой и умоляя тонким, срывающимся от страха голоском:

– Не слушайте ее, господин! Она не в себе! Не ведает, что говорит! Накажите меня вместо нее! Прошу вас, господин! Моя жизнь ничтожна, заберите ее себе! Умоляю вас! – И встала на колени.

– Встань! – дернула я ее. – Умирать нужно стоя, глядя в лицо своей смерти, чтобы успеть в нее плюнуть!

– Не слушайте ее, господин! – раздался еще один голос.

Вперед, прихрамывая, вышла Лейла, с трудом вставая на колени из-за негнущейся ноги:

– Возьмите и мою жизнь вместо жизни Амариллис. Она произнесла то, что думаем мы все, но безмолвствуем, не решаясь сказать. Пусть это не будет ее последними словами, господин...

– Не дождется! – фыркнула я, смущенная таким отношением. Честно, я не ожидала такого самопожертвования.

– Я приму смерть с радостью, – договорила Лейла, опуская голову. – Примите мою жертву, господин!

– И мою! И мою! Мою тоже! – один за другим раздавались тихие голоса, и девушки опускались на колени, предлагая свои жизни в обмен на мою. Ни одна не осталась в стороне, ни одна не испугалась смерти.

Агилар осмотрел всех, поймал мой взгляд и громко крикнул:

– Стража!

В коридоре показался усатый Инсар с еще двумя нукерами. Мужчины подошли быстрым шагом и склонили головы в ожидании приказа.

– Сколько сейчас стражи во дворце? – спросил Агилар, обращаясь к Инсару.

– Полсотни будет, – прикинул усатый, косо осматривая стоящих на коленях девушек и меня рядом, как пальму. Жалко, я кокосы плодоносить не могла! А то бы обстреляла!

– Сколько среди них неженатых? – услышался неожиданный вопрос.

Инсар подумал, почесал подбородок и сказал:

– Да, почитай, половина.

– Приведи всех, кто хочет жениться, – велел Агилар. – В приданое каждой дам двадцать золотых монет, надел земли и положенный обычаем наряд невесты.

– Слушаюсь! – выпрямился Инсар. – Я бы и сам не прочь, – смущенно признался нукер. – Года три уже вдовствую. Двое деток сиротами растут. Вон ту узкоглазенькую я бы взял...

Зулейка вскинула голову и кокетливо заслонила головным покрывалом, заливаясь густым румянцем и рассматривая неожиданного жениха.

– ...Давно на нее заглядываюсь, – неохотно признался нукер. – Да ведь не мое, а значит –

нельзя зариться на запретное. Вот и держусь от греха подальше.

- Пойдешь за Инсара, девушка? - обратился Агилар к Зулейке, окончательно вогнав ту в краску. - Или остальных подождем?

- Пойду, - прошептала Зулейка, низко склоняясь и стреляя глазками в сторону крепкого стражника. - Я детей люблю.

- Тогда собери всех желающих к полудню, - велел Агилар. - И пошли за священником и судьей. Встретимся в саду Золотых Лилий.

- Да, господин, - поклонился счастливый Инсар. - Все будет исполнено согласно вашим указаниям.

Нукеры ушли. Агилар повернулся к коленапреклоненным девушкам и сказал:

- Я велю дать вам доступ в хранилище одежды. Каждая выберет свой свадебный наряд сама, украшения по моему указанию принесут. В полдень вы все должны быть в саду Золотых Лилий со всеми пожитками. Сюда вы больше не вернетесь. Разве только если не воспользуетесь дарованным единственным шансом выйти замуж. Всем все ясно?

- Да, господин! - вразной ответили ошарашенные девушки. - Благодарю вас, господин! Да будут ваши дни богатыми, а ночи сладкими!

Мужчина пристально посмотрел на меня, глухо пробормотал:

- Это вряд ли. - И ушел готовиться к церемонии.

Только он скрылся за поворотом, как девушки вскочили и начали целовать мне руки, осыпая словами благодарности.

- Да вы что? - возмутилась я, тая от телячьих нежностей и подпитывая себя очень сытной светлой энергией. - Саксаула, что ли, объелись? Что вас всех так забирает?

Если бы меня хоть кто-нибудь услышал! Нет, они обшлюнявили меня с макушки до пяток, обильно полили слезами и затискали до состояния вяленой дыни.

Все это сумасшествие прервал Саид, явившийся в сопровождении надутый, словно ишак после водопоя, госпожи Сирейлы и еще одной женщины возраста «как вам удалось столько прожить?».

- Что раскудахтались? - процедила сквозь зубы смотрительница гарема. - Собрались и быстро пошли за нами.

Девушки мгновенно разбежались по комнатушкам и зашуршали пожитками. Через некоторое время все собрались, держа в руках узелки, глядя на которые захотелось вмазать Агилару между глаз. Может быть, тогда они вылезут и увидят творимое безобразие?

Самый большой узелок был чуть меньше подноса для кофе. И принадлежал старожилке Зулейки. Поскольку она пришла сюда из отчего дома, то имела какие-то личные вещи еще с тех времен. Остальные наживали имущество уже здесь.

- Ничего хозяйского не взяли? - сдвинула густо накрашенные брови госпожа Сирейла?

- А ну, цыц! - так рявкнула я, что она присела в испуге. - Еще раз рот не по делу откроешь, будешь потом самой умной во дворце!

- Это как? - влезла любопытная Ширин.

- Мне как-то сказали: «Молчи - за умную сойдешь», - пояснила я, плотноядно разглядывая стремительно белеющую Сирейлу. - Когда я выдеру ее ядовитый язык, то молчать она будет всегда!

- А можно не дожидаться, когда она откроет рот? - поинтересовался кто-то из задних рядов. - Мы все подтвердим необходимость удаления этого зловредного органа!

- Можно, - солидно кивнула я. - Но мы не будем торопиться. Мы пойдем медленно и...

Смотрительница гарема не стала дожидаться, что будет после «и», рванув со старта со скоростью породистой кобылы. При чем старушку она тащила под мышкой, чтобы та не тормозила ее красивый забег.

- Да на тебе пахать нужно! - прокричала я вслед. - Девочки, удачи! Встретимся в саду Золотых Лилий, если меня туда пустят.

Меня еще раз все облобызали и ушли прихорашиваться.

- Саид, - обратилась я к до этого молчавшему евноху. - Ты знаешь, где находится этот сад?

- Знаю, госпожа Амариллис, - кивнул толстяк. - Но вы туда не пойдете, пока...

- Кто сказал? - нахмурилась я, подозревая громадный подвох.

И не ошиблась.

- Хозяин, - честно ответил евнох. - Господин Агилар приказал вас туда не допускать, пока вы не приведете себя в надлежащий вид.

- И какой вид считается надлежащим? - прищурила я глаза, уже понимая, что за этим последует.

Саид показал на разбросанную одежду...

Глава 24

Женщина выходит замуж без страховки. Туда можно, оттуда сложно.

В полдень я появилась в саду Золотых Лилий, закутанная с головы до ног в алые шелка, шурша всем, что шуршало, и звеня всем, что звенело. Я даже скрепя сердце позволила надеть мне головное покрывало, удерживаемое массивным золотым обручем с рубинами. И обулась, хотя и пыталась потерять обувь на каждом шагу. Но Саид зорко бдел и заставлял меня надевать эти колодки обратно.

В роскошном саду, где соседствовали деревья айвы, хурмы и тутовника; где жимолость оттеняла посадки благородного граната, а первые зеленые листики кизила, желтые цветы которого уже осыпались, противостояли белоснежным уборам яблонь и абрикосов, кучковались три группы.

Одна состояла из весело щебечущих девушек в разноцветных одеждах, искоса бросающих взгляды на стоящих поодаль мужчин. Мужчины тоже рассматривали невест, но открыто, и вполголоса обсуждали, кому какая нравится. Ровно посередке, между этими двумя группами, выделялись двое солидных мужчин в богато расшитых халатах. Эти господа тоже негромко переговаривались между собой.

Все ожидали Агилара.

Саид подвел меня к небольшой открытой беседке с разбросанными внутри подушками и низким столиком, заставленным сладостями и фруктами. Бережно усадив, евнух налил мне чая и встал у входа, грозно озирая любого, делавшего в нашу сторону хотя бы шаг.

Только я поднесла к губам чашку, как нас почтил своим вниманием Агилар в сопровождении слуг, нагруженных креслом, мешком с деньгами и мешком с бумагами. И с нашим господином пришел кузнец или кто-то вроде него, в закопченном фартуке и со страшной штуквиной в могучих обнаженных руках.

Слуги шустро поставили кресло, раскатав ковер, и натянули навес. Дополнительно они поставили перед креслом столик и разложили принадлежности для письма.

Агилар, в это время общавшийся со священником и судьей, пригласил их под навес. И церемония началась.

Сначала один из мужчин подходил к понравившейся девушке. Если она была не против, то они шли к хозяину. Скажу сразу, никто из девушек не кочевряжился, все сразу хватало что дают.

Хозяин спрашивал имена и согласие обоих. Потом священник совершал обряд. Судья шлепал печатью рядом с подписью Агилара об участке земли для постройки дома и вольной для невесты. После обряда молодожены получали бумаги и кошель с золотом. В это время Агилар искоса зыркал в мою сторону, ожидая молчаливого одобрения. Я делала вид, что пью чай и роняю туда слезы умиления.

Молодые, получив причитающееся, подходили к кузнецу, который снимал с девушки ошейник. Вот этим самым страшным инструментом.

Я когда в первый раз увидела, как этот громила подносит к шее Зулейки эту гадость, решила, что он ее сейчас обезглавит. Чуть не бросилась на помощь, роняя тапки. Хорошо кузнец успел сделать все быстрее, чем я распутала ноги и встала.

Так что, возвращаясь к свадьбам, всю церемонию можно описать так:

– Бу-бу?

Ответное:

– Бу-ба-бу? Бу-бу-бу? Бу! БУ! – Это жених.

– Бу! – тихо произносила невеста, стыдливо краснея и заворачиваясь в красивое покрывало со златотканой полосой по краю.

Опять:

- Бу-у-бу... - надолго и прочувствованно - то судья, то священник.

На третьем прогоне обряд стал вгонять в сон.

Шлеп, дзинь, зырк в мою сторону, фррр! Чай в себя (чайник оказался безразмерный, чего не скажешь о моем желудке). Хрум и чап-чап! - Молодые удалялись исполнять свой супружеский долг и пересчитывать деньги.

Если кто-то наивно надеялся сначала пересчитать, то он очень-очень ошибался. Гаремные девушки, полжизни просидевшие на сухом пайке, сейчас дорвались до законного сладкого. И было у меня такое предчувствие: пока не обглодают - не успокоятся.

Вскоре осталась одна Ширин, до этого стеснительно прятая за спинами подруг, и три нукера. Причем все трое были готовы жениться на ней немедленно. Оказалось, рыжие в здешних местах всегда в цене. Страстные очень и любвеобильные.

Угу. Всячески подтверждаю. Я видела, с какой страстью Ширин верблюду пендали отвешивала. Если это же видели нукеры, то у них явно что-то не в порядке с самооценкой. А если не видели, то мне их жалко. Обнаружить в законной супруге такие способности... Нет, ничего страшного, конечно. Правда, смотря когда и куда дают пендаль...

Так вот, Ширин внимательно осмотрела троих оставшихся претендентов и... пошлепала в мою сторону.

Все присутствующие настолько обалдели от такой выходки, что не проронили ни слова, пока девушка не добралась до меня и не спросила:

- Можно я лучше с тобой останусь? Что-то мне замуж не хочется... - при этом почему-то тревожно поглядывая на Саида.

Тот стоял с окаменевшим лицом и всем своим видом показывал, что он не при делах.

- Ты думаешь, тебе со мной будет лучше? - озадачилась я. - У меня вообще-то необъявленная война с Агиларом, которая неизвестно чем закончится.

- Почему же, - спокойно пожала хрупкими плечиками миловидная девушка. - Известно. Ты его прожужеешь и выплюнешь. А потом вы заживете долго и счастливо.

Я поморщилась:

- Ширин, ты уверена, что с пожеванным мужчиной нужно жить «долго и счастливо»?

Рыжая подумала и сообщила:

- Можно коротко и счастливо, но победа все равно будет за тобой. И я хочу на это посмотреть!

- Ширин, - попыталась уговорить я ее. - Тут такое дело... меня могут казнить.

- И что? - подняла она брови. - А муж может меня прибить. Только здесь интересно, а там - как положено. Так что?

Агилару, видимо, не понравилось наше совещательное собрание, и он решил внести себя в его состав.

- Что здесь происходит? - надменно поинтересовался он, вламываясь в беседку.

- Ширин хочет остаться со мной, - не стала я запираяться и играть в заговорщицу. - Говорит, ни один муж не может дать ей такого рая, какой она испытывает от моей персоны. - Глаза мужчины сощурились, внимательно осматривая нас. - Ты что подумал?! - возмутилась я. - Все исключительно на расстоянии и без рук! Не как у некоторых!

- Ты хочешь прислуживать Амарилис? - обратился Агилар к Ширин. Девушка кивнула. -

Хорошо, я согласен. Отныне твое место рядом с ней.

- Спасибо, господин, - поклонилась довольная Ширин, бросая взгляд на Саида, чтобы увидеть его реакцию.

Ого! Какие тут, оказывается, мотивы! Ну-ну!

Евнух сделал вид, что ему все до опакала.

Агилар пристально посмотрел на меня и спросил:

- Ты довольна? Все твои несчастные подруги хорошо пристроены и познают семейное счастье, о котором ты так пеклась.

- А ты всем сказал, что по дворцовым законам использованный товар возврату не подлежит? - обеспокоилась я, отодвигая от себя чайник. В животе и так уже скоро золотые рыбки заведутся.

- Они знают, - кивнул Агилар. - Оставайтесь здесь, мне нужно попрощаться с гостями.

Спустя какое-то время жутко довольные священник и судья ушли с радостными лицами, щупая увесистые кошельки и тихонько переговариваясь между собой. Агилар повернулся к нам и приказал Ширин и Саиду:

- Погуляйте рядом. Потом позову.

Парочка испарилась в мгновение ока.

- Амариллис, - облокотился Агилар на перила беседки, глядя на меня сверху обжигающим взглядом. - Ты прекрасна в этих шелках.

- Э-э-э... - замялась я. - Благодарю.

- Но без них ты еще прекраснее, - закончил он фразу. - Ты придешь сегодня в мои покои?

- Так это был подкуп! - сообразила я, вскакивая на ноги. - Ты все это сделал не потому, что испытал стыд за свою невнимательность, а потому, что хотел меня умаслить и затащить в свою постель?! Ты считаешь, этого достаточно?

- А разве нет? - удивился Агилар, протягивая ко мне руки. - Я выполнил твой каприз, теперь твоя очередь.

- Что-о-о?! - разозлилась я. - Каприз?! И теперь ты хочешь, чтобы я за него расплачивалась?

- А чего ты хочешь? - сдвинул брови Агилар, смурнея лицом. - Замужества?

- С тобой? - ужаснулась я, отшатываясь. - Да не приведи Творец! Если у меня будет выбор - а он будет! - я никогда не выйду за тебя замуж!

- Почему? - теперь уже разозлился Агилар. - Чем я тебя не устраиваю? Или ты хочешь быть первой женой?

- Нет! - заглянула я в глаза цвета грозового неба. - Не первой. Единственной. Я не смогу делить своего мужчину с другими женщинами. Это не для меня. А поскольку твой долг - упрочить положение семьи и жениться на дочери визиря, то и говорить не о чем.

- То есть ты мне отказываешь? - уточнил Агилар, приходя в состояние крайнего бешенства.

- Да, - кивнула я.

- Я могу взять тебя силой, - предупредил он, делая ко мне шаг.

- Точно! - ударила я себя по лбу, не двигаясь с места. - Как же я забыла, что ты тут полновластный хозяин! И, разумеется, можешь брать силой любую! Наверное,

наслаждаешься этим? Да, Агилар? Получаешь удовольствие от осознания своей силы над беспомощной женщиной?

- Мне нет нужды это делать, - надменно бросил мой собеседник. - Кроме тебя, никто не отвергал меня.

- О-о-о! - закатила я глаза. - Соболезную, великий и сиятельный. И это не дает тебе спать по ночам и грызет твою душу? Какой ужас! Так позови других наложниц и пользуйся фальшивой любовью. Или прикажи им себя отвергнуть разок-другой для разнообразия.

- Их любовь не фальшива! - взревел Агилар раненым быком, оскорбленный в лучших чувствах. - Они принимают все так, как должно!

- Угу, - немедленно согласилась я. - И любят тебя по приказу. Раз - и полюбила! Два - захотела! Три - испытала оргазм! Как удобно! Но не для меня. Я не могу по приказу, веришь ли? Не могу.

- Так научись! - приказал он мне на полном серьезе. - Это твой долг!

- Что-о? - хлопнула я ресницами. Тут до меня дошли его слова, и я засмеялась: - Ты серьезно? - хохотала я, захлебываясь злым колким смехом. Мне было больно - слишком пекло неугасимым огнем в груди. - Ты действительно уверен в возможности чувствовать по приказу? - Выплюнула: - Так прикажи себе не хотеть меня!

- Как ты смеешь?! - шагнул ко мне Агилар, хватая в объятия и прижимая. - Как ты смеешь надо мной насмеяться?! Как ты смеешь отвергать меня?

И накрыл мои губы своими, раздвигая их, проникая вовнутрь, дразня чувственным поцелуем. Требуя, уговаривая, умоляя...

- Амариллис, - оторвался он от меня, тяжело дыша. - Что же ты делаешь со мной? Зачем вырываешь мое сердце? Я не могу дышать вдали от тебя, исталган. Я умираю тысячей смертей только от одной мысли, что больше никогда не прикоснусь к тебе, нафасим. Я сидел около твоей двери, как цепной пес, только чтобы быть рядом. Как ты сделала это, сегилим?

- Ты сам это сделал с собой, - тихо сказала я, мягко высвобождаясь из его объятий. - Сам. Ты что-то убил во мне. То, что держало меня рядом с тобой. Заставляло желать твоих прикосновений. Это ушло, и мне все равно, есть ты или нет.

Агилар замер от этих слов, закрыв лицо и опустив плечи, как от непосильной ноши.

- Прости, - направилась я к выходу из беседки. - Я не умею врать и не буду заставлять себя притворяться. Ты можешь взять меня силой, но получишь ли ты то, чего ищешь, от куска мяса?

С этими словами я ушла в сопровождении Саида и Ширин на свой любимый матрас.

Сломать очень легко. Не важно, что это, - чувства, отношения, вещь. Одно слово, один поступок или одно бездействие... И все! Ничего не остается.

Можно ли вернуть все назад? Заставить простить? Не знаю. Иногда это как разбитая чашка. Сколько ты ее ни склеивай, она все равно треснет на том же месте.

Моя чашка разбилась на множество кусочков. И многих из них было просто не найти...

Глава 25

Все поступки подчинены нашему организму. Только мозг об этом ничего не знает.

- Прошу вас, - посторонился Максим Александрович, пропуская нас в дом.

Радужное настроение, обуревавшее его с утра, по всей видимости, растаяло туманной дымкой. Лицо стало хмурым, на скулах гуляли желваки. И я Макса понимала как никто.

Мы устроились в разоренной нашествием охраны гостиной, приведенной моими стараниями в приличный вид скрытой разрухи. Мебель, например, просилась на помойку. Кожаные диваны кое-где зияли прожженными сигаретой дырами и выпотрошенной обшивкой. На светлом ковре черные пятна от кофе перемежались с красными от вина и коричневыми от коньяка. Водка пятен не оставила, только радовала наши носы запахом.

- Вы тут абстракционизмом занимались? - удивился Алексей Степанович, осторожно усаживаясь в кресло.

- Не совсем, - хмыкнула я, запихивая под диван пустую бутылку. - Проверяли качество алкоголя. Говорят, качественные напитки долго сохраняют свой цвет и аромат.

- И как? - улыбнулся Алексей Степанович, выживая из-за кресла автомат. Он уставился на ствол, приподнимая бровь: - А это как понимать?

- Это Максим Александрович тестировать не пожелал, - скромно призналась я, изымая оружие. - Пришлось применить веские доводы. А результат вы можете видеть и обонять.

- Эля шутит, - поймал меня за руку босс и дернул на себя, усаживая на колени. - Мы пережили нашествие инопланетян, вооруженных букетами, конфетами и косметикой.

- Страшное, надо сказать, оружие, - сползла я с его колен и устроилась рядом.

- Это заметно, - кивнул Алексей Степанович. - По вашему дому явно видно, что кроме инопланетян вас посетили гоблины, тролли и курьеры - существа наиболее мифические, поскольку неуловимые.

- Именно по этой причине, - фыркнула я, мысленно соглашаясь с определением, - кофе я вам не предлагаю. Кухня в руинах, кофе ушел в чужие желудки, так что наше гостеприимство ограничится вопросом: кто тут такой смелый до наглости?

Алексей Степанович тонко улыбнулся и повел бровью в мою сторону, как бы намекая боссу о соблюдении конфиденциальности.

Я поняла его жест правильно. Тут же встала и сообщила:

- Пойду душ приму. А то утро выдалось жаркое и непродуктивное. Все продукты на помойку пошли.

Максим Александрович было открыл рот, чтобы то ли остановить меня, то ли отправиться вместе, но вовремя вспомнил о потере дела своей жизни и кивнул, соглашаясь.

Я отправилась к себе в комнату. Неторопливо приняла душ, высушила волосы, переделалась, давая мужчинам возможность обсудить свои дела и выстроить наполеоновские планы противодействия нападению.

- Эля! - крикнул Максим Александрович, когда я уже заплетала косу. - Я уезжаю по делам. Когда буду - не знаю. Закажи что-нибудь готовое, деньги на столе.

- Хорошо, - крикнула я в ответ, не собираясь ничего заказывать.

По крайней мере до вечера. У меня служба доставки сидела даже не в печенках, она уже всю топталась по репродуктивным органам.

День я провела с пользой для дела: чистила, мыла, скребла и материлась. Все участники

этого безобразия, скорее всего, обзавелись непрерывной икотой, а зная свои возможности – еще и зудом в мягком или каком другом важном месте.

Когда уже был глубокий вечер и я валялась на кровати в состоянии половой тряпки, строя планы кровавой мести всем, кто уничтожил мои продукты, в дверь, нагруженный пакетами из бутиков, завалился злющий Максим Александрович. Он, ни слова не говоря, метнул в меня один из пакетов.

Я поймала его на подлете и вежливо сказала:

- И вам тоже здравствуйте. Какая на этот раз гадюка в вас плюнула?

- Одевайся! – рявкнул он, сгружая на меня пакеты. – Мы едем ужинать!

- Чего это? – насторожилась я, отпихивая неожиданные подарки. – Дома нельзя перекусить?

- Нельзя! – рыкнул босс, накручивая круги по комнате. – Ты ничего не заказала, а я голоден!

- Это у вас экстрасенсорика проснулась? – удивилась я, абсолютно не собираясь вставать. – Или она уже на вас власть выпалась? Вы, покупая мне эти шмотки, уже знали, что я ничего не заказала?

- Мне охрана на воротах сказала, что к нам доставок не было, когда я позвонил, – сообщил босс, почему-то расцветая майской розой.

Типа он тут самый умный. Ну-ну, пусть порадуетя. А то как узнает, что я просто маскируюсь...

- И все равно, – упрямо гнула я свою линию. – Мне непонятно, почему я должна ехать с вами...

- Потому что из-за тебя я лишился дома, – перебили меня.

- По вашей вине, – парировала я.

Еще чего! Сейчас признаешься в малом, а завтра на тебя повесят всемирный кризис.

- Но с твоей помощью! – не сдавался Максим Александрович, изучая стену в моей комнате. – Так почему ты не заказала мне еду?

- Вы не сказали, что я должна заказать еду для вас, – возразила я, скидывая пакеты на пол. – Вы сказали «закажи», не уточняя, для кого.

- Женская логика, – фыркнул мой собеседник, не оборачиваясь.

- Хотя бы такая есть, – сообщила я его спине. – У некоторых вообще... явно заметно ее отсутствие.

- Прекрати препираться, – велел мне босс. – И быстро собирайся. Я голоден.

- Так и езжайте себе спокойно, – надулась я. – Хватит уже с меня выходов в свет и попадания в копеечку.

- Эля, – развернулся он ко мне, сверкая серыми глазами. – Не нервируй меня. Последствия тебе могут не понравиться! Я могу тебя из дома и в этом мешке из-под картошки вытащить.

- Вы ошиблись. – Я хладнокровно почесала ухо. – Это танковый чехол. Я ратую за разоружение.

- Одевайся! – Максим Александрович окончательно вышел из себя. – Быстро!

- Не могу, – пожалала я плечами. – Я вас стесняюсь. У меня остро развито чувство стыда. До такой степени, что оно часто высовывается и колет окружающих.

- Сейчас я сам тебя заколю, - на полном серьезе пообещал босс, набычиваясь.
- Если только забодаете, - невозмутимо сообщила я, открывая дверь и показывая, где выход наружу. Надеюсь, ему не понадобится путеводитель и матерный разговорник.
- Ты намекаешь, что я рогат? - сощурил он глаза цвета грозового неба.
- Вы обо мне плохо думаете, Максим Александрович, - подтолкнула я его на выход. - Я не намекаю, а говорю открытым текстом - не быкуйте, и люди станут вам ближе. Но ко мне это не относится, - пресекла на корню следующую реплику. - У меня клаустрофобия.
- Но это же?.. - нахмурился босс, потихоньку продвигаясь к проему моими слабыми усилиями. - Странно...
- А у меня странная клаустрофобия, - пояснила ему я, захлопывая за ним дверь. - Буду готова, как только буду готова.
- Пять минут! - проорал он мне вдогонку.
- Помечтайте, - посоветовала ему я, оказавшись в одиночестве. - А лучше помедитируйте. Вам как раз хватит часа, чтобы сходить в нирвану и вернуться обратно.
- Я жду! - рявкнул он, удаляясь в нирвану.

Через полчаса...

Я вылетела из своей комнаты и заметалась по дому в поисках Максима Александровича. Искомый объект обнаружился в спальне валяющимся на кровати. Поверх чистой постели. Без покрывала. В ботинках.

Мне стало гораздо более обидно, чем было до этого. Но я мужественно сдержалась и не показала степень своей досады. Просто запулила в него то, что держала в руках, и громким нежным голосом поинтересовалась:

- На какое место я должна приладить этот носовой платок?
- Мне сказали, это платье из последней коллекции, - невозмутимо ответил босс, откладывая пульт от телевизора и снимая с головы «последнюю коллекцию».
- Они соврали, - заверила я его, подпрыгивая от злости. - Или не уточнили - «последней коллекции» чего? Слюнявчиков? Носовых платков? Салфеток?
- Для салфеток очень дорого, - засомневался Максим Александрович, крутя в руках кусочек ткани и внимательно рассматривая. - Вообще-то ты права... для такой цены слишком мало ткани.
- Вот! - наставила я на него указующий перст. - И там еще не доложили инструкцию по надеванию этого на себя. Кстати, все открытые места, по их разумению, видимо, должны быть прикрыты ценником. Вы захватили с собой ценник?
- Я как-то об этом не подумал, - признался босс, спуская ноги с кровати и откладывая платье. - Просто пришел и попросил что-то, в чем можно сходить в ресторан, твоего размера.
- Понятно, - кивнула я. - И вас нагло надули. В этом даже в кровать идти нельзя!
- Почему? - вскинул он брови, слишком явно заинтересовываясь словом «кровать». Неприкрыто.
- Потому что кровать умрет от стыда! - убежденно ответила я. - Ножки подломятся, и она сложится, как раскладушка, прикрывая фасад, чтобы это безобразие не видеть. Давайте все же что-то закажем и поужинаем дома, а?
- Не получится, - с сожалением сообщил мне босс. - Я уже назначил встречу в ресторане на окраине города.

- Так езжайте туда сами, - внесла я новое предложение. - Я-то вам там зачем?

- Не хочу оставлять тебя одну дома, - признался Максим Александрович. - Моя новая охрана приступит к обязанностям только завтра утром. А после последних событий... лучше, если ты будешь рядом. Мне так спокойнее.

- Угу, - фыркнула я. - Можно уточнить, на какой период времени? Пока мы не доедем до ресторана? А потом «покой нам только снится, сквозь кровь и пыль...»?

- Наверное, - пожал плечами босс, протягивая мне эту микроскопическую тряпочку. - Но лучше так, чем думать, что с тобой тут происходит.

Я тяжело вздохнула, хмыкнула, забрала платье, сшитое по лекалу голого короля, и пошла оголять свое достоинство с достоинством. Каламбур.

- Эля! - крикнул мне вслед Максим Александрович. - Тебе помочь?

- Это чем же? - удивилась я, оборачиваясь через плечо.

- Ну-у-у, - замялся мужчина. - Веревочки там, что ли, завязать... на спине...

- Тогда уж лучше сразу затянуть на моей шее, - хмыкнула я, удаляясь. - Потуже.

Еще через полчаса...

Распределение сил: я внутри комнаты, Максим Александрович скребется под дверью. И, судя по шуму, подглядывает в замочную скважину.

- Какой извращенец решил, что эти две полосочки могут прикрыть нормальную женскую грудь? - возмущалась я, наклоняясь обуть туфли и подхватывая то, что вывалилось. Вывалилось много. Почти все.

- Можно я поправлю? - немедленно предложили мне свои услуги. - Или поддержу?

- Или оставлю меня в покое? - крикнула я. - Я уже почти готова. Только придумаю, чем приклеить грудь к платью, чтобы они нашли друг друга и слились в экстазе, - и выйду!

- Зачем? - не понял босс, дергая дверную ручку. - У кого экстаз?

- Пока у меня, - уныло сообщила я. - А как только выйду, то будет у всего человечества.

- Начни с меня, - попросил Максим Александрович, почему-то прерывистым шепотом. Уже представил, что ли?

- Вы решили стать первопроходцем? - изумилась я подобной смелости, поправляя волосы и одновременно распахивая дверь.

- А почему... - Все, мы сдулись. И, судя по его виду, уже никто никуда не идет. Просто не может. Чтобы не шокировать окружающих своим... эмм... либидо.

Сам виноват! Он купил мне платье, состоящее из двух передничков спереди и сзади в форме кленовых листиков, только почему-то жемчужного цвета с серебристым блеском. Под ними, конечно, была короткая обтягивающая юбка из непрозрачной серебряной сетки, но кто же ее видел? Вместо лифа - две продольные полоски на груди и две на спине, скрепленные серебряными цепочками. Не платье - мечта рокера-извращенца!

Все это дополнялось прозрачными чулками и замшевыми серыми туфельками с серебристыми каблуками.

Волосы я заплела в свободную французскую косу, выпустив несколько вьющихся прядей по бокам.

- Может, все же закажем домой? - отмер Максим Александрович.

- Ну уж нет! - отрезала я из вредности. - После стольких мучений при облачении в это платье я должна его столько же снимать и ждать куска пищи? Это награда за героизм?

- Я вывожу в свет бомбу с радиусом поражения «все мужики в пределах видимости», - пробормотал Максим Александрович, сдаваясь и накидывая мне на плечи длинную шубку из плетеной серебристой норки.

- Возможна погрешность, - заверила я его, щупая мех. - Могли бы так и не разоряться. Но спасибо. Очень красивая вещь.

- Не такая универсальная, как твой пуховик, - улыбнулся босс, поворачивая меня к себе и приподнимая мой подбородок. - Но весьма приличная. - Каснулся моих губ своими пальцами нежной лаской без намека на силу или угрозу и тут же отстранился. - Пойдем, ежик. Нас уже ждут...

Глава 26

Прежде чем выйти замуж, можно я выйду из себя?

Покайфовать на своем любимом матрасе у меня не получилось. Только я скинула с себя мешающиеся тряпки и обувь, как в мое личное пространство вторглась Ширин со своим матрасом и сообщила:

- Мне там страшно одной. И вообще, если я тебе прислуживаю, то должна быть рядом.

Ответить на это мне было нечего, и я потеснилась. Мы кое-как уюстились рядом и попытались уснуть, но тут пришел со своим матрасом Саид.

- Тебе-то что здесь надо на ночь глядя? - лениво спросила я, разглядывая симпатичного толстяка, заполнившего собой весь проем.

- Я теперь ваш личный евнух, - сообщил мне Саид, расстилая матрас у нас в ногах. - И должен стеречь ваш сон в отсутствие господина.

- А ты не можешь постеречь его снаружи? - недовольно спросила я, поджимая ноги. - Тут все же места для нас всех маловато.

- Нет! - отрезал евнух. - Вы должны быть у меня на виду, госпожа Амариллис! - И улегся.

В результате нам с Ширин пришлось спать сидя, поджав ноги. Но даже это не вывело меня из равновесия. А вот когда мне ночью приспичило воспользоваться ночным горшком по причине выпитого чая...

Для начала я выкопала искомое из-под матраса Ширин, потом переползла через Саида наружу. Не могла же я справлять нужду прямо при нем. Горшок же просто некуда было поставить! С его живота он просто скатывался.

Снаружи я снова напоролась на сидящего в прежней позе Агилара. И это меня не смутило. Но ведь по всей галерее стояла стража! И присесть бедной девушке было негде!

Я уж собралась все проделать под лозунгом: «Пусть лучше пострадает моя совесть, чем организм!» - но тут Агилар подал голос:

- Загородить тебя? Или проводить в сад? - Пока я стояла дура душой с ночным горшком в руках.

- Скажи-ка мне, прилипчивый мой, - прошипела я, топчась на месте. - Ты теперь постоянно будешь пол около моей двери протирать? Или у меня есть вероятность от тебя избавиться?

- Боюсь, что нет, - вздохнул Агилар, вставая на ноги. - Я понял, что не могу быть вдали от тебя. Когда я далеко - словно умираю. Страдаю и горю в неугасимом пламени. Будто душу вынули и поместили в тебя. Меня так и тянет сюда, и нет возможности изменить это.

- Правильно боишься, - кивнула я, отдергивая ближайшую занавеску. Там спала вповалку тройца стражей. - Ну-ну... - сморщилась я и пошла проверять другие места.

Спустя какое-то время я поняла: свободных апартаментов нет! И терпения у меня тоже нет!

- Подъем! - выходя из себя, рывкнула я в ближайший ко мне проем. - Конец света уже наступил!

Стража выскочила наружу, до конца не проснувшись, и теперь стояла, покачиваясь и опираясь друг на друга. Зато проснулся Саид и увидел меня всю из себя злующую и с горшком. Евнух сразу сообразил, какие потребности бьют в мой мозг, и принялся решительно действовать.

Для начала он отволоч непроснувшихся стражей к их бодрствующим товарищам и велел поддержать. Потом спровадил меня вовнутрь, задернул занавеску и встал на стреме, заботливо осведомляясь:

- Все в порядке, госпожа?

А госпожу заклинило от такого внимания, и процесс познания места нахождения души стал труднодоступен.

- Может, вам еще чем-то помочь? - кудахтал Саид под тихий смех Агилара.

В результате в них обоих полетел ночной горшок. Пустой, на их счастье. А следом вылетела взбешенная я с криком:

- Если так будет каждую ночь, то согласна переехать куда-нибудь, где есть для этого отдельное помещение! - Узрела довольного Агилара и поправилась: - Не в твою спальню!

Но он после моего заявления почему-то менее счастливым не стал. И это было крайне подозрительно!

Агилар сделал приглашающий жест и пошел вперед, указывая дорогу.

- Вы не беспокойтесь, госпожа, - трусил за мной Саид. - Я потом все ваши вещи туда перенесу. Ничего не забуду...

- Можно подумать, у меня их просто сто сундуков, - пробурчала я, терзаясь смутными подозрениями, что в который раз хитрый Агилар обвел меня вокруг пальца.

- Сюда, - распахнул он двери, украшенные искусной резьбой. - Надеюсь, тебе здесь понравится.

Я нырнула внутрь, тут же нашла нужное место, и мне все понравилось. Оптом. И когда вышла, то не разонравилось.

Две обширные комнаты, устеленные коврами так, что их, этих самых ковров, не было разве что на потолке, да и то не факт. Напольные вазы исполинских размеров. Зеленые цветущие деревца в деревянных горшках и кадках. Блестящие подсвечники и лампы, курильницы из полированной бронзы. Роскошная кровать, на которой могли бы вольготно расположиться пять наших девушек.

Ширмы, ширмы, ширмы... столики черного дерева. Скамьи с подушками и пуфиками. Этажерки, уставленные ларцами с драгоценными украшениями.

Гардеробная с трюмо из полированного серебра и объемными сундуками. Плюс отдельная мраморная купальня.

Второй отдельный выход через балкон в сад, разбитый в отдаленной части внутреннего дворика, где в тени журчащих фонтанов можно ночью любоваться на звезды.

- Но это же... - застряли у Саида слова в горле, когда он ввалился вслед за нами. - Это же...

- Что?! - сдвинула я брови. Взорвалась: - Что на этот раз? Скорпионы под подушкой? Каракурты под одеялом? Крокодил в бассейне? Джинн в лампе или узкогорлом кувшине?

- Это... - продолжал заикаться евнух.

Пришлось стукнуть его по спине. Легонько, чтобы выплюнул не легкие, а только слова.

Агилар подло ухмылялся.

- Это же покои первой жены, - наконец-то разродился Саид, падая передо мной на колени и утыкаясь лбом в пол.

Я злобно уставилась на странно спокойного Агилара и сообщила:

- Да, это гораздо хуже, чем скорпионы!

И кто-то очень самоуверенный сделал вид, что он совсем здесь ни при чем. Тогда я подошла к нему, подняла голову и уставилась в непроницаемые глаза, на дне которых тлел огонек желания:

- И что бы это значило, загадочный мой?

- По-моему, все ясно, - не теряя спокойствия, ответил Агилар. - Ты пришла в эти покои по своему желанию и вскоре займешь место моей первой жены. Это не обсуждается. Я так решил. Я так хочу. И будет так, как я сказал!

- О как! - уперла я руки в бока. - Считаешь, бросил мне подачку, и я тут же расплывусь медовой лужей под твоими ногами?

Он дернул щекой.

- Так вот! - продолжила я. - В меду легко увязнуть, самонадеянный мой! И еще...

- Ты и так уже слишком много сказала для жены, послушной воле мужа, - прорычал Агилар. - Ты должна знать свое место, женщина!

- Саид, - вполголоса позвала я евнуха. - Иди-ка прогуляйся, пока я буду искать свое место. Чтобы тебя ненароком поисками не задело!

Предусмотрительный евнух вскочил и достаточно проворно для такой комплекции вымелся за дверь. Я проводила его взглядом и снова вернулась к своему барану:

- Слушай меня внимательно! Говорю четко и по словам. Я. Никогда. Не. Буду. Твоей. Женой. Дошло?

- Будешь, - возразил он, ничуть не смущенный моим протестом. - В этом вопросе у тебя нет права голоса.

- А в каком есть? - тут же поинтересовалась я своими мифическими правами.

- Можешь сменить занавески, ковры и выбрать прислужниц, - пожал плечами Агилар. - Остальное оставь мужчинам.

- Счас оставлю, - кивнула я, тоже начиная звереть от чужой глухоты. - И сменю.

Агилар усмехнулся и сложил руки на груди. Обычно это действовало на меня, как афродизиак, но сегодня у меня была ночь покаяния, совмещенного со строгим воздержанием. Точнее, покаяние будет у Агилара, воздержание - тоже!

Я схватила одну из подушек, в изобилии валяющихся по всему помещению, и разодрала ее пополам, не прилагая особых усилий. Вокруг меня закружились пух и перья.

- Я не согнусь пред твоей волей, - сообщила я, откидывая половинки и хватая следующую подушку. - Я так решила.

Агилар внимательно наблюдал за мной, готовый в любой момент вмешаться.

- Я не буду одной из многих! - С легким «крак» подушка погибла в моих руках (на полу появился сугроб из перьев). Я потянулась за кочергой и завязала ее в узел. - Я так хочу!

Мужчина сделал ко мне шаг, я отпрыгнула к окну и сорвала занавесь.

- И будет так, как я сказала! - Мое решение подтвердил сверзившийся со страшным грохотом карниз.

- Ты просто капризничаешь, - сделал типично мужской вывод Агилар. Снисходительно пожал плечами: - Это пройдет.

- Ага, - швырнула я одно из декоративных деревьев в этажерку, расколошматив в щепки и то и другое. Следующей погибла оконная решетка - я сваяла из нее художественное гнездо для крупной птицы - журавля или аиста. - Вместе с жизнью! - Крикнула во весь голос: - Хочешь жениться на трупе? Нет? А зря... Он всегда молчит! Правда, плохо пахнет... так же, как и твои интриги. Но это же сущие мелочи, о великий стратег, верно?

Ты не согласен – заставь меня! Попробуй!

Тут через окно запрыгнул маленький длинноухий серый ослик с грустными глазами. И Веселый Дервиш, покачивающийся у него на спине, поведал нам:

Я видел мир, но пусто в памяти моей. Я слышал, как в саду поет любимой соловей. Наука без души – вода сквозь решето. Что ты ни делай, от себя не убежит никто, никто, никто.

– Здравствуйте! – обрадовалась я ему как родному. – Вы не могли бы объяснить этому тупоголовому архару мою точку зрения с мужской точки зрения, но так, чтобы она не противоречила женской точке зрения, потому что моя женская логика сдохла от тяжелого труда, так и не раскопав в этом мавзолее мужского самолюбования хоть малейший намек на проблеск понимания моей точки зрения!

– Не могу, девушка с глазами цвета амариллиса, – сокрушенно ответил старик. – Вы сами мостите свою дорогу и сами идете по ней. Сейчас вы пишете не только историю своих отношений, но историю вашего мира.

– А можно, прежде чем писать... – хмыкнула я, в расстройстве кроша пальцами бронзовый подсвечник. Рывкнула: – Вы ему все же намекнете, что, как женщину ни назови, она покладистей не будет!

Старик грустно улыбнулся и переключил внимание на замершего Агилара:

– Я предупреждал тебя, воин пустыни. Я говорил тебе – не торопись. Но ты захотел все и сразу. Нет вихря в клетке, нет любви в неволе и нет согласия без жертвы. Подумай над этим, глупец, пока не умер в мучительном одиночестве! – И растаял.

– А объяснить ему толком?! – взвыла я. – У меня уже на языке мозоль!

– Дай посмотрю, – подошел ко мне ничем не пробиваемый мужчина, притягивая к себе и укутывая теплом своего тела, своим неповторимым запахом.

Одна только беда – мое тело осталось глухо к призыву.

– Да хоть пощупай! – в сердцах сказала я. – Нет у меня к тебе никаких чувств. Все внутри словно замерзло.

– Я отопрею, – пообещал он, бережно поднимая меня на ноги и увлекая к кровати. – Просто дай мне возможность показать, как я тебя люблю.

– Покажи это или нет – все равно ничего не изменится. Ты для меня навсегда умер, воин, – вздохнула я, сдаваясь и четко понимая, что сейчас никакие слова ничем не помогут.

Он должен удостовериться сам. Сам понять, какой ущерб нанесен нашим зарождающимся, но так и не родившимся отношениям.

Но Агилар повел себя очень странно. Для начала он достал из поясных ножен кинжал и одним движением разрезал на мне всю одежду спереди. Сверху донизу. Я даже испугаться не успела, с изумлением наблюдая, как он мастерски распотрошил мои одеяния. Потом я удивилась во второй раз, когда он проделал то же самое со своей одеждой.

Ладно мое барахло – в конце концов, я не в златотканых уборах ночью спать ложилась. Но хозяин дворца, в отличие от меня, был одет вполне прилично. И весь блистал золотым шитьем, шелком и драгоценностями убора!

Но и это еще не все!

Он сдернул с меня растерзанные остатки ночных одежд, разоблачился сам и с печальной улыбкой переспросил:

– Так ты намерена навсегда отлучить меня от своей постели, сегилим? И почести первой жены второго военачальника паши тебя не интересуют?

Я с трудом оторвала свои зенки от красивого обнаженного мужчины рядом с собой и

неохотно промычала нечто утвердительное.

- Тогда наш последний раз ты никогда не забудешь! - твердо сказал Агилар.

Он хлопнул три раза в ладоши и отдал на ухо указания прибежавшему мальчику-слуге. Затем подхватил меня под коленки и понес на ложе, взяв попутно на кровать перевязь с ножами. Это меня весьма насторожило.

- Я люблю тебя, Амариллис, - нежно произнес мой партнер и резанул свой бок кинжалом, вынутым из ножен.

Хлынула кровь. Он щедро размазал багряную жидкость по нашим телам и принялся целовать мою грудь.

У меня от удивления глаза полезли на лоб, мало того, впервые вообще стало не до радостей плоти, хотя вид и запах свежей крови, прямо скажем, почему-то весьма возбуждал.

Я попробовала заглянуть в глаза Агилару, но не получилось. Его лицо с полузакрытыми веками и странным выражением, его дикое, непонятные действия привели меня в состояние, среднее между обалдением и шоком. Хотя кровь разбудила во мне нечто темное и непознанное, страшное. Я облизнула пересохшие губы и твердо спросила:

- Агилар, что ты делаешь?

- Люблю тебя, - с полуулыбкой заявил мой бывший и нынешний (на одну ночь!) любовник. Заявил спокойно и уверенно.

Я даже поперхнулась от уверенности его тона, потому что Агилар все с той же твердой непошибаемостью расписал кровавым росчерком второй свой бок, одновременно медленно входя в меня.

Не знаю почему, но моя темная часть природы взбурлила. Я начала паниковать: пришло время всерьез пугаться, причем не Агилара, нет, - себя! Добровольно пролитая кровь туманила мозг, ее сакральный смысл бил по мне почище бочонка крепкого вина или тяжелых ударов молота по голове.

Я дрожала, трепеща с головы до ног, не в силах владеть собой. Ногти на руках несколько удлинились, превращаясь в натуральные когти. Опять зачесались десны, глаза перестроились, и ночь окрасилась в тысячи ярких красок. Но самой яркой для меня была КРОВЬ! Подаренная в знак любви КРОВЬ! Ароматная. Сладкая, как мед! Каждая моя клеточка пела, напоенная бешеной энергией бесценного дара.

А мой мужчина, пятная дорогие шелковые простыни, продолжал вколачиваться в меня со странным неистовством. Не доводя себя до финала, он каждый раз отвлекался, чтобы сделать новый надрез на руках, ногах и на своем теле, отчего вскоре я уже практически плавала в его крови. Он улыбался мне, двигался и... слабел.

Когда до меня наконец окончательно дошло, что происходит, Агилар начал белеть. У меня началась форменная истерика. Страх, злость и гнев - всегда плохие спутники. А уж если они сплелись в тугой клубок и стали не разлей вода...

Я оторвала его руки от своих плеч, спихнула неудавшегося мужа с себя и в страхе заорала:

- Ненормальный, ты что творишь?! А если я джинния и выпью сейчас всю твою кровь?!

- Я люблю тебя. - Его спокойная невозмутимость сведет меня в могилу!

Я всхлипнула, трясущимися руками ощупывая его бока. А он хмыкнул:

- Если хочешь - пей, нафасим! Я весь твой.

Но раньше я туда отправлю кое-кого другого, если только он сам себя туда не загонит!

- Ты мне скажи, с чего ты решил так интересно сдохнуть? - У меня разве что искры из глаз не летели. Под веками пекло, их жгли непролитые слезы. Страх перешел в ужас, а

тот - в ярость отчаяния. - У кого-то не голова, а пустой кувшин, а вместо мозгов - коровья лепешка! - Я заорала: - Сын ишака! Дурак! Бестолочь! Совсем ополоумел!

Агилар оскалился, раздувая ноздри:

- Ты же сказала - я тебе не нужен. Эта ночь - последняя. И я проведу ее так, что потом уже ее будет не с чем сравнивать!

- ДА?!! Правда твоя, не с чем! Потому что ты загнешься, а меня казнят за твое убийство! - орала я во всю глотку, выведенная из себя.

- Не казнят, - доверительно шепнул Агилар. - Произнес чуть погромче: - Саид?..

Как глас джинна из колодца, от двери раздался мрачный голос Саида:

- Господин приказал до зари оседлать двух лучших лошадей и двух верблюдов, нагрузить припасами и ценностями, взять с собой десять стражников и проследовать с вами туда, куда вам будет угодно.

Меня заколотило:

- А ты?!

- А меня утром отнесут на носилках в дом вечности, - все с тем же дико раздражающим спокойствием заявил мой невыносимый мужчина.

- И как это понимать? - Я уже от злости пускала ноздрями пар. Только Агилару удавалось за два-три удара сердца доводить меня до подобного состояния.

- Я искупал тебя в своей крови, пока находился в тебе, сегилим. Теперь, чтобы не превратиться в дикого пса, который в жажде господской ласки готов выгрызть себе внутренности, я уйду. - Агилар потянулся перерезать себе горло. Буднично так, спокойно. Ни с того ни с сего.

Ненормальный! По их верованиям за это его ждет ад! Кто поймет этих южных горячих мужчин, у которых семь пятниц на неделе?! Только не я!

Но я и не отпущу его! Так или иначе, его убийственная настойчивость и мое упрямство не должны стоять ему жизни. И его кровь взывала ко мне, будоража мою...

Я успела просунуть руку между его горлом и кинжалом. Резкая вспышка боли, когда оружие прорезало руку почти до кости, и безмолвный ужас в глазах Агилара подтолкнули меня к интуитивным действиям.

Что-то страшное, темное и древнее как мир поднималось из глубин моей души. То, что не имело названия, но с ним я сроднилась и сжилась.

- Что ты наделала, сегилим? - прошептал Агилар, отбрасывая кинжал в сторону и хватая скользкую от его и моей крови руку. Попробовал крикнуть: - Лекаря! - но голос от слабости осекся.

- Спасая тебя! - вызверилась на него я, совершенно не собираясь ни удирать, поджав хвост, ни скорбно хоронить его, рыдая и стеляя, ни покорно идти на плаху.

У меня нет власти над смертью, но мы повязаны кровью. Причем тройной. Моей девственной, его жертвенной и моей добровольной.

Я перевернула Агилара на спину, втирая свою кровь в его раны, и одновременно прижалась к губам, даря свое дыхание вместе со старинными словами, выходящими рыком:

Трижды связанный со мной И дыханьем напоенный, Неразрывною струной ты привязанный, влюбленный, Отдаю тебе себя, твою душу забирая, Вместе, рядом, навсегда...

Яркая вспышка резанула по чувствительным глазам на последних словах, отшвыривая от лежащего мужчины. Мгновенно впиталась в нашу кожу совместная кровь, убрав раны.

Как будто ничего и не происходило. И не было здесь глупости, вызывающей невольное восхищение.

Я думала, что не умею любить, но сердце екнуло, когда открылись глаза цвета грозового неба. И желанные губы шевельнулись в слабой улыбке:

- Я люблю тебя, сегилим. И все же добился своего.

- Мужчина! - фыркнула я, сворачиваясь у него под боком. - Всегда им нужно последнее слово оставить за собой, даже если оно прозвучит в посмертии!

Глава 27

Новая игра: «Поймай киллера». Участникам скидка в одну пулю.

И нас действительно ждали... Только совсем не те, кому была назначена встреча.

За одним из темных поворотов на пустынной загородной дороге нас нагнал черный джип с заляпанными грязью номерами и пристроился почти вплотную к заднему бамперу машины.

- По-моему, это уже целование в задницу, - сделала я вывод, внимательно следя за маневрами неизвестной машины. - Вас кто-то так сильно любит?

- Может быть, просто случайность? - неуверенно предположил Максим Александрович, нажимая на педаль газа. - Мало ли... вдруг просто заблудились.

Ну да!

Раздались хлопки. Нас осыпало разлетевшимся вдребезги задним стеклом.

- И поэтому они в нас стреляют? - заорала я, сползая с сиденья на пол. - Дорогу спросить очень хотят?

Босс витиевато выругался и прибавил скорости, пытаясь оторваться. Но заблудившиеся во мраке души не сдавались и тоже упорно давили на газ.

- Давайте я позвоню в полицию? - предложила я, стуча зубами на кочках, потому что кто-то слишком умный за рулем решил съехать с основной дороги на проселочную.

- К тому времени, как они приедут, - прошипел Максим Александрович, виляя машиной из стороны в сторону, - от нас хорошо если трупы останутся.

- Зато им не нужно будет нас искать и объявлять без вести пропавшими, - оптимистично сказала я, залезая ему в карман полупальто и вытаскивая телефон.

Потыкав дрожащими пальцами на кнопки, я все же дозвонилась в полицию и сообщила:

- Здравствуйте, мне неудобно беспокоить вас так поздно, но в нас тут стреляют. Ой! - Над моей головой просвистела пуля и выбила лобовое стекло. - Что? Где? Где-то на дороге...

- Скажи - загородное шоссе, примерно сто пятый километр, - крикнул босс, припадая на руль и пытаясь маневрировать в темноте.

- Это... - начала говорить я. - А, вы слышали. Не могли бы мы остановиться и точно определить, где мы? Думаю, это невозможно. Если мы остановимся, то определять уже будет некому.

Дежурный что-то прохрипел в трубку и отключился. Я растерянно посмотрела на телефон и сказала:

- Мне сообщили, что наряд не может гоняться за нами по всей области.

- Понятно, - проскрежетал зубами Максим Александрович, ожесточенно крутя руль. - Спасаемся сами.

Мы немного оторвались, но наши преследователи начали стрелять по колесам. Бабах! Взорвалось правое заднее колесо. Машину занесло и потащило юзом.

- Эля! - успел крикнуть Максим Александрович, перед тем как мы врезались в ствол дерева.

Я сжала в кулаки руки, пряча удлинившиеся и заострившиеся ногти, выпустила ноздрями струйки воздуха с примесью дурманящих феромонов и выскочила из машины, легко высадив дверь.

Судя по заковыристым матерным выражениям, причем исключительно в наш адрес, преследователи остановились где-то неподалеку и собирались нас добить. Что ж... сейчас они узнают, что такое барабанные палочки вместо клизмы.

Я вытащила Максима с водительского сиденья, наскоро просканировала его повреждения. Ничего опасного для жизни... но все же лучше бы в больницу.

- Прости, - прохрипел босс. - Что... втянул тебя... в это... ты... должна... знать...

- Я знаю, - прошептала я, прикусывая палец выдвинувшимися клыками и выдавливая пару капель ему в рот. - А сейчас спи. Тебе нужно отдохнуть.

- Эля... - Глаза цвета грозового неба закрылись. Дрогнули темные пушистые ресницы.

Его организм сейчас начнет бороться с повреждениями, излечивая себя сам. А я начну бороться с вредителями, ради которых мне пришлось жертвовать своей кровью! Свою кровь я очень ценю. И в гневе я страшна!

Запихнув Максима под машину и быстро осмотрев автосредство на предмет возгорания, я уселась в позу лотоса и приступила к медитации, поджидая своих жертв. Не то чтобы я была голодна, но плотно покушать не мешает никому.

- Гля, Колян, - раздался грубый голос. - Баба-то спятила! Ноги бантиком скрючила - и нас ждет, как подарок.

- Не тронь, - предупредил невидимый пока Колян. - Нам велено скорей все сделать и убраться отсюда. Некогда твой половой инстинкт чесать!

- Да уж больно баба хороша, - вынырнул со стороны еще один. - Я б ей тоже подол на голову задрал.

Я сладко улыбнулась, опуская руки и разглядывая приближающихся к нам четверых мужчин. Чутье говорило мне, что больше никого в округе нет. Значит, пострадают только они. А моя кровь не позволит причинить вред Максиму.

- Она еще и лыбится, Крюк, - возмутился Колян, поднимая пистолет с глушителем. - Никак спятила.

- Кончай ее, - приказал русоволосый Крюк с цепким взглядом убийцы. - Я пока до мужика доберусь.

- Не торопись, красавчик, - ухмыльнулась я, пряча клыки. - Сначала закончим со мной, а уж потом...

Раздались три выстрела.

- Мужики! - возмутилась я до глубины оскорбленной души. - Мне это платье не нравилось с самого начала, но все же новая была вещь. Можно сказать, эксклюзивная.

- Ты куда, болван, стрелял?! - заорал коротко стриженный брюнет.

- Сюда, - показала я себе между бровей. - А Колян сюда. - Мой палец указал на грудь. - А этот симпатяжка со шрамом через всю мужественную морду - сюда, - показала я на свой висок.

- Тогда... как? - обалдели нападающие, в панике переглядываясь. - Где пули?

- Вы, мужики, сдурели?! - жестоко обиделась я, свирепея. - Фильмов американских пересмотрели? Я вам что, чувак из «Маски», чтоб пули отрыгивать? - Злобно рыкнула, закатывая рукава шубы: - У меня в организм что попало, то там и сгнуло.

- Ты... это... - заволновались убийцы. - Не шали! Если все попало куда надо, то давай уже... белые тапочки надевай.

- Извините, - скуксилась я. - Полный гардероб с собой в машине не вожу, так что с тапочками дефицит. Своими не поделитесь?

- Да что с ней говорить! - заорал Крюк, нажимая спусковой крючок несколько раз и выпуская в меня всю обойму.

- Ка-акой ты романти-и-ичный, - восхитилась я. - Такое сердечко на мне нарисовал! Пряма валентинка... в натуре.

- Братва, что-то здесь не так, - недоуменно почесал в затылке рыжеватый киллер без имени. - Это дурь какая-то... мистификация. Патроны, наверное, ненастоящие.

- Ой! - еще больше пришла я в восторг. - Какие вы умные слова знаете! Приятно будет съест такого образованного человека!

- Да какая, так его и разэтак, мистификация! - заорал Колян. - У нее небось бронезилет под платьем!

- На башке у нее тоже бронезилет? - заорал оскорбленный в лучших чувствах Крюк.

- Вы мне надоели! - сообщила им я, раскрывая крылья и выпуская истинную суть на свободу. - Тем более что у меня Максим может замерзнуть!

- Летучая мышь! - сиганул в сторону Крюк.

Вот дурак! Кретин необразованный.

Я повернула голову и уставилась на него, мысленно приказывая подойти. Мужчина превратился в марионетку и приблизился, безвольно передвигая ногами. Только в карих глазах застыли ужас и запоздалое понимание своей страшной участи.

- Нет, мой сладкий, - улыбнулась я, демонстрируя клыки. - Своей участи ты как раз и не ведаешь. Больше ты не будешь поганить этот мир.

- Йе... - начал заикаться Колян, пятась от нас.

- Ты меня еще йети назови, - смертельно оскорбилась я за свою расу. - Только вот скажи - и я тебя сама уйету! И бразильский вакс сделаю абсолютно бесплатно и по всему телу. Будешь первым в этом мире мертвым лысым йети!

Мои ноздри уловили сладкий аромат страха. Я ощутила бьющуюся в груди, пульсирующую кровью жизнь.

Разом пропало желание играть. Я поманила смертников когтистой рукой. И они пришли. Сами, по своему желанию. И сами отдали мне свои жизни, встав на колени около моих ног. Ибо никто во всех подлунных мирах не мог противостоять моему зову высшего демона-суккуба, как нас тут именуют.

Я посмотрела на четыре безжизненных тела, громко вздохнула, чувствуя насыщение. Потом раскинула крылья и взмыла в небо, пользуясь возможностью обрести свободу в настоящем облике.

Конечно, обязательно найдется кто-то, кто заснимет на телефон или наступит в газету. И снова напишут о паранормальной активности в этом районе, НЛО и пришельцах. Или о вернувшемся Бэтмене. Только правды не напишет никто.

Я подставила лицо холодным струям ветра, кувыркаясь в воздухе. Скоро уже год, как я смогла в последний раз расправить крылья. И подступил срок, когда моя сущность должна вырваться наружу, нарушая оковы контроля. Что ж, совпало удачно.

Слава Творцу, сейчас все произошло вовремя. Я смогла взять своих жертв и обрести свободу хотя бы на один час. Вот только... Мне снова придется бежать. Вряд ли все пройдет мимо его всевидящего ока, да будет проклято его имя в веках!

Я вернулась к месту аварии, покружила над лесом, высматривая дорогу, и спустилась к машине.

Приземлившись, еще раз, последний, взмахнула крыльями и трансформировалась в Элю, оставшись босиком и в рваном платье, измазанном кровью Максима.

Выудила из-под машины спящего крепким сном мужчину и отволокла в джип неудачливых киллеров, предварительно покопавшись в багажнике автомобиля босса. Там нашлась старая простыня в масляных пятнах. Все лучше, чем сверкать всеми своими прелестями. Лучше уж сверкать машинным маслом.

Погрузив Максима в джип, я села за руль. Дорога домой заняла не так много времени.

На посту охраны меня остановили.

- Предъявите документы! - сказал накачанный Игнат, делая знак опустить стекло. - К кому следуете?

- Домой, - улыбнулась я, стараясь не встречаться с охранником глазами и не разрушать его жизнь. Кивнула на заднее сиденье: - Босса домой везу. Загулял немного.

- Привет, Эля, - приветливо улыбнулся Игнат. - Проезжай.

- Спасибо, - поблагодарила я, нажав на газ.

Уже загнав машину в гараж, я долго смотрела на спящего Максима, отчетливо понимая, что отрезала себе возможность хоть когда-нибудь заняться с ним сексом. Ибо моя кровь и секс давали мне возможность привязывать к себе навсегда. А в этом мире и так уже бродят две души, намертво прикованные к моей. И одну из них я люблю всем сердцем, а другую - ненавижу и презираю. Третьей мне не нужно.

- Просыпайтесь, Максим Александрович, - коснулась я его губ своими. - Мы уже дома.

Глаза цвета грозового неба распахнулись, унося меня далеко-далеко, потому что в них была любовь...

Глава 28

Почему мы делим мам на свекровей и тещ? Так легче классифицировать врагов.

Проснувшись я от поцелуев, которыми покрывал мою спину Агилар. Вальяжно потянувшись, я мурлыкнула на ласку, но отстранилась и твердо спросила (хотя если кто-то что-то пробовал спрашивать голышом, тот меня поймет и оценит приложенные для этого усилия):

- Скажи-ка мне, о торопыга к Творцу, зачем ты вчера устроил мне кровавую баню?

- А? - оторвался Агилар от изучения округлости моей груди. И прикинулся глухим: - Что я сделал?

Я честно попыталась натянуть простыню, но она зацепилась за... нет! - это не то, о чем кто-то подумал! - за прикроватный столбик. Хмуро сдвинув брови, я спросила еще раз:

- Я хочу знать, какого рожна ты вчера творил?

- Мм, - сообщил мне почему-то весьма довольный Агилар, удерживаемый мной на расстоянии вытянутой руки. - Какой прекрасный ви-и-ид!

Пришлось уронить, чтобы не радовался. Жалко только, что не подумала и уронила на себя. Это я явно погорячилась. Потому что тут уже зацепились за меня. Нет! Не столбиком.

- Я все же хочу знать, - заикнулась я спустя долгое время. Мы запыхались, устали и лежали разморенные и вспотевшие. А раньше разговаривать было нечем и лень. И вообще не до душевспасительных разговоров как-то было. - Что тобой вчера двигало?

- Не отстанешь? - уныло поинтересовался Агилар, откидываясь на спину и закладывая руки за голову.

Со своими полуприкрытыми глазами он выглядел бронзовым божком, одним из мелких помощников Творца.

- Нет, - подтвердила я, усаживаясь на нем. И к допытываемому телу ближе, и вид, опять же, прекрасный.

- Ты вчера отказалась от меня наотрез, - начал каяться Агилар, рассматривая материю над нами. - Даже со всем тем, что я могу тебе предложить: роскошь, почет, уважение, положение, детей...

- Про детей ты ничего не говорил, - наморщила я лоб, пытаюсь вспомнить вчерашнюю перепалку.

Нет! Точно не говорил. Такое я бы запомнила.

- Это подразумевалось, - фыркнул он. - Как ты думаешь, для чего замуж выходят?

- Откуда я знаю?! - пожала я плечами. - Я еще ни разу не выходила. Опыта никакого. Так зачем замуж выходят?

- Чтобы иметь детей, - терпеливо пояснил мне Агилар, подбираясь руками к моим бедрам.

По рукам я сразу же надавала во избежание прерывания допроса.

- То есть без замужества я детей иметь не могу? - сделала я логичный вывод. - Тогда не хочу замуж. Какая из меня мама? Посмотри на меня. Я сама себя понять не могу, где уж мне понять ребенка.

- Замуж ты все равно выйдешь, - утешил меня добрый мужчина. - Потому что даже тогда я буду сомневаться, что ты рядом.

- Ты серьезно думаешь, что пара хлопков в ладоши, песенка и шлепок печатью меня

удержат? – поразила я его наивности. – Слушай, оказывается, большой размер головы не гарантирует большой разум. Какая жалость! А я уж было подумала...

– Амариллис, – нахмурился Агилар. – Имей хоть какое-то почтение к своему будущему мужу!

– Когда станешь мужем, тогда и буду иметь, – клятвенно пообещала я. – А пока я все же хочу узнать: за каким шайтаном ты тыкал в себя кинжалом? Если у тебя там сильно чесалось, мог бы меня попросить, а не использовать подручные средства.

Тут я мгновенно оказалась под ним. На меня уставились тоскливые глаза цвета грозового неба.

– Не могу я без тебя, надоеда! Ты это хотела услышать?

– Не совсем, – дипломатично сказала я, отодвигаясь от отвлекающего фактора.

– Ты ушла, и я умер, – мрачно признался Агилар. – Душой умер. Смотрел на дневное небо и видел ночь. Ну и все в таком духе. Ты мою душу на свой кулачок намотала и за собой тянешь. Если не с тобой, то лучше уж сразу в могилу, чем жалко пресмыкаться в поисках крох внимания.

– Ты?! – нешуточно поразила я, выползая из-под него. – С твоим самомнением? Оно ж впереди тебя боевой колесницей катится и все сметает на своем пути. «Я сказал!» – передразнила. – А я ответила!

– Я помню, – усмехнулся Агилар. – А еще я помню, что ты не дала мне все довести до...

– Агилар! – В комнату ворвалась дюжина закутанных в разноцветные покрывала женщин во главе со статной, красивой женщиной в богато расшитых жемчугом одеждах. Прозвучал мелодичный голос: – Сын мой! Что я слышала?

– Мама, – недовольно поморщился мужчина, отбирая у меня простыню и заматываясь.

Ну конечно! Он вроде как стыдливый, а я могу при его маме всеми частями тела светить. Оцените, дорогая свекровь, какое сокровище вашему сыну досталось! Интересно, ее яд как кислота не работает?

– Сын! – Женщина прикрыла густо подведенные глаза тонкой ладонью, унизанной перстнями. – Мне сказали, что ты отдал покои первой жены ничтожной рабыне. Это правда?

Я демонстративно встала с кровати под пристальным голодным взглядом Агилара, придерживающего простыню на причинном месте, чтобы не устроить тут походный шатер, натянула на себя первую попавшуюся под руку рубашку. Правда, немного порезанную, но тем не менее кое-что прикрывшую. После чего твердым шагом подошла к одному из стоящих поодаль декоративных деревьев, сорвала лимон и запихала его целиком в рот, чтобы ненароком не сообщить маме то, что ей явно не понравится.

– Мама, – скривился Агилар, поворачиваясь к родительнице. – Это не ваше дело. Я буду сам решать в своем доме, кому и что отдавать!

Я быстро прожевала лимон и сорвала второй. Судя по выражению лица мамочки, сейчас будет битва титанов. Сейчас она ему покажет, где у него дом!

И точно!

– Я положила столько сил на устройство твоего брака с госпожой Сагданой! – всплеснула она руками, зазвенев браслетами. – Ты не можешь все испортить только потому, что думаешь другим местом вместо головы!

Второй лимон канул в мой желудок, как в пропасть. Я схватилась за третий. На кончике языка так и вертелись слова поддержки мамы. Только, боюсь, такая помощь ей бы не понравилась.

– Чем я думаю, – невозмутимо ответил Агилар, хлопая в ладоши, – это мое дело. Через

семь дней Амариллис станет моей женой.

Тут мы с мамой на него та-а-а-ак вытаращились! Ну я-то лимоном поперхнулась. А она, интересно, чем?

На звук хлопка пришел Саид и принес стопку одежды для господина. А еще этот предатель держал простыню, пока один ренегат одевался и прихорашивался.

Я давилась лимонной цедрой и размышляла о бренности мира, пока мамочка метала в сына грома и молнии. Но сынуля оказался непробиваемый и стоял на своем. То есть на мне... моей кандидатуре. Женюсь, говорит, и точка!

Госпожа Зарема окинула меня таким доброжелательным взглядом, что, если бы не витамины из обильно поглощаемых цитрусовых, я бы точно сломалась. А так ничего, проглотила остаток седьмого лимона и улыбнулась в ответ нежной улыбкой младенца.

- Хотите?.. - предложила я маме слегка обципанное деревце с одним оставшимся лимончиком.

Можно сказать, от сердца оторвала, из пищевода вынула, желудок свой обделила! И что?

- Фу! - поморщилась мамочка. - И вот на этом ты хочешь жениться?

- Было бы предложено, - жизнерадостно сказала я, дожевывая последний фрукт и приглядываясь к декоративному карликовому гранату.

- Мама! - предостерегающе сказал Агилар, выходя из-за простыни полностью одетым и делая жест Саиду позаботиться обо мне. - Мало того что ты врываешься ко мне, когда я не одет, так еще и оскорбляешь мою будущую жену! Ты так хочешь со мной поссориться?

- А вот твои сестры, - начала промокать сухие глаза головным покрывалом мамочка, - никогда так со мной не разговаривали!

У меня прямо печень заволновалась от такого лицедейства. Я поймала ближайшую тетку, сунула ей заначку из половины лимона и прошипела:

- Отдай маме, пусть заплачет по-настоящему!

- Мои сестры, - скривился Агилар, - вообще с тобой не разговаривали! Как только они вырастали настолько, чтобы иметь свое мнение, ты выпихивала их замуж! Продала молоденьких девочек подороже выгодным людям.

- Это удел женщины! - Мама сразу забыла, что нужно рыдать.

- И я о том же, - пожал широкими плечами мужчина, выдирая у меня из рук гранатовое деревце. - Сегилим, прекрати нервничать!

- Я не нервничаю, - возразила я, пряча руки за спину, чтобы еще что-нибудь не подержать.

- Я вижу, - кивнул он на ободранное деревце. - Я еще понимаю - съесть гранат с кожурой, но зачем ствол с ветками глотать и листья жевать?

- Для пользы десен? - прикинулась я дурочкой, незаметно пихая за подставку труху от коры. - У меня молодое, растущее тело, его надо кормить...

- У меня для тебя сюрприз, - улыбнулся Агилар, игнорируя маму и обвивая меня руками. Шепнул с будоражащей интонацией: - Можешь слопать хоть весь сад.

- Сын мой! - возопила Зарема, вклиниваясь между нами и буравя меня взглядом, полным ненависти. Чем я ей так насолила? Мы же вроде не встречались? Или встречались?.. - Как ты можешь так наплевательски относиться к своему положению?!!

- Потому что кроме положения, - терпеливо объяснил родительнице великовозрастный сынуля, - есть еще что-то или кто-то...

- Это безответственно по отношению к семье! - выпалила женщина, вырывая меня из объятий сына. - Посмотри, на кого ты нас меняешь?!!

- Мне нравится, - спокойно ответил Агилар, обходя маму и отбирая меня у нее.

Одно не учел. Зарема не пожелала расстаться со мной так быстро. И они меня чуть не порвали.

- Семья! - твердо сказала я, выдергивая руки, когда мне окончательно надоело быть тряпкой в зубах у резвых щенят. - Творец, конечно, учит делиться с ближним. Но не частями же тела!

- Вот видишь! - взвилась Зарема. - Она уже противоречит!

- «Она» вообще-то пытается сохранить себя в целости, - огрызнулась я, отпрыгивая от семейки умалишенных и придвигаясь к новому лимонному дереву, чтобы заесть свою обиду.

- Это еще не противоречит, - утешил маму Агилар. - Так, разминается. Моя будущая жена - очень энергичная женщина...

- Вижу, - злобно зафырчала Зарема. - И тебя уже с толку сбила. И всех рабынь разогнала. - Взыла: - Ну зачем она тебе?

- Будет так, как я хочу! - отбрил ее сын, вовремя спасая лимоны от уничтожения. - Амариллис, ты случайно, не в положении?

- Стою вроде, - вытаращилась я на него. - Не видно?

- Я не про это, - широко улыбнулся Агилар. - Ты так усиленно жуешь лимоны, что, возможно, ты ожидаешь ребенка.

- Откуда? - икнула я от неожиданности. - Здесь еще и ребенок будет жить?! Вместе с нами? А зачем?

- От меня, - терпеливо объяснил Агилар, запуская свои шаловливые руки мне под рубашку. Благо она рваная. - Ребенок от меня.

- Ты мне подаришь ребенка? - Мне сегодня как-то не думалось.

- Ты беременна? - напрямую спросила Зарема, обдавая меня злобным взглядом.

- Нет, - прислушалась я к себе. - Я просто пытаюсь не вступать в вашу милую беседу. Приходится отвлекаться... Ты куда полез? - Это уже Агилару. - Это, безусловно, отвлекает, но выглядит неприлично.

- Сын, - попыталась зайти Зарема с другого бока. - Хочешь получить такую занозу в... голову - пожалуйста, но сделай ее второй женой после Сагданы.

- Нет, - покачал головой мужчина. - Не будет первой-второй, будет единственная.

- Ты совсем спятил? - возмутилась мама, вытаскивая из широкого рукава пергаментный сверток. - Смотри, это письмо с согласием великого визиря на твой брак. Я столько лет его обхаживала, слала подарки его женам. Подлизывалась к его матушке. И ты сейчас хочешь отказаться от такой чести? Ради этого заморыша?!

- Мама! - с глухой угрозой воскликнул Агилар, с трудом удерживающий мое выкручивающееся возмущенное тело с лимонами, зажатыми в обеих руках и в зубах. - Ты оскорбляешь мою будущую жену.

- Скорее вдову! - заорала мама, потрясая пергаментом. - После того как ты сообщишь Изурнад-паше о своем отказе, мы получим тебя без головы. Потому что твоя голова будет красоваться на колу у городской стены! Ни один благородный отец не потерпит подобного оскорбления!

- Слушайте, - окончательно расстроилась я, переработав новую партию лимонов. - Может, не надо так кровожадно все живописать, а?

- А как надо? - уперла руки в бока Зарема. - Как? Ты думаешь, ему простят пренебрежение дочерью визиря ради какой-то мелкой рабыни?

- Так я, собственно, и не настаиваю, - пожала я плечами. - Я, можно сказать, лицо постороннее и незаинтересованное.

- Лжешь, - прошептал мне на ухо Агилар, снова проводя разведку на ощупь. - И не постороннее, и заинтересованное.

- Будешь много говорить... - окрысилась я. - Сдам маме все твои выкрутасы - и посмотрю, кто кого уложит на лопатки. Ставлю свой ночной горшок против твоего арсунского жеребца, что твоя родительница и глазом не моргнет, когда размажет тебя по ковру тонким слоем!

- А что он сделал? - нахмурилась Зарема, превращаясь в одно большое ухо. - Написал письмо визирю? И отправил?

- Что-то он точно написал, - зыркнула я на страшно довольного Агилара исподлобья. - И куда-то едва не отправился! Сам. Но мы сумели найти нужную дорогу в барханах и вернуться в мозговые кущи без проблем... Хотя нет! С небольшими проблемами для сознания.

- Это видно! - завелась родительница. - Ты всегда был таким рассудительным и честолюбивым, а тут просто спятил на ней!

- На мне он ничего не делал! - возмутилась я от души. - Ну, по крайней мере, делал, но не то, что вы подумали.

- Да мне уже думать нечем! - прижала к вискам тонкие пальцы Зарема. - У меня мозг кипит от такой информации!

- Лимончика? - предложила я, проникаясь ее заботами. - Для освежения. Мне помогло. Пара десятков штук - и мир кажется уже не таким кислым по сравнению с лимонами.

- Убери ее от меня! - ласково попросила мать Агилара, отшатываясь. - Это не девушка! Это чудовище!

- Это с какой стороны посмотреть, - фыркнула я, окончательно оскорбленная в лучших чувствах. Я к ней со всей своей неизведанной душой и лимонами, а меня не поняли.

- Надеюсь, «чудовище» от слова «чудо»? - нахмурился Агилар, сверкая веселыми искорками в серых глазах. - Не разочаровывай меня, мама!

- Тьфу! - сказала почтенная Зарема, разворачиваясь на выход и делая знак своим прислужницам следовать за ней. - Горбатого только могила исправит, а безголового - и она не спасет!

- Есть еще муляжи, - сообщила я ей, вступаясь за Агилара. - И потом, у вашего сына прекрасно работает все остальное!

- Ты лучше помолчи, радость моя, - прошептал мне на ухо мужчина, снова обвивая меня руками. - До мамы все равно не достучишься, а такая слава для меня излишня. Все свои таланты я собираюсь испробовать исключительно на тебе.

- То есть ты выбрал меня, - ткнула я в него локтем, скрывая удовлетворенную усмешку. - Не пожалеешь?

- Уже давно пожалел, - признался Агилар, все туже стискивая кольцо своих рук. - Но ни за что бы не променял свою участь на другую. - Он слегка передернулся. - Прожить всю жизнь и не познать, что такое любовь, - страшнее нет участи.

- Есть, - закинула я голову ему на плечо и лоя его взгляд. - Потерять любимого.

Его лицо потемнело, скулы напряглись, глаза прищурились. Не знаю, что он там себе надумал, но если он еще хоть чуть-чуть сильнее сожмет руки - выдавит сок из лимонов, находящихся внутри меня.

- Амариллис! - В покои залетела радостная Ширин, которую было не видно из-за вороха разноцветных тряпок. За ней следовало еще человек пятнадцать прислужниц, нагруженных таким же бараклом, от которого рябило в глазах. - Гляди, сколько всего!

- Вижу, - уныло пропищала я, защищая свои цитрусовые и разжимая «клещи», обтянутые теплой смуглой кожей. - Но не понимаю, зачем все это нужно было тащить сюда!

- Ну, вы тут разбирайтесь, - почувствовал угрозу Агилар и направился на выход. - Я позднее приду. Тебе сейчас будет чем заняться!

- Например, похоронить себя под всем этим тряпьем, - согласно кивнула я.

- Не вздумай! - напрягся он. - Твоя жизнь принадлежит мне!

- Это ты так хочешь думать? - набычилась я, не обращая внимания на снующих вокруг девушек, приводящих в порядок немножко потрепанные мной покои. - Или действительно так думаешь?

- Ты моя жена! - отрезал мужчина.

- Гипотетическая, - фыркнула я, отпихиваясь от подsunутого под нос красного шелка. - И не факт, что соглашусь!

- У меня есть прекрасный способ тебя убедить, - изогнул бровь Агилар, сторонясь и пропуская вереницу евнухов под предводительством Саида, нагруженных резными ларчиками.

- И не надейся, - вредничала я, увертываясь от настырной Ширин, которая упорно пыталась что-то на меня надеть. - Тебе придется меня до-о-олго убеждать с помощью дли-и-инного...

- Прекрати! - заткнула меня головным покрывалом рыжая стерва. - Подробности нам не нужны!

- Чего так? - подняла я брови, увидев, как все девушки остановились и выжидающе уставились на меня, временами украдкой скашивая глазки на Агилара.

- Проверить захочется, - на полном серьезе сообщила Ширин, и все согласно закивали.

Агилар издал какой-то странный звук, похожий на конское фырканье, и вылетел за дверь.

- Саид, - позвала я, вызывая помощь от кучи желающих замотать меня в разноцветные тряпки. - Спаси свою госпожу! И, кстати, что здесь делают эти симпатичные молодые люди?

- Это ваши новые... - напыжился евнух.

Дверь приоткрылась, и послышалось:

- Я передумал! Тебе хватит одного евнуха внутри. Остальные пусть караулят снаружи!

- О как! - надула я губы. - Тогда и девчонок отсюда заberi. Куда мне столько?

- Для солидности! - пояснил мне невидимый мужчина. - И для престижа!

- То есть как куча баб рядом, так для престижа?! - нарывалась я на выяснение отношений. Может, у меня сегодня судный день. Повысила голос: - А как симпатичные мальчики - так пусть за дверью постоят?

В низкое окно из сада вскочил маленький серый ослик с грустными глазами. И Веселый Дервиш сообщил всем присутствующим:

Придем мы и уйдем, под солнцем путь свершив, Зачем? Ради чего? Ответ непостижим. Мы словно тени, Бога отраженье, Но только погаси фонарь - от нас остался дым.

- Здравствуйте! - радостно заскакала я вокруг ослика, пытаюсь пожать тому копыто. Ослик нервно повел лопухими милыми ушами и застеснялся. - Вот видишь, Агилар, сей мудрый человек подтверждает мое высказывание!

- Это чем же? - Агилар все же явил себя миру, чтобы вытолкать внашею кучу евнухов, одни из которых пялились, открыв рты, на Веселого Дервиша, а другие строили мне глазки.

- Тем, что в твоих рассуждениях логику днем с огнем не найдешь! - перевела я ему высказывание старика. - Правда, уважаемый?

- Вы, - внимательно посмотрел на нас Веселый Дервиш, - уже встали на прямую дорогу судьбы! Вам придется пройти по ней рука об руку долгий путь. Но помните, неразумные дети миров! Близкий может стать угрозой, чужой - спасением. Разлука не есть окончание пути, а встреча не сулит вечности! - И с этими словами старик растаял.

Дольше всего в воздухе задержались так умилявшие меня ослиные уши.

- Почему мне кажется, что меня сейчас обозвали? - повернулась я к хмурому Агилару. - Красиво, но метко. Вроде того - уши у тебя ослиные как показатель ума.

Агилар внезапно сгреб меня в охапку, прижал к себе и прокричал в пустоту:

- Никому не отобрать ее у меня! Она моя! И я буду бороться за нее до последней капли крови!

- Да будет так, - донес до нас ветер.

Глава 29

Многие девушки – многие беды. Жалко, что мужчины об этом не помнят.

– Ты сдурел? – выкрутилась я из объятий Агилара и схватила его за грудки. – Ты зачем такими словами бросаешься? Ты хоть понимаешь, на что себя обрекаешь?

– А ты? – спокойно встретил он мой гневный взгляд.

– Не могла бы ты прекратить подсвечивать глазами? – дрожащим голосом попросила Ширин, распахивая девушек под кроватью, чтобы всем хватило места. – Я-то к тебе привыкла, но если слухи пойдут по дворцу... Ты и так трескаешь все подряд, причем безо всяких дурных последствий, что настораживает!

– Это плохо? – отвлеклась я от Агилара. – То, что у меня нормальный аппетит?

– Плохо то, что ты перевариваешь яды, – вздохнула рыжая. – Вернее, хорошо... Но ненормально!

– Какие яды? – нахмурился Агилар, вступая в нашу беседу. – О чем сейчас идет речь?

– Вашу будущую жену... – потупилась Ширин, ковыряя носком туфли пушистый ковер. Вздохнув, оглянулась и полусшепотом продолжила: – Пытались подкормить всевозможными ядами и битым стеклом – видимо, для улучшения самочувствия.

– КТО?!!

А я-то, наивная, думала, что знаю, как он умеет буйствовать.

– Да это такие мелочи, – махнула я рукой. – Мне даже неудобно об этом говорить...

– А ты молчи, – посоветовала мне рыжая ябеда. – И радуйся, что у тебя есть я! Так, – начала она загибать пальцы. – Ваша разлюбезная Гюзель предпочитает цикуту, Сирейла – битое стекло, Шафран – яд морской медузы...

– Ты хочешь сказать, – выдавил из себя Агилар, становясь ярко-малиновым от злости, – что в этом участвовал весь гарем?!!

– Основная часть, – кивнула Ширин. – Еще были скорпионы, скорпены, грибы...

– Хватит! – рявкнул Агилар. Повернулся ко мне: – Почему ты молчала?! Тебя столько раз могли умертвить!

– И что? – растерянно захлопала я ресницами, искренне не понимая, из-за чего такие треволения. – Не умертвили же!

– А если?.. – чуть ли не крикнул он. – Ты хотя бы представляешь себе, что бы случилось, если бы ты умерла?

– Нет, – пожала я плечами. – И поверь, если бы я умерла, то точно бы уже ничего не представляла. Если только себя – и Творцу. Но тот меня и так, думаю, очень хорошо знает.

– О-о-о! – закатил глаза Агилар. – Сиди здесь, пока я не вернусь!

– Зачем? – прикинулась я простыней.

– Затем, что здесь тебя будут охранять! – взревел Агилар. – Пока я накажу виновных!

Я внимательно посмотрела на торчащие из-под кровати тылы прислужниц, на хрупкую Ширин и толстого Саида и тяжело вздохнула:

– Еще неизвестно, кого от кого охранять нужно.

Рыжая бестия громко фыркнула, выражая свое согласие.

– Добилась своего? – рассерженно обратилась я к ней. – Лишила меня вкусовностей и

развлечений?! Сейчас он порубит всех в лагман, и будем мы аукаться в пустом гареме! Никаких тебе козней! Тоска зеленая!

- Не переживай! - заверила меня Ширин, давая знак Саиду вытаскивать девушек и приводить их в чувство. - Все сейчас сбегутся под крылышко к Зареме и там отсилятся, пока господин не перестанет блажить. Но хотя бы хвостики свои подожмут. А тебе нужно быть поосторожнее!

- Ты о чем? - насторожилась я, усаживаясь на кровать с ногами.

- О твоих способностях, - пояснила рыжая, пристраиваясь рядом. - Долго выезжать на покровительство Веселого Дервиша не получится!

- Что конкретно во мне тебя не устраивает? - нахмурилась я, начиная нервно грызть угол железного ларца.

- Вот это и не устраивает, - отобрала у меня обглоданный ларчик подруга. - Ты уничтожаешь все, что под руку попадет, даже заведомо несъедобное. Вот! - Она достала из кармана металлическую обкусанную полоску. - Узнаешь?

- Ой! - обрадовалась я, протягивая руки. - Мой ошейник! А я его искала! Отдай, он вкусный!

- На нем следы твоих зубов! - укоряюще сказала Ширин. - Это ненормально! Человек не может лопать железо, как халву! Если кто-то увидит...

Хрум!

- Уже никто не увидит, - заверила ее я, облизываясь. - У тебя еще ничего нигде не запрятано? Может, белена, дурман или цикута завалились?

- Ой-вэй! - закатила зеленые глаза Ширин. - И за что мне такое?! Я тебе говорю о твоей ненормальности, а ты запикиваешь в желудок все подряд, и даже не икаешь!

- Ладно, - обиделась я. - Тебе не нравится мой аппетит, я поняла. Что еще?

- От тебя все мужики шалеют, - сообщила мне рыжая, горестно вздыхая. - Даже те, которым нечем.

- Это не ко мне, - надулась я. - У них проблемы, пусть они их и решают.

- Решать эти проблемы будут женщины, - еще раз вздохнула Ширин. - Для начала - попробовали с помощью яда. Не вышло. Учти, теперь уже будут искать другие пути...

- Как интересно, - оживилась я, подпрыгивая от возбуждения. - Вкусные?

- Кому что, - закатила зеленые глаза подруга, вскакивая с кровати, - а нашей Амариллис только бы что в рот засунуть!

- Я разборчивая, - обиделась я, поджимая под себя ноги. - Сначала разбираюсь, а потом ем. Или сначала ем, а потом разбираюсь?.. Но все равно разборчивая!

- Ты неисправима! - подвела черту Ширин, подтаскивая ко мне разноцветную кучку. - Давай займемся твоим гардеробом.

- А что им заниматься? - не поняла я, в недоумении разглядывая кучи вещей. - Встала утром, что-то нашла, надела, чтобы стыд прикрыло, и ходи себе на здоровье.

- О-о-о! - в который раз закатила глаза Ширин. - Вай-вай! Ты будешь женой тако-ого человека! Ты должна выглядеть о как! Быть примером для окружающих! Демонстрировать богатство и положение мужа!

- Что-то мне уже не хочется замуж, - нехотя призналась я. - Слишком все сложно и проблем много.

- Каких проблем?! - взвилась настырная рыжая бестия. - Тебе все сделают! Только надень и носи! - Она потрясла у меня перед носом лиловым лифом, расшитым крупными

драгоценными камнями.

- Вот-вот, - фыркнула я, отталкивая от себя это вульгарное безобразие. - Я и говорю - проблем много. Мне больше нравится раздеваться, чем все это на себе таскать и демонстрировать что-то кому-то.

- Посмотри! Видишь, какая прелесть? - Ширин выудила из другой кучки зеленые шаровары с разрезами, и снова все расшитое до такой степени, что штанишки стояли колом. И весили, кстати, почти как я.

- Вижу, что прелесть, - согласилась я. - Только пусть эта прелесть будет на ком-то другом, а? Если ты сейчас на меня все это наденешь, то демонстрировать степень богатства я смогу только на полу и только лежа!

- Ты ничего не понимаешь! - рассердилась подруга, подступая ко мне с платьем-кафтаном, украшенным золотыми пластинами. Настоящий бойцовский доспех!

Мне аж дурно стало.

- Это для сражения, что ли? - изумилась я. Потрясла головой, отгоняя видение кровавой битвы и меня в самой гуще событий с двумя мечами в руках. Снисходительно выдала: - Так тут снова неувязочка. Чтобы полностью прикрыть - вырез декольте очень глубокий, мечи, копыя и стрелы достанут; а чтобы для красоты - так вес немаленький. Таская эдакую тяжесть, я настолько накачаюсь, что смогу Агилара на руках носить. Как думаешь, ему понравится?

- Убоище! - укоряюще глядя на меня, обругала свою будущую хозяйку Ширин. Смирилась: - Ну не нравится это платье, давай найдем другое!

- А сколько нужно отдельно взятому человеку одежды? - задала я гипотетический вопрос в никуда. Потому что направленный удар тут же отражался в мою сторону.

- Сколько человеку - не знаю, - рявкнула на меня подруга. - А женщине нужно много! А настоящей женщине - еще больше! А красивой женщине - вообще... все!

- Давай я тогда некоторое время побуду просто человеком? - состроила я умильные глаза. Промурлыкала: - Мне та-ак нравится это состояние...

- Госпожа Амариллис, - подступил ко мне Саид с большим ларцом с откинутой крышкой. - Вам следует выбрать надлежащие драгоценности на каждый день.

- Булочка моя полосатая, - расцвела я пышным кустом хлопчатника. - Давай ты сейчас пойдешь отсюда подалее и выберешь все сам? И сам поносишь заодно? А я буду делать вид, что ты - это я.

- Господину Агилару, - хмыкнул Саид, - такая замена не понравится. Так что придется носить вам. И вы еще должны отобрать себе прислужниц, массажисток, банщиц, чесательниц пяток, обмахивательниц опахалом...

- Ковырятельниц в носу, - кивнула я. - Поверь, я еще могу все это делать сама. И вообще, если тут все собираются делать за меня, то, может, и Агилара за меня обслужат?

Тут я, безусловно, погорячилась, потому что все девушки сразу же выразили согласие меня заменить, причем навсегда.

- Но-но, - предостерегла я их от опрометчивого шага. - Замуж можете за него выходить всем скопом, но в постель к нему не суйтесь. Мне самой мало!

В это время за дверью раздался страшный шум. Вернее, он был давно, но нарастал по приближении к двери.

- Саид, - насторожилась я. - Там, по-моему, твои евнухи буянят.

- Сейчас, госпожа Амариллис, - поклонился мне Саид и пошел посмотреть, кто там такой смелый.

Оказалось, что он сам. И мужественный. И героичный. Но этого никто не увидел,

поскольку дверь внезапно распахнулась и прихлопнула бедного Саида к стене.

К нам ввалились десяток растрепанных наложниц во главе с госпожой Сирейлой, загоняемые разъяренным Агиларом и нукерами. Женщины заметались по помещению, пытаясь скрыться от возмездия.

Тут же из сада прискакали на деревянных лошадках Марьям и Кемран, внося веселую суматоху. Два великовозрастных ребенка топотали по комнате, путаясь под ногами у обезумевших наложниц, и кричали во все горло призывы присоединиться к игре. Получалось что-то вроде:

- Я не виновата!

- Пошли поскочем!

- Это все она!

- Шевелись, толстая корова, здесь лошади!

- Так нельзя разговаривать! - Это уже я преподнесла урок хороших манер дяде.

- Она все равно толстая корова, но я больше не буду!

- Вы все будете наказаны! - шипел Агилар.

- Хочешь, я дам тебе попользоваться конем? - Добрая Марьям утешала колышущуюся от ужаса смотрительницу гарема, оседлавшую мое любимое лимонное дерево и пытающуюся залезть на него сверху и спрятаться в листве. - На нем так удобно скакать!

- МОЛЧАТЬ! - рявкнула я, отбирая своего любимца из цепких рук госпожи Сирейлы.

И пошла выручать Саида, отстраняя попадающихся по дороге увесистой кадкой.

Выудив немного сплюснутого евнуха из-за двери, я легонько похлопала его по щекам. Для этого пришлось временно расстаться с лимонным деревом.

- Ты живой? - поинтересовалась я, заботливо укачивая несчастного под изумленными взорами присутствующих. - Как ты себя чувствуешь, моя лепешечка?

Саид открыл рот, попытался что-то сказать, но у него не получилось.

- Горло пересохло? - догадалась я. - Сейчас, мой чебуречек, добрая тетя тебе поможет! - И выдавила ему в рот целый лимон, чтобы никто не говорил, что я жадная.

В результате все скривились, Саид начал ловить свои глаза где-то у потолка и судорожно дергаться.

- Ну хватит! - заорала вдруг взбесившаяся Ширин и отобрала у меня Саида. Хрупкая девушка отволокла эту неподъемную тушу в темный угол практически на руках и устроилась рядом, прикрывая свою симпатию узкой грудной клеткой: - Не бойся, я тебя спасу!

Убедившись, что все мои в безопасности, я повернулась к Агилару и любопытствовала:

- И зачем мне здесь весь этот курятник? Яйца высидывать? У них! - деликатно ткнула пальчиком в почему-то покрасневших нукеров.

- Они все клятвенно утверждают, что ты возвела на них поклеп, - наконец-то снизошел до объяснений мужчина, чуть стравив пар из черепной коробки.

И правильно сделал! Мешает же смотреть на белый свет ясными незамутненными глазами. Брал бы пример с меня. Мне вообще нигде ничего не мешает.

- И что? - попыталась вникнуть я в его замысловатую логику. - Я вообще ничего не клепала, как ты выразился. И что мне теперь с ними делать?

- Все как одна говорят, что ничего тебе не подсыпали, поскольку ты жива-здоровая, -

доступно развил свою мысль Агилар. – Все обвинения – это клевета на их честное имя.

– Мне что, теперь умереть, только чтобы доставить тебе весомые доказательства? – вытаращилась я на него. – До такой степени я еще не сошла с ума! Мне и так неплохо!

– Нет! – ужаснулся недавний хозяин гарема. – Ни в коем случае! Просто...

– А-а-а, – догадалась я. – Прошлые заслуги в твоей постели не дают тебе возможности воздать им по заслугам. Логично. Кстати, а с госпожой Сирейлой ты тоже спал?

– Она сводная сестра моей матери! – почему-то обиделся на мой вопрос Агилар.

– Какой кошмар! – округлила я глаза в притворном ужасе. – Теперь я понимаю, откуда у тебя такая жуткая наследственность.

– Это уже оскорбление! – Толстый зад Сирейлы высунулся из зарослей карликовых плодоносящих деревьев и кустарников.

– С каких это пор на кизиле растет тыква? – нахмурилась я, отодвигая в сторону Агилара и направляясь на разборки. Кусты и деревья уже давно не получали удобрения. А если и получали, то лишним все равно не будет!

– Господин! – Ноги Агилара обвила изящными ручками Гюзель, задирая к нему подсолнухом обожающее личико.

Я прям вся умилилась... начиная с кулаков.

А та гнула свое:

– Вы поверите ей, а не нам, вашим преданным рабам? Женщинам, поклоняющимся каждому вашему волосу, внимающим каждому вздоху...

– Нюхающим каждый... – продолжила я, но остановилась, увидев давящегося от хохота Агилара. – Ладно, уговорил, сладкоречивый, не буду продолжать.

– Гюзель, – брезгливо отодвинул он ее ногой, когда я начала темнеть лицом от столь близкого контакта. – Мне все равно, чему вы там поклоняетесь и внимаете, но мне не все равно, когда вы берете на себя функции палача. А уж поскольку вы так к этому стремитесь, то я познакомлю каждую с Ясиром...

Я схватилась за сердце. Ну, по крайней мере, с той стороны, где я его определила.

– Что?! – прервался Агилар с тревогой.

– Ясира жалко, – всхлинула я, пригорюнившись над незавидной долей палача. – Ты хоть этих куриц топтать можешь, а он – лишь ощипывать. И то... с пяток. Так можно и Саидом стать!

– Не трогай Саида! – раздался из темного угла разгневанный голос Ширин. – У него после твоего лимона до сих пор желтый цвет лица!

– Ты его на свет вытащи, – посоветовала я. – Пусть загорит – будет смуглый.

– Я люблю вас! – почувствовала угрозу своей лощеной шкурке прекрасная Гюзель. – Не оставляйте меня, господин.

– Не выкидывайте ее из своей постели, – перевела я на нормальный язык. – А то ей неудобно будет пользоваться заменителем, который годится, только чтобы колоть им орехи!

– Господин, – бросила на меня полный ненависти взгляд Гюзель. – Посмотрите на нее! Она стоит перед вами, нашим...

– Членом, – не смогла я смолчать. А что такое? Мы сейчас как взрослые люди делим один член на всех. Нукеры не считаются. Они свидетели.

– Светочем, – договорила девушка, покраснев то ли от смущения (во что я ни капли не

верила!), то ли от злости (в это верилось охотно). – Она стоит перед вами, не склонившись...

– У меня это... – застеснялась я. – Коленки побаливают. Меня так долго имели на них... Так что извиняй, подружка, но тут уж либо ты имеешь, либо ты стоишь на коленях, чтобы тебя поимели.

– Она даже не знает, как себя вести в вашем обществе, господин! – Гюзель снова подползла к Агилару звеняще-щипящей гюрзой и обвилась смертоносным удавом. – Она стоит перед вами в драном платье...

– Да не проблема! – хмыкнула я, скидывая с себя тряпье. – Могу постоять и без него! Так даже удобнее!

– Всем закрыть глаза! – мгновенно сориентировался Агилар, срывая со своих плеч плащ-накидку и заворачивая меня в него. – Амариллис, это уж слишком. Тут мужчины!

– Где?! – искренне удивилась я. – Не вижу. Тут столько лежащих баб – и ни один на них не отреагировал! Нету тут мужчин! Вывелись!

– А на них нельзя реагировать! – подала из своего угла голос Ширин. – Они ядовитые. Какой нормальный мужик подойдет к этим сколопендрам?

– Вот, – боднула я Агилара в грудь головой. – Видишь, какая у тебя репутация!

– Я изменюсь, – пообещал он мне. – Все на выход! Стража, отвести всех к Ясиру. Я потом разберусь, какого наказания каждая из них достойна.

– Ясира все равно жалко, – вздохнула я. – Представляешь, как переработается?

Женщины завывали. Нукеры находили их по вою и брали в плен на ощупь, потому что команды открыть глаза никто не давал. Я молчала и нежилась в сильных руках. Агилар был занят, исследуя то, что ему в эти руки попало.

– Что здесь происходит? – К нам присоединилась запыхавшаяся Зарема, которая влетела в дверь, потрясая свитком.

– Мама, это мои дела, – неохотно оторвался от меня Агилар. – Я сам разберусь со своей будущей женой и с этими женщинами.

– Конечно, дорогой, – приторно улыбнулась Зарема. – Но сначала тебе придется съездить к великому визирю. Вот срочное письмо. Только что доставили. Султан хочет тебя видеть.

– Извини, сегилим, – легко поцеловал меня в губы Агилар. – От таких приглашений не отказываются. Я должен ехать.

Я молча кивнула, понимая важность момента.

– Чтобы все сидели тихо! – велел Агилар, обводя взглядом свой гарем. – Если хоть один волос упадет с головы Амариллис, мой гнев будет страшен, а наказание изощренно! Все поняли?

Нукеры склонились.

– Прикажи открыть им глаза, – прошептала я ему на ухо. – А то все углы обобьют.

– Открыть глаза! – приказал Агилар, целуя меня и запуская руки под плащ, где он мгновенно запутался. Я решила ему помочь и скинула мешавшее. Агилар отреагировал моментально: – Закрывать глаза!

К сожалению, тут вмешалась мама, которой надоело смотреть на наши прилюдные обжимания.

– Сын мой! – возопила Зарема, воздевая руки к расписному потолку. – Ты забыл о возложенной на тебя миссии!

- Что на тебя положили?.. - вытаращилась я на заботливо укутывающего меня мужчину, который попутно исследовал то, что укрывал. - Немедленно сними! Нам лишнего не надо!

Рядом с нами бродила стража с закрытыми глазами.

- Да в общем-то ничего, - признался Агилар, скрывая усмешку.

Я посмотрела на наш маленький сумасшедший дом и сообщила:

- По-моему, кого-то явно не хватает...

В дверь вошел маленький длинноухий ослик с грустными глазами.

- И вам снова здравствуйте, - расплылась я в улыбке под аккомпанемент зубовного скрежета Агилара, хлопанья ресниц Заремы и дрожания коленок всех остальных, исключая нукеров. Они бились лбами. - Вы что-то к нам зачастили!

Имей я силы небо сокрушить, Велел бы все разрушить, обновить Во имя тех людей, что духом благородны, Чтобы могли зов духа кровью сердца утолить, -

наставил на меня корявый морщинистый палец Веселый Дервиш.

- Это вы нам? - подняла я брови, пытаюсь изыскать тайный смысл в сказанном.

- Куда я попал?.. - приоткрыл до этого сомкнутые веки старик. Оглянулся и жизнерадостно сообщил: - Это я не вам должен был сказать. - Опять прикрыл глаза и, казалось, даже начал посапывать.

- А-а-а... так вы дверью ошиблись! - обрадовалась я. - А то уж было подумала, что совсем думать перестала...

- Благослови, Веселый Дервиш! - пала на колени Зарема и поползла, скуля и вихляя всем телом, к ослику.

За ней потянулись все остальные «грешницы». В стане врага поднялся к небу стон и плач.

- Знаешь... это, оказывается, заразно - не думать... - сделала я вывод, обращаясь к сжимавшему меня питону в человеческом обличье.

- Чего это вы тут набежали?.. - подозрительно сощурился старик. Ослик опасливо попятился.

- Они напоззли, - вежливо поправила я его, выкручиваясь из душащих объятий и указывая на коленопреклоненных женщин.

- Это нашествие... орда, - подала из своего угла голос Ширин, все еще прикрывающая Саида.

- Господин, - взмолились нукеры. - Можно нам открыть глаза, а то так хочется на Веселого Дервиша живьем посмотреть!

- А вот фигу вам! - хихикнул добрый старичок и пропал вместе с осликом.

- Как это очаровательно, - хмыкнула я, давая по шаловливым, не желающим отпустить меня рукам.

- А-а-а, - снова возник Веселый Дервиш для того, чтобы отдавить лапки навязчиво ползущей Гюзели и поведать нам: - Все в воле Творца, но и вы не щелкайте едалом!

- Записано, - кивнула я, с нескрываемым удовольствием наблюдая за воющей Гюзелью. - И больше ничего туманного не скажете? Ну, вроде «оставить всех в недоумении»...

- Ладно, - кивнул старик. - Только... - Он повернулся к трясущей ладонями деве. Прикрикнул: - Чего вопишь, дура! Тебе сам ослик Веселого Дервиша печать поставил!

- О радость! - скривилась Гюзель и попыталась поцеловать ослика.

Тот засмутился и загородился копытом. В результате Гюзель отвечивала еще одной печатью, но уже на лбу.

- Монументально, - оценила я масштаб. Полюбопытствовала, оглядываясь по сторонам и удовлетворенно оценивая повреждения противницы. - Всех метить будете? Можно я исключусь?

Сражаюсь я с пороком - как мне быть? Грехи к земле все клонят - как забыть? Допустим, ты простишь грехи мои великодушно, Господь мой, ну а мне как стыд забыть? -

глубокомысленно выдал вместо ответа Веселый Дервиш, прежде чем окончательно исчезнуть. - Ты, девушка с глазами цвета амариллиса, смотри в оба глаза, а видь третьим!

- Чудища в гареме - это экзотично, - согласно кивнула я.

- Надо говорить «мутанты»! - успел поправить меня старичок и бесследно сгинул.

- Это все ты виновата! - накинулась на меня Зарема, поднимаясь с колен с помощью своих прилипал. - Если бы не ты, то Веселый Дервиш обязательно подарил бы мне свое благословение!

- Если бы не она, - вмешался Агилар, отгораживая меня от своей матери, - ты бы его вообще не увидела!

- Это еще неизвестно! - выпрямилась женщина, прожигая меня ненавидящим взглядом. Большая часть которого, впрочем, досталась Агилару. - А ты, сын мой, должен быть уже на полпути к дворцу визиря!

- Ты права, мама, - склонил гордую голову мужчина. Приказал: - Все вон! Глаза можно открыть! Невольниц - к Ясиру!

- Я забираю их себе! - вмешалась Зарема. - И сама накажу, как посчитаю нужным.

- Ты мне перечишь?.. - сощурил глаза цвета грозового неба Агилар, задвигая меня за спину. Но мне как-то не хотелось отсиживаться в тылу, поэтому я обошла его по кругу и зашла в тыл к маме. На всякий случай. Ну... с пола там поднять... можно еще затоптать, чтобы долго не мучилась...

- Ты не о том думаешь, сын! - не дрогнула Зарема. - Судьба всего рода Ясарман в твоих руках! А ты вымещаешь свое плохое настроение на этих невинных девушках!

Вот зря она это сказала! Зря. Когда давят на совесть - это одно, а когда на больную мозоль - совсем другое.

- Я сказал - к Ясиру!!! - гаркнул Агилар, давая команду нукерам увести девушек.

Дамы моментально потеряли сознание всем стадом. Мужчины почесали в фесках и унесли этих овец на руках.

- Не факт, что донесут, - поделилась я своими наблюдениями с окружающими.

- Выгребная яма налево от кухни! - крикнула вдогонку страже заботливая, но немного воинственная Ширин.

- Амариллис, - повернулся ко мне Агилар, игнорируя злобные взгляды родительницы. - Мне действительно нужно уехать...

- Уезжай, - тихо сказала я, приближаясь и обхватывая его лицо ладонями, заглядывая в дорогие глаза. - Я буду тебя ждать...

Глава 30

Вот только покажешь свою душу, так сразу – монстр!

Вальяжный карлик удобно расположился в собственном кабинете, в широком кресле. Вокруг него вился, громко и рассерженно стрекоча, белый горноста́й, который пытался обратить на себя внимание.

– Вот видишь, мой хороший Тиль... – Карлик отхлебнул верескового эля из высокого стеклянного жбана в старинном оловянном подстаканнике и довольно прикрыл глаза. – Ты был таким надоедливym человеком и остался надоедливym животным. Но это не беда, зато с тобой интересно поговорить. И возразить ты не можешь, что приятно вдвойне.

Горноста́й забегал от окна к креслу, затем, стрекоча еще громче, стал царапать коготками полы бархатного халата владельца дома. Тот с усмешкой наблюдал некоторое время за действиями питомца, потом хмыкнул:

– И не проси! Я тебя туда не пушу. Я знаю, что ты хочешь ей помочь, но у меня на нее другие планы, ученичок.

Пушистый зверек запрыгнул на широкий подоконник и тоскливо свернулся крендельком.

– Идеальная убийца, которая не оставляет следов. Прекрасная, как сама любовь, неотвратимая, словно смерть... Убивает силой желани́я. Разве можно упустить такое сокровище?

Зверек тяжело вздохнул.

– И поверь, если бы ты не помог ей тогда бежать, я не стал бы тебя наказывать настолько строго. Беда в том, что ты ничему не учишься. Поверь, наша суккуб сама нуждается в хозяйской твердой руке, и она ее получит. Вот посмотришь, она долго не выдержит и довольно скоро заявит о себе достаточно громко. В общем, уже заявила. Но я жду другого: как только она начнет убивать – опять станет моей. И никакая маскировка, которую ты создал для нее, не поможет. Пойми, ее суть – раба, я только делаю ей одолжение, используя по назначению!

Зверек коротко стрекотнул и повернулся к карлу задом, укрывшись хвостом.

– А вот это уже хамство! – прошипел разозленный волшебник. Он присовокупил зловеще: – Еще раз так сделаешь – и ты у меня песцом станешь! Серебристым.

Горноста́й упорно игнорировал собеседника. Карлик приподнялся, сердито нашаривая на поясе жезл и готовясь обновить облик непокорного ученика.

Неожиданно в центре стола среди друзоподобных камней зажегся одинокий алый кристалл. Карлик довольно потер ладошки и пробормотал:

– Что ж, на этот раз тебе, малыш, повезло. Наша дама не стала дожидаться морковкиного заговенья, за что ей преогромное спасибо, а то у меня работа стоит. Ну что, поехали?

Юркий горноста́й запрыгнул на стол и, вцепившись зубами в скатерть и практически повиснув на уголке, смахнул со стола залежи камней, в том числе и ярко горящий кристалл.

Колдун завопил:

– Да ты с ума сошел!!! Знаешь, что я с тобой за это сделаю, крысок драный?!

Но было поздно.

Детища природы, минералы, имеют одно свойство – в кристаллической форме зачастую становятся хрупкими. Вот и алый кристалл, самый крупный и красивый из колдовской коллекции, погиб безвозвратно, расколовшись на куски и похоронив надежды старика на

скорую встречу со своей живой собственностью.

- Ничего! Я сделаю новый, пусть это и займет у меня время! - прошипел карлик. - Но ты... ты... Я придумаю тебе достойное наказание, и поверь, оно тебе сильно не понравится!

- Максим... - начала я прочувственную речь, когда меня чем-то крепко приложили по затылку.

Тут я решила сделать ход конем и ради разнообразия внезапно потерять сознание. Всегда приятно поставить злоумышленников в тупик необычными действиями. Они ожидают, что жертва начнет отбиваться и орать, - так, во всяком случае, бывает во всех американских и русских (особенно русских!) боевиках. Либо, на худой конец, начнет показывать приемы карате, замаскированные под ушу, и махать слабыми лапками перед дюжиной здоровых мужиков. А когда девушка, получив по загривку, тихо припадает на грудь героя опавшей хризантемой, это ставит злодеев в неудобное положение. В смысле то ли пользоваться, то ли подождать и покривляться, приведя в чувство, чтобы поведать о своих злобных и кровожадных намерениях.

- Держи девчонку, - велел один из ранее охарактеризованных мной амбалов, вытаскивая меня из машины.

В этом месте у меня возник очень интересный вопрос: а как он меня долбанул, если я была внутри, а он снаружи? Потом вспомнила, что дверцу машины со стороны Максима я открыла. И успокоилась. Еще одного крылатого йети моя нежная душа бы просто не пережила. Мне и самой себя многовато.

Меня передали на руки другому злодею, который крепко прижал меня к груди, в которой часто стучало черное сердце, наполненное коварными планами, и потащил вглубь дома.

Я убедилась, что Максима Александровича тащат за мной, проследила, чтобы его не слишком часто роняли головой на ступеньки, и решила, что могу себя немного порадовать. Ну и их заодно. Поэтому безвольно свесила руку, выпустила коготь на указательном пальце и легонько ткнула моего потаскуна в левую ягодицу.

Всего-то ничего углубилась... примерно на сантиметр.

Мужик заорал, подпрыгнул и уронил меня на ступеньки.

Я еще раз убедилась, что у нас из гаража наверх ведут ровно пять ступенек, пересчитав их своим хребтом. Каждую. Но в чувство пока не приходила. Ну не было у меня к ним чувств. И приходило было некуда. Правда, можно было воспользоваться экстазом, но его я берегла напоследок.

- Я тебя урою! - пообещал Максим Александрович, зашипев от боли и, видимо, сильно волнуясь за меня.

Вот смешной! Нашел о чем думать. Моя игра только началась.

- Если доживешь, - хохотнул его потаскун (переносчик? грузчик?), пока мой носитель-вредитель ощупывал пострадавшую половинку сидалища.

- Слышь, меня тут кто-то укусил, - сообщил подельнику этот очень образованный мужчина, не способный на ощупь отличить зубы от когтей.

Лично я бы под страхом голодной смерти его кусать не стала, особенно за то место.

- Ты че, башкой приложился? - возмутился соратник, таща Максима Александровича дальше. - Кто тя мог здесь куснуть?

- Мог, - убежденно сказал злодей, показывая окровавленную ладонь.

- Это гвоздь, Винт, - разъяснил ему первый.

- А-а-а, - кивнул амбал и подобрал меня с пола, с усилием вешая на плечо.

Передо мной открылось та-а-а-кое поле деятельности... Я облизнулась, выпустила все пять когтей и воткнула в правую половинку, чтобы той не было так обидно.

Мужик подпрыгнул и практически снес головой притолоку.

Я нахмурилась. Только ремонта мне еще не хватало.

- Слышь, - похититель одной рукой придерживал меня, а другой ощупывал то, что осталось от того, чем садятся на крыльцо, - откуда здесь стока гвоздей?

- Вот у него и спроси, - раздалось из гостиной, - когда он придет в себя.

Я нахмурилась еще сильнее. Никто, кроме меня, не может причинять Максиму Александровичу вред! Он мой! На время. Неопределенное...

Созрев окончательно для маленькой диверсии, я улыбнулась, выпустила когти на другой руке, облизала их и ощупала изнутри левую, менее пострадавшую половинку.

Мой похититель замер, потом содрогнулся всем телом, опустил меня на пол и пошел на звуки из гостиной, вытянув вперед руки.

Если учесть, что у него в организме сейчас бушевала гормональная буря, требующая немедленного жаркого секса, а меня в силу трупобразного состояния можно было сразу исключить, то оставался непривлекательный сейчас Максим и весьма привлекательные соратники. Интересно, скольких вынесет Боливар?

Боливар скопытился на первом же претенденте на роль любимой жены. Просто спустя пару минут раздался крик:

- Ты чего нажрался, гомогномик? - И раздался звук выстрела.

Я радостно потеряла ручки, вычеркивая одного из злодеев, но тут же расстроилась, потому что в гостиную следовало добираться исключительно своим ходом. И я никак не могла придумать, каким лучше. Вползание или перекатывание по полу серьезно не рассматривались. Лишних дырок в организме мне не хотелось.

- Иди посмотри, где девка! - приказал один из похитителей второму.

Вот интересно, они, как в сказке, тройцей ходят или отошли от традиций?

Я быстренько раскинула руки в стороны, изображая потоптанную розу. Благо примеров за последнюю пару дней видела немало.

- Да тут она, слышь! - шепеляво заорали надо мной, заставляя меня мысленно подпрыгнуть. - Только цо-то она как-то хреново выглядит. Может, узе кони двинула?

Я страшно обиделась и «кони двинула» ему, внезапно материализовавшись у него за спиной и сломав грубияну шею.

- Упс! - еще больше расстроилась я, поняв, что упустила свой шанс на проникновение в гостиную в бессознательном состоянии.

- Да че ты телишься? - спросил еще неизвестный мне злодей, направляясь посмотреть на нас.

Я моментально брякнулась рядом с уже молчаливым грубияном, изображая на лице отсутствие всякой мысли, совести и чести.

- Это как так?.. - поразился незнакомец, когда пощупал пульс у сотоварища и не нашел следов разумной жизни.

Там и в лучшие-то времена искать было нечего, но свое мнение я благоразумно оставила при себе.

На данный момент меня больше интересовал Максим Александрович. Поскольку нас не

пристрелили сразу, следовательно, им от нас что-то нужно. А поскольку все вот эти шкафы с антресолями – всего лишь антураж для кого-то мелкого, но с мозгами, то будем поджидать появления главного злоумышленника с коварными планами если уж не о мировом господстве, то о глобальном в отдельно взятой фирме.

Мужик, естественно, меня в расчет не взял и, легко перескочив через мое привлекательное тело, выставил пистолет и начал искать противников, не соображая, что главный его противник путается у него же под ногами. Но я по этому поводу не комплексовала. Кроме меня, его и Максима Александровича, в доме пока больше никого не было.

Так что да. Все еще ходят троицей. И сейчас мне достался самый младший из триады похитителей. Если его еще и Иваном зовут – я фарфоровую вазу на сухую сожру!

Злодей долго не злодейал. Вернулся минут через пять в полной уверенности, что своим гордым видом разогнал всех врагов.

Я милостиво позволила ему втащить меня в гостиную, где уже сидел примотанный к стулу Максим Александрович, свесив голову на грудь.

Та-а-ак, я увидела несколько свежих синяков, ссадин и лопнувшую нижнюю губу. Об отсутствии вменяемости я вообще умолчу, чтобы окончательно не выйти из себя и не показать всему миру, какие у меня красивые расписные крылышки. Кожистые...

Этот красавец с лицом облагороженной обезьяны примотал меня к соседнему стулу бельевой веревкой. Пока прикручивал – видимо, проникся ко мне теплыми чувствами, потому что присел рядом на корточки, поднял дулом мой подбородок и принялся изучать мою замечательную физиономию.

На этом месте я решила ему помочь с разглядыванием и распахнула глаза, захватывая объект взглядом.

– Черт! – Мужик отшатнулся, но зрительный контакт не разорвал.

– Не совсем, – нежно улыбнулась я, выдвигая клыки. – Но из той же семейки.

– Ты! – не удержался он на корточках и приземлился на задницу. – Ты это... не маскарад! Выплюнь вставную челюсть! Тут тебе не хавулян!

– Хэллоуин? – радостно хлопнула я ресницами и еще больше выпустила клыки, демонстрируя их во всей красе. Прошипела с чувством: – Прос-с-сти, моя портяночка, но все с-с-свое, натуральное.

– Убью! – почему-то обиделся похититель и ткнул мне в губы пистолетом.

Я скосила глаза на оружие, так заманчиво пахнущее металлом, и широко открыла рот.

Хрум! Хрум! Хрум! У злоумышленника в руке осталась только рукоятка с пусковым крючком.

– Вкусно, – сообщила я окончательно обалдевшему похитителю, переводящему безумный взгляд с меня на огрызок пистолета. – Жалко только смазки пожалел.

Внезапно хлопнули створки большого окна, и в комнату влетел на двух моторчиках милый лопухий ослик с грустными глазами в велосипедном шлеме.

– О-о-о! – закатила я глаза. – Уважаемый, вам еще не надоело за мной шастать столько веков?

– И тебе здравствуй, – невозмутимо поправил галстук-бабочку Веселый Держиш, работая под Джеймса Бонда.

– Что на этот раз отчебучите? – безнадежно поинтересовалась я, понимая, что дед все равно выскажет какую-нибудь жутко умную мысль, которую я потом буду долго и безуспешно расшифровывать. Не получалось у старика говорить нормально, мозги не так, как у всех, работали.

Припрятал я все записи стихов. Им лучше пеплом быть, чем кормом дураков, Завистников слова – что жала скорпионьи, Всем злоязыким жар души дарить я не готов, –

и Веселый Дервиш снял мотоциклетный шлем, вешая его на сгиб локтя.

– Считайте, что я прониклась, – заверила его, разрывая веревки и вставая.

Злодей попытался выйти наружу через несущую стену. Я ласково направила его в другую сторону. Если и сломает, то без ущерба для строения.

– Вот смотрю я на тебя, девушка с глазами цвета амариллиса, – завел по новой старую песню старик. – И думаю: такая умная и такая дура! Ну чего ты играешься?

– Развлекаюсь, – пожалала я плечами, наблюдая, как злодей бьется лбом в стену, пробивая себе третий глаз.

– А о себе подумать? – вкрадчиво сказал Веселый Дервиш, скармливая ослику недожеванный ОМОНОм кактус.

– Подумала, – кратко оповестила я старика, отбирая у похитителя огрызок пистолета, из которого он минут пять как пытался застрелиться. – И работаю в этом направлении. Вот бульдозер приобрела...

– Твоим бульдозером только грядки окучивать, – скривился Веселый Дервиш, поглаживая симпатичного грустного ослика по задорно торчащей гриве. – А как ты собираешься справляться?..

– Чу! – остановила я его. – Уж полночь близится...

– Вот-вот! – подтвердил старик, поправляя бутоньерку с саксаулом. – И я о том же!

– Да нет! – отобрала я у похитителя столовый нож, которым он упорно пытался зарезаться. С наскока. Но промахивался. – К нам гости пожаловали. Машина недалеко остановилась. Пойду встречать.

– Ну, мне пора, – сориентировался старик, надевая шлем. – А Ивана с собой возьмешь?

– Кого? – подняла я брови.

– Ивана, – кивнул на злодея Веселый Дервиш. – По паспорту – Иван Сидорович Петров. И ваза вон там.

– Спасибо! – надулась я, разламывая указанную вазу на кусочки и начиная хрустеть осколками, как чипсами. – Можно было и промолчать!

– И оставить тебя голодной? – хитро сощурился вредный старик, к которому я уже успела привязаться за столь долгое время знакомства. – Никогда!

– Я вообще-то металл предпочитаю, – пояснила я, дожевывая последний кусочек фарфора и отлавливая похитителя, засунувшего голову в декоративный аквариум-имитацию.

– Он там что ищет? – полюбопытствовал Веселый Дервиш. – Рыбок?

– Не-а, – фыркнула я, увлакивая в противоположный угол Ивана и вручая ему журнал для мужчин. – Смысл жизни.

– Там?!! – с недоумением уставился на имитацию старик. – И как? Нашел?

– Смысл заключается в том, – заумно ответила я, – что он не находится. Поэтому куча народу ищет и занимается делом, а не шастает на осликах и не отрывает невинных... несчастных... – о! – наивных девушек от маленьких радостей жизни.

– Брр! – пустил пузыри на голую блондинку злоумышленник.

– Мне тоже нравится, – погладила я его по коротко стриженной квадратной голове. – У тебя есть хоть что-то положительное в организме – хороший вкус на женщин.

- У него в организме есть еще что-то, - хмыкнул Веселый Держиш. - Но большая часть отсутствовала еще при рождении.

- Да ладно! - махнула я ладошкой, переворачивая страницу и показывая злодею на шикарную брюнетку в красном белье. - Будешь хорошо себя вести, разрешу вырезать и повесить на стену тюремной камеры.

- Тебе пора, - напомнил Веселый Держиш.

- Спасибо, - поблагодарила я и направилась к двери.

- А этого что - тут со своим мужчиной оставишь? - удивился старик.

- А куда мне его девать? - изумилась я. - Под мышкой носить?

- Давай с собой заберу, - внезапно предложил Веселый Держиш. - Немножко повоспитываю по дороге - и домой отвезу.

- Хорошо, - согласилась я, подводя Ивана к ослику. - Только не переусердствуйте. У него психика хрупкая и ранимая. Может не выдержать.

- Постараюсь... - на полном серьезе ответил старик. Ловко посадил злодея впереди себя на заметно увеличившегося ослика и исчез, успев, как обычно, выдать на-гора сентенцию: - Смотри вперед, девушка с глазами цвета амариллиса, но не забывай оглядываться назад!

- Точно, - пригорюнилась я, торопясь к входной двери. - Чую, стихи и напутствия не к добру. Сейчас будет какая-то гадость.

Новый визитер твердым шагом взбежал на крыльцо. И я неожиданно распахнула дверь, чтобы изучить нового врага.

На меня спокойно смотрели глаза цвета сапфира. Ноги ослабели, подкашиваясь. Съехав вниз по косяку, я не могла оторвать взгляда от мужчины.

- ТЫ?! - выдохнула я, цепенея. - Значит...

Глава 31

Давайте что-нибудь построим... когда расчистим то, что сломали?..

Ночью за мной пришли...

Тихо-тихо в мои новые покои прокралась дюжина мужчин, стараясь не шуметь. В сущности, получалось у них это скверно, поскольку все толкались и бряцали оружием.

Я проснулась уже на подходе толпы этих сайгаков, спокойно лежа в одинокой постели и размышляя, что на этот раз им от меня нужно.

Если честно, то становилось немного скучно. Моя неугомонная натура требовала хлеба (это как обычно) и зрелищ (это как получится). Поэтому я решила еще чуть-чуть полежать и посмотреть, что же мне будут показывать.

Но меня жестоко разочаровали. Все пришедшие дружно навалились на меня одну и начали связывать.

Правда, они друг другу сильно мешали, толкаясь локтями и наступая на ноги. Пришлось взять инициативу в свои руки и проследить за добросовестным выполнением задания.

- Ты, раскосый с косоглазием, - скомандовала я, садясь на кровати и расталкивая плечами новых жильцов. - Плохо вяжешь узлы. Некачественно! - Высвободила руки. - Сейчас я тебе покажу!

И показала, связав вместе двух ближайших ко мне нукеров.

- Ты это... как? - озадачился начальник, страдающий одышкой, двумя женами и пятерыми детьми. - Ты вроде спать должна?!!

Как я об этом узнала? Да очень просто. Он около моей двери всем рассказал, что такого опытного мужа и отца нужно оберегать для получения ценного опыта и мудрых советов. Все согласились. И выпихнули его вперед.

- Должна, - подтвердила я. - Но у меня на «маковые слезы» бессонница. А уж в таком количестве, которое было в пахлаве... Я теперь долго спать не буду.

Зато Саид и Ширин прекрасно спали, охраняя мой сон. И видели цветные сны. Но я не винила своих друзей. Нам всем подлили или подсыпали снотворного тем или иным способом.

- Нам тебя нужно унести, - сообщил мне начальник незадачливой команды, пока я тренировалась на двух последних стражниках вязать узлы с затягивающей петлей. - Иначе наши дети останутся сиротами! - И провел себе ребром ладони по горлу.

Я прямо расчувствовалась. Нет, правда. В моей нежной душе стали расцветать жесткие побегі совести... Поэтому я их вырвала с корнем и решила пойти людям навстречу. Но только из авантюризма. Не надо обвинять меня в мягкосердечии. Я даже не знаю, что это такое.

- Хорошо. - Я аккуратно сложила одиннадцать нукеров рядком на кровати. Что поразительно, все поместились. - Я согласна составить вам компанию в то место, куда вы имеете честь меня пригласить, чтобы не осиротить ваших малюток.

- А они?.. - кивнул обескураженный моим согласием начальник на своих подчиненных, которым я в этом момент заботливо затыкала рты газовыми шароварами.

- А зачем нам они? - нахмурилась я. - Больше - враг хорошего!

- Ну, тогда пойдем, - не стал препираться по пустякам начальник. По одиннадцати пустякам. Торжественно пообещал: - Я за ними потом вернусь.

- Какая самоотверженность! - восхитилась я, хватая его за отвороты форменной безрукавки и вытирая слезы умиления. У него.

И мы пошли. Только, замечу, как-то странно. Какими-то темными тропами и постоянно скрываясь от другой стражи. Я хотела поздороваться с Инсаром и спросить, как его здоровье и самочувствие его молодой жены, но мне зажали рот ладонью, воняющей конским потом, и уволокли в темный угол.

- Тсс! - прошептал мне сопровождающий в секретное место. - Нас тут нет!

- А где мы есть? - выплюнула я его слегка пожеванную ладонь. - Какие-то у вас чудные представления о прогулке...

- Мы уже почти пришли, - бодро заверил меня толстяк, волоча дальше по всем темным местам.

Так я узнала тeneвую сторону дворцовой жизни.

В результате нашего шараханья он притащил меня к высокому забору, сложенному из неотесанных камней и расположенному у шайтана на куличках.

Начальник достал из поясного кошелька здоровенный ключ, отомкнул массивную железную решетку, заменяющую дверь, и втащил меня вовнутрь.

Внутри, ровно посередине абсолютно пустого квадрата, располагалась решетка с толстыми прутьями, прикрывающая дыру в мощеном полу двора.

Тяжело пыхтя и отдуваясь, толстяк отпер замки с четырех сторон разными ключами, сдвинул решетку и вежливо пригласил меня спуститься:

- А ну, быстро пошла, пока я тебя туда не скинул! - И развернул веревочную лестницу.

Я индифферентно пожала плечами и полезла вниз. Мало того, мне еще приходилось поддерживать этого чересчур худенького дядю, который зачем-то полез за мной следом!

Под его хилым весом лестница мотылялась из стороны в сторону, как при хорошем ветре. К тому же смердело внутри знатно. Как будто тут пару лет ночевало стадо верблюдов и помет за ними никто не чистил. Так что я заподозрила мужчину в несоблюдении вежливости, но доказать не могла. Трудно что-то доказывать, когда такая туша норовит сесть тебе на голову и ножки свесить.

С некоторыми приключениями мы все же добрались до низа, где всех вязальников начальник пополз по грязному полу, что-то выискивая.

Вот интересно... сколько мне нужно навешать лагмана на уши, чтобы я поверила в романтическую прогулку? И в невинные намерения.

- Нашел! - счастливо воскликнул немного замызганный толстячок, выуживая толстую ржавую цепь с кольцом на конце и как бы ловко защелкивая его у меня на лодыжке.

Ага, ловко! Застегнул только потому, что я из чистого сострадания подошла ближе, в картинках представив, как я буду бегать от него по периметру зиндана.

Конечно, я знала, куда меня привели, и уж тем более отлично понимала, по чьему приказу. Все это настолько лежало на поверхности, что даже лень было брать.

- Вот, теперь сиди тут, - напутствовал меня мужчина, удовлетворенно рассматривая дело рук своих и отряхивая потные ладони. - И никуда не уходи! - И заржал над старой как мир шуткой.

- А то что? - звякнула я цепью.

- А то плохо будет, - сурово сообщил он мне и полез наружу.

- Кому? - только успела спросить я, как он сорвался с середины веревочной лестницы.

Мне стало жалко пол. Он и так грязный. Зачем еще больше пачкать?

Я рванула цепь, выдернула ее из стены и шустро подхватила толстячка на подлете.

- Вы как себя чувствуете? - ласково поинтересовалась я, удерживая мужчину на руках. - Голова в порядке?

- Нет, - прижался ко мне мой пленитель. - Мерещится всякое. Ты вот, например.

- Я не мерещусь! - обиженно брякнула я его на ноги. - Стало бы всякое «всякое» вас ловить!

- Так я пошел? - не стал спорить со мной мужчина, украдкой вытирая пот и грязь подолом когда-то форменной рубахи.

- Идите, - разрешила я. Дождалась, пока он залезет минимум на пять ступенек, и с ухмылкой издевательски сообщила: - Только я вот тут у вас непристегнутая осталась. - И показала ему выдранный с камнем конец цепи.

- Безобразие, - возмутился начальник и слез.

Снова поползал в залежах грязи и нашел вторую цепь. После чего торжественно нацепил ее мне на вторую лодыжку.

Мы оба полюбовались проделанной работой, и я благословила его на подъем. Только кто б еще и залез! Пришлось жертвовать второй цепью и снова ловить.

Пленителю на моих нежных ручках окончательно поплохело. Он расчувствовался, обнял меня за шею и страстно прошептал:

- Ты когда-нибудь оставишь меня в покое? Я ж по приказу... А тут всегда ты!

Я окончательно обиделась и, наплевав на прежние благородные намерения - устроить дяде сейчас курс гимнастических упражнений и снизить тем самым износ лестниц, - вышвырнула его наружу.

Не рассчитала. Швырнула прямо над головой, и он полетел вертикально. Снова пришлось жертвовать собой и ловить обратно. Поймала, побаюкала. Свернула более компактно и запулила под углом.

Судя по звуку, у зиндана одной стены точно не стало. Но вылезать и смотреть мне было лень. Тем более что, если я правильно все понимаю, это личная темница Заремы. И сюда, кроме ее лизоблюдов, никто не сунется.

Нанести урон врагу - милое дело. А вот выкосить половину obsługi свекрови - это небольшой перебор, который немедленно придется исправлять и зачищать всех.

Я все-таки ошиблась. Спустя какое-то время начальника подобрали и решетку задвинули. Но перед тем, злорадно хихикая, кинули мне вниз шевелящийся мешок, предварительно вытащив лестницу.

- Какая заботливая у меня свекровь! - порадовалась я, развязывая мешок и вытаскивая оттуда громадную песчаную эфу. - Но скупердяйка! Могла бы меня и королевскими кобрами побаловать, - сердито выговаривала я, выламывая у змеи ядовитые клыки и откручивая голову. С хрустом вгрызаясь в ее туловище, пробурчала: - Это же дешевка! Есть совсем не хочется! Под каждым барханом таких полно.

Змеи, к сожалению, скоро почти закончились. Тогда я придумала новую игру - я их ловила и связывала. Бантиком. Когда парные пресмыкающиеся закончились, я тех, кого не съела, стала лепить в один большой красивый шар, головами наружу. Получилось очень даже симпатично. Жаль, показать некому...

Но тут моя креативная (благодаря Веселому Дервишу словечко прицепилось) родственница решила подогреть мой интерес к происходящему и отдала команду выпустить на меня отборных крыс. Сама, что ли, откармливала? Вот, спрашивается, чего ж ей не спится по ночам? Все интриги плетет. Кустарщина! Я змей и то лучше сплела...

Крысы со мной дело иметь не захотели и кучковались у противоположной стены, заговорщически перепискиваясь с нотками паники.

- Смотрите, - похвасталась я, перекидывая с руки на руку ажурный змеиный клубок, - какой у меня шарик!

Уж не знаю, что им так не понравилось, но грызуны всем скопом полезли наверх, чтобы высказать свои претензии начальству.

- Мы так и не обсудили народное творчество! - надулась я и запулила свое творчество наружу.

Тех, кто караулил около решетки, стало меньше...

- Чем еще порадуете? - закричала я, подняв голову. - Есть какие-то более интересные варианты?

Оказалось, что есть! Зарема выпустила на арену против будущей невестки последний оубойный аргумент - тигра-убийцу.

Животное выскочило на меня из поднятой в одной из стен замаскированной решетки. Я решила не отставать и выскочила на него. Чем я, в конце концов, хуже?

Мы сошлись грудь в грудь. Блеснули глазами и показали друг другу клыки. И тигр сбежал... устыдился, что груди нет? Так я бы на это внимание не обратила. Главное же что?.. Главное - компания!

- Все! - завопила я, разочарованная во всем белом свете. - Я вконец обижена! Пауков, скорпионов и тарантулов беру оптом! Можете на мне не экономить! Кидайте сюда побольше! Я с вечера голодная!

Наверху зашшукались, и на время все стихло.

Я послонялась по каменному мешку, потанцевала, звеня цепями вместо аккомпанемента, и заскучала.

Но Зарема не могла спать спокойно и измыслила еще одну мелкую пакость в крупных объемах. Меня начало топить.

Изо всех зарешеченных отверстий в стенах каменного колодца начала течь вода, прибывая с ужасающей быстротой. Мне не очень хотелось проверять возможность дыхания без дыхания. Поэтому, выпустив когти и пользуясь ими, словно кинжалами, я полезла наверх, по дороге вспоминая всех врагов.

Две тысячи ловушек ты расставил на моем пути, И грозно повелел во тьме сквозь них пройти, И говоришь мне, своему рабу: «Оступишься - убью, убью, убью!» -

раздалось за моей спиной.

Я обернулась. Рядом плыл маленький лопухий ослик с грустными глазами.

- Вы тут все в зиндан рухнули? - вытаращилась я на Веселого Дервиша, не забывая шустро перебирать руками и ногами.

Слава Творцу, спать я завалилась одетой в рубаху и шаровары из плотного хлопка! Так что ткань меня сейчас хоть и облепляла, зато не просвечивала. Дедушке уже поздно на такое смотреть, а ослику еще рано.

- Девушка с глазами цвета амариллиса... - торжественно начал старик.

Я сверкнула на него слегка злобным взглядом, осветив красноватым светом.

- Это я уже выучила, почтенный, - фыркнула я, дотягиваясь до решетки над головой. - Пофилософствуем или наружу полезем?..

- А что ждет тебя там? - пространно осведомился Веселый Дервиш, повисая рядом на руках и держа ослика ногами.

- Не знаю, - призналась я, осматривая поле деятельности или, вернее, ранний завтрак. - Но то, что тут, я уже видела. Мне не понравилось!

- Тогда иди навстречу...

Тут я вцепилась зубами в решетку и откусила приличный кусок.

- Вы что-то хотели сказать? - поинтересовалась я у нервно сглатывающей слюну парочки.

- Да нет, - спохватился старик. - Нам пора. Мы уже все сказали. Выход там! Всего доброго! - И исчез вместе с таким симпатичным упитанным осликом.

- Эти хоть попрощались, - пробурчала я, выедавая себе путь наружу.

А снаружи меня никто не ждал.

Я подтянулась на руках, вылезла и пошла к себе через внушительный пролом в стене.

Так и пришла. Мокрая, злая, голодная, с железными браслетами на обеих лодыжках и двумя цепями через грудь крест-накрест, освещаемая тусклым светом масляных светильников.

А в покоях тем временем хрупкая Ширин держала круговую оборону, подперев дверь десятью нукерами и жестоко пытая щекоткой одиннадцатого, чтобы выяснить мое местонахождение.

Мужик уже плакал от смеха, но молчал. Потому что кто-то в запале забыл вытащить у него изо рта мои шаровары! И вояка их почти сжевал от счастья наконец-то попробовать настоящий тонкий шелк Срединного царства.

- Он тебе ничего не скажет, - мрачно сказала я, влезая через окно.

Все равно уже терять нечего, поскольку я распугала своим видом одну половину гарема. Во второй мне пугать было некого. Их пугал Ясир.

- Это что? - ткнула пальчиком в мои цепи рыжая, предварительно ощупав мою голову.

- Закуска, - еще мрачнее сказала я, исподбровья оглядывая одиннадцать нахлебников. Заложников вроде как полагалось регулярно кормить. А у меня столько шаровар не было! - И ничего, - фыркнула я. - Отказалась от остального угощения и вернулась сюда. И прекрати меня трогать!

- Не могу, - призналась Ширин, с трудом убирая от меня руки. - Ты мне дорога как память о хорошей жизни и возможности выйти замуж.

Я пожевала губу и решила промолчать. Сначала еда - потом болтовня! И, отвернувшись в углу, я деловито захрумкала печенюшками и плюшками из железа, столь любезно предоставленными мне будущей свекровью. Печеньица и плюшки были несвежими, проржавевшими и долго выдержанными. Уважающая себя хозяйка такую каменную сдобу дорогим гостям на стол не подает. Но что поделаешь, дорогим гостем я себя не ощущала, мама Агилара уважающей себя хозяйкой тоже не проявилась. Один-один.

- Давай мы сейчас обсудим... - начала мне говорить о чем-то подруга, пока я все так же меланхолично справлялась с цепями.

Но выразить свою очень умную мысль ей не дали. Сдвинув в сторону десять нукеров, к нам, гремя железом, вошли двадцать четыре стражника. Самый главный из них сказал, храбро заикаясь в мою сторону:

- Г-г-госпожа Зарема хочет вас срочно видеть!

- Скажи г-г-г... Зареме, что сейчас не время! - взбеленилась Ширин, вставая уже на мою защиту.

Маленькая, встрепанная, в измятой ночной одежде, со сверкающими глазами, она все равно выглядела грозной воительницей древности. Еще трезубца и копья со щитом для полной картины не хватало.

- Да ладно, - махнула я на нее ладошкой. - Пойду схожу. Вдруг еще чем-то вкусным

накормят. - Причмокнула: - Сто лет свеженькой кобры не пробовала!
Стражники сбледнули и попятились.

Глава 32

Не давайте возможности женщине выйти из себя. Она может выйти не одна...

До мамы меня не довели...

Выманив обманом наружу, запихали в железную клетку и обмотали ее цепями, злобно хихикая и радуясь своей находчивости.

- Это вам даром не пройдет, - сообщила я, еле сдерживаясь, чтобы не показать место, куда им нужно пройти и что следует посмотреть. Но начинать все же было бы правильно с Заремы.

И вообще, до возвращения Агилара мне чем-то было нужно заниматься. Почему бы не попутешествовать?

Я знала, что Ширин и Саид позаботятся обо всем остальном и доложат Агилару о моей временной отлучке. Главное, оставить за собой след, по которому меня можно будет найти.

- Молчи, презренная! - прикрикнул на меня один из нукеров и показал плеть.

Такой я еще не видела и поэтому отобрала, чтобы посмотреть. Мужик оскорбился и начал топтать ногами и требовать ее обратно. Я кокетничала, обмахиваясь плетью, и не отдавала. Тогда он показал мне саблю. Ее я тоже взяла. А чего не взять, если настойчиво предлагают, тыкая в разные места?

Остальным показалось обидно, что я взяла только у одного, и они тоже предложили мне свое оружие. Я извернулась, но никого не обидела! В результате сидела в запертой клетке, обмотанная цепями, на куче оружия всех сортов и размеров.

- Дочь шайтана! - ругались нукеры, скалились, но клетку открывать не стали.

Понадеялись, что заберут свое добро обратно, когда меня оттуда вытащат. Напротив, набросили на клетку кожаную накидку, скрывая мой светлый лик ото всех.

Тут уже обиделась я и покромсала кожу на ленточки, пообещав, что в следующий раз потренируюсь на всех, кто рядом. После этого от меня все держались на расстоянии оглобли.

- Зря надеетесь, - зловеще ухмыльнулась я, притискивая лицо к решетке. - Длина руки увеличивается пропорционально сабле в этой руке.

На что мне подарили кувшинчик с вонючим маслом, связку смердящих овощей и деревянные бусы.

- Ой, спасибо! - расцвела я. - Так приятно получать незапланированные подарки. - И пробовала на зуб бусы.

И тогда мне подарили еще медальон, свиток с корявыми надписями и феску.

- А что? - засмутился мужчина, пожертвовавший мне головной убор. - Мама всегда говорила: это единственное, что сохраняет мою голову.

Меня это признание так растрогало, что я пообещала:

- Я теперь всегда буду носить ее у сердца! - И прижала феску к груди. - Ни у кого второй не заваялось? Для пары?

Мужчины пожадничали и не дали.

- Ну и ладно, - не стала капризничать я, наслаждаясь поездкой по саду.

Меня выкатили за ворота, где нас ожидали странные, на мой неискушенный взгляд, личности. Я бы им даже завязку от кошелька не доверила, не то что себя. Но меня спросить о том забыли, когда передавали с рук на руки. Пришлось известить всех самой.

- Красавчики! - позвала я чумазных личностей неопределенного возраста в живописных лохмотьях. - Со мной можно нажать только кучу неприятностей. И если в этом вы находите определенное удовольствие, тогда мы, возможно, сработаемся...

- Молчи, женщина! - рявкнул главарь, страдающий отсутствием передних зубов. - Твое место в клетке!

- А ваше? - полюбопытствовала я, чтобы прояснить ситуацию.

- А наше здесь! - подбоченился главарь, передавая нукерам тощий кошелек.

- Тогда я лучше тут посижу! - поспешно согласилась я, усматривая ползающих по новым знакомцам вшей.

- Забирайте девку, - разрешили нукеры. - Только мы сейчас оружие свое достанем...

- Как вы вообще умудрились его девчонке отдать? - полюбопытствовала одна из немых личностей.

- На хранение сдали, - буркнул начальник, отпирая клетку.

- Вечное, - вцепилась я в дверцу. Радостно объявила: - Все, что мне в руки попало, то навсегда пропало! Свойство всего женского рода!

- Отдай! - взъярились стражники, вцепившись в дверь со своей стороны. - Это наше!

- Мое! - непоколебимо стояла я на уже своем оружии.

- Счас получишь! - пригрозил мне один из нукеров, засучивая рукава рубахи.

- Еще? - обрадовалась я всеми фибрами души, склонной к металлу.

- Быстро давай сюда! - Дверца клетки тряслась не на шутку.

Я поняла, что имею перевес в численности противника, и быстро-быстро начала обглаживать ближайшую ко мне саблю.

Все остолбенели.

Спустя пять сабель и два разрыва сердца...

- Мы ее не возьмем! - категорически отреклись от меня немые личности, плюясь почище своих верблюдов и ругаясь на чем свет стоит. - Она нам не подходит!

- У нас договор! - чуть не рыдал начальник стражи, с неопикуемой скорбью во взоре держа в руках голую рукоять своей любимой сабли. Этим наличие сабли полностью исчерпывалась, сохранилась одна несъедобная рукоять.

И чего там жалеть, спрашивается? Одно название. Сталь была дешевенькая, некачественная. На один укус.

- Нам ее не прокормить! - пояснили немые личности и тихо смылись, оставив меня со стражей наедине.

- Я тебя сейчас здесь закопаю! - заорал один из нукеров, начиная трясти клетку.

Глядя на меня, мужик впал в раж и стал, брызгая слюной, грызть прутья.

- Нечем, - спокойно заметила я, незаметно отодвигаясь. Вдруг бешенство заразно?

- Тогда убью! - вынырнул из ступора второй. - Ты сожрала самое святое - наше оружие! И оставила нас без работы и куска хлеба!

- Не факт, - отказалась я брать этот груз на свою хрупкую совесть. - Меня можно еще раз кому-нибудь продать. Или Зареме пожаловаться...

- Ей пожалуешься, - пробурчал начальник.

- Лучше убить! - упорствовал особо буйный.

- Смысл? - философски поинтересовалась я. - Ничего ж взамен не получите.

- А душу отвести? - выдал кто-то идею.

Идея не прижилась. Удовлетворение все предпочитали материальное или, в крайнем случае физическое.

Я поймала на себе несколько горячих взглядов, поежилась и осторожно заметила:

- Я вообще-то мужчин живьем не ем принципиально. Из-за избытка волосатости, немытости и костлявости. Но могу и отступить от своих правил...

- А чего назад не просишься? - спросил самый молодой и наивный, которого до этого оттирали в дальние ряды и поэтому он сохранил свою саблю и психику в неприкосновенности от моего желудка.

- А что, вернете? - хлопнула я на него ресницами, удивляясь извилистости мысли человеческой вообще и мужской в частности.

- Нет! - злобно отрезал потный и разнервничавшийся начальник, оттаскивая молодого бойца, который остался единственным боеспособным членом отряда.

- Тогда зачем просить? - меланхолично ответила я вопросом на вопрос, опускаясь на пол и увлеченно следя за ходом спора.

В результате начальник побегал вокруг да около, выщипал себе в расстроенных чувствах полбороды и справедливо рассудил, что лучше получить за меня, чем от меня. С тяжким вздохом он велел:

- Везите ее на рынок! Будем... пристраивать!

Кто не был на городском рынке, тот никогда ничего интересного не видел! Потому что нет оживленнее места во всем городе. Под протяжные крики водоносов: «Вода-а-а, вода-а-а», - вас попытаются обчистить или обмануть. Зычные крики мелких торговцев перемежаются воплями погонщиков. Кричат ишаки, орут верблюды, ржут продаваемые лошади.

Радуют глаз и нюх пирамиды всевозможных лакомств и завлекательные запахи плова, жареных потрохов и мяса, специй. Вот еще пару шагов - и в ноздри бьют яркие ароматы благовоний, а в глаза - насыщенные цвета ковров и блеск украшений. И ягоды-орехи-овощи-фрукты-фрукты-фрукты... желтые и красные, синие и зеленые, малиновые и оранжевые. Гладкие, колючие, шершавые, круглые, овальные, приплюснутые... Виноград. Круглый и продолговатый, желто-зеленый, розовый, красный и черно-фиолетовый...

По периметру базара множество маленьких чайхан, где расслабленные гости и жители ведут переговоры и пьют из маленьких чашечек-пиал чай или отвары трав, заедая пахлавой, а иногда теплыми пшеничными лепешками.

Мне аж плохо стало, и побежала слюна. Но мне поесть-попить никто из похитителей не предлагал, так что сабель в моем убежище стало еще на парочку меньше.

Торговали долго. К вечеру от меня отказались все! И меня спланировали бедуинам - и то... только потому, что сверху доплатили сами нукеры, вытряхнув из карманов все заначки.

Воины-бедуины равнодушно пожали плечами и взяли вместе с мелочью, вытащив меня из клетки и закинув на верблюда. Поперек. Что меня сильно возмутило.

- Лежи спокойно, женщина, - сказал предводитель, присаживаясь на корточки и отводя волосы от моего лица, чтобы рассмотреть получше. (А поздно! Раньше надо было разглядывать, караван ушел!) - И ты будешь жить.

- Тьфу! - выплюнула я верблюжьей шерстью. - С кем?

- Что - «с кем»? - не понял меня смуглый чернявый мужчина с резкими чертами лица и

огрубевшей кожей.

- Жить с кем? - нахмурилась я, елозя животом по животному. Во как сказала!

- С нами, женщина, - блеснул белоснежными зубами предводитель. Пообещал: - У меня много сильных воинов, тебе хватит.

- А их точно хватит? - пробурчала я, не испытывая ни малейшего страха, зато ощущая дикий прилив энергии и возбуждения.

К этому примешивалась непонятная острая тоска. С чего бы это? Никак железа переела.

Стражники в это время смылись по-европейски (мне Саид про этот обычай рассказывал), чтобы им меня обратно не всучили.

Предводитель вскочил на моего верблюда и с чувством хлопнул меня по заднице. Я, в свою очередь, лягнула животное, и мы бодро потряхали из города в пустыню. Всей большой и дружно навязываемой мне семьей.

На воротах нас остановили стражники:

- Кого везете? Бумаги есть?

Предводитель вытащил из-за пазухи свернутую бумагу и отдал караулу.

Вот же предусмотрительная тварь! Все продумала! Это я про Зарему. Нехорошо так о будущей маме, но я тихо и про себя.

- Почему в таком виде? - поинтересовался один из караула, пристально разглядывая меня, подметающую дорожную пыль волосами.

- Она немного не в себе, - спокойно сказал предводитель. - Умом повредилась.

- Это от большого счастья, - подтвердила я. - Мне тут сказали, что все это, - ткнула я пальцем в сторону остальных воинов, - теперь мое. Не знаю, как переварить!

- Гы-гы! - заржала стража, держась за животы.

- Какое редкое имя - Амариллис, - задумчиво произнес начальник караула, возвращая бумагу. Протянул: - Где-то я уже такое встречал...

- А вы у Агилара поинтересуйтесь, - дружески посоветовала ему я, пытаюсь пожать плечами. Заверила: - Ему будет приятно обо мне услышать.

Стражник хмыкнул и покрутил пальцем у виска:

- Точно с придурью!

Ворота открыли, и нас выпустили наружу.

Мы снова потряхали по пескам, отдаляясь от города. Спустя некоторое время у предводителя возник вопрос:

- Откуда ты знаешь Агилара, женщина?

- Да я вроде как должна была стать его первой женой, - честно ответила я, стараясь меньше елозить по животному. Почти себе под нос: - Пока меня не украли...

- Тогда почему ты здесь? - не поверил мне кочевник.

- Происки врагов и желание посмотреть мир, - призналась я, отплевываясь от верблюжьей шерсти. Немытой и нечесаной.

- Поворачиваем! - велел спустя какое-то время предводитель в светлой одежде и полосатом платке, закрепленном на голове двумя темными обручами.

Ну да. Быстро среагировал. Не прошло и часа. После того, как поскреб бороду, затылок и что-то там еще, олицетворяющее у него думательный процесс.

Рявкнул:

- Я не хочу приобрести такого мстительного и могущественного врага, как военачальник Агилар из рода Ясарман!

- Это правильно, - немедленно согласилась я. - У него очень странные методы убеждения в правильности своей точки зрения. Вам может не понравиться.

Наш отряд развернулся и поскакал обратно, чтобы сильно обрадовать Зарему.

А так вот! Ей теперь по гроб жизни от меня не избавиться! Пусть это будет маленькая, но гордая месть этой тетке!

Пока я строила планы мести и вредно хихикала, на нас налетел еще один отряд кочевников, внезапно выскочивших из-за барханов.

- Шайтан! - выругался предводитель и скинул меня с верблюда на песок, обнажая саблю. - Спрячься, женщина, и молись Творцу!

- Еще чего, - фыркнула я, отползая из-под копыт. - Зачем его беспокоить такой ничтожной проблемой?

В спускающейся на землю темноте началась жестокая битва. Мужчины сшибались не на жизнь, а на смерть. Слышались лязг сабель и яростные крики.

Рядом со мной на песок упал раненый воин из моего отряда, зажимая страшную рану в животе.

- Прячься, - прошептал он немеющими губами. - Тебя ждет участь страшнее смерти...

- Это мы еще посмотрим! - заверила его я, раздувая ноздри и впитывая металлический запах крови.

Внутри проснулось и зашевелилось что-то древнее и страшное. Что-то, что подсказывало мне, как поступить. Что-то, ударившее мне в голову и затмившее нормальное зрение.

Мир окрасился в оттенки фиолета. Перед глазами кружился и падал черный снег. Настоящая вьюга, леденящая снежная буря. Для меня наступила полутьма, обострилось обоняние. Из груди неожиданно вырвался страшный звериный рев, заставивший испуганно застыть всех присутствующих. Показались когти. Сердце гремело в ушах набатом.

Я оглядела сражающихся налитыми кровью глазами, сжала в руке скользкую от чужой крови саблю и пошла наводить свой порядок на отдельно взятом куске пустыни. Мне так хотелось. К этому звали моя кипящая от возбуждения кровь и сосущее чувство усиливающего голода.

Не знаю, сколько длилось избиение противника. Меня в это время просто не было. Моим телом двигало нечто пугающе-жуткое, сидящее внутри меня и заставляющее собирать богатый урожай смерти.

В какой-то момент левая рука обзавелась второй саблей, и оба лезвия стали описывать смертоносные круги, выкашивая ошеломленного противника. Все сопровождалось жутким, леденящим кровь врага ревом.

А враги даже не сопротивлялись. Или мне так показалось? Либо я двигалась намного быстрее, нежели обычный человек, либо они впали в оцепенение от моего нападения.

Вскоре все было кончено...

Я стояла, сжимая в руках сабли, на маленьком пяточке, усеянном мертвыми телами и обильно политом кровью. В широко раздувающиеся ноздри вривались запахи битвы, и наступало насыщение. Постепенно успокаивалась отнимающая разум черная пурга перед моим внутренним взором. По всему телу разливалась томная нега.

Ко мне подошли оставшиеся в живых члены моего отряда. Покрытые потом, пылью и

кровью мужчины опустили на одно колено и положили свое оружие на песок, склонив передо мной головы.

- Наш пророк предсказал... - тихо начал предводитель, не поднимая на меня глаз. - Что придет дитя пустыни и возглавит наш род, приведя его к процветанию...

- Но-но! - перебила я его, втыкая сабли в песок и очищая оружие от крови. - Без фанатизма! Ваш пророк, дай Творец ему долгих лет жизни и светлого разума, как-то все абстрактно предсказал... И явно не обо мне. Дитем меня назвать трудно, уже грудь вымахала...

- Это да, - вякнул кто-то из задних рядов.

- Вот! - ткнула я в этом направлении пальцем. - Слова настоящего мужчины с хорошим зрением! Во-вторых, я не сама пришла, вы меня привезли...

- Это такие мелочи, - вклинился предводитель, не желая расставаться со своей мечтой.

- Ты мою грудь называешь мелочью? - нахмурилась я, прокручивая в руках сабли. - А если я обижусь? - Обрадовала их компанию: - Кстати, мне нельзя ничего возглавлять. Я существо чрезвычайно вредное и страшно подверженное настроению. Неизвестно что натворить могу. Вот как сейчас...

- Но все-таки, - не сдавался предводитель. - Все указывает на...

- Все указывает на то, что меня пора покормить! - твердо прервала я его. - Иначе уже никто никуда не пойдет!

Предводитель не стал искушать судьбу в лице моего ненасытного желудка и быстро согласился.

Мы отошли на приличное расстояние от места сражения. Меня усадили на бархан, выдав верблюжью попону и фляжку с водой. Мужчины насобирали сухого саксаула, и вскоре весело затрещал небольшой костерок.

Вскоре мне выдали несколько полосок вяленого мяса, плоскую похлебки, ячменную лепешку и чашку с горячим душистым чаем.

- Спасибо, - поблагодарила я, принимая подношение. - Как раненые?

- Выживут, - кратко ответил предводитель, усаживаясь рядом. - Что-то еще, дева?

- Оставь «деву» себе, - посоветовала ему я. - Меня тут Амариллис назвали, и мне это имя нравится. Так что можешь меня так называть.

- Я - Рашид, - представился предводитель. - Возглавляю один из кланов рода.

- Очень приятно, - прочавкала я, дожевывая лепешку.

- А?.. - решил провести дружескую беседу мужчина, внимательно разглядывая меня прищуренными глазами.

- Разговора по душам не будет, - заверила его я, потягивая чай. - У меня душа устала и разговаривать отказывается. Так что извини, Рашид, в другой раз. Если с Агиларом о нем договоришься.

- А если я ему тебя не верну? - еще больше прищурился Рашид. - За такую деву мы можем и повоевать.

- Не стоит, - фыркнула я чаем. - Я всегда буду на его стороне. И потом - чего напрягаться? Он меня сам найдет. - Я прислушалась к ощущениям. - Уже ищет. На рассвете будет здесь.

- Откуда такие сведения? - удивился Рашид, не слишком мне доверяя.

- Из глубины души, - вздохнула я, потуже заворачиваясь в попону. Стало чуть прохладнее.

Где-то неподалеку заиграл дутар.

- Ой! - обрадовалась я, переводя тему, пока меня еще о чем-то необъяснимом не спросили. - Музыка!

- Азиз! - крикнул предводитель. - Наша дева хочет послушать твою игру!

Я не стала указывать мужчине, что девой я была уже очень давно, чтобы не вызывать новых расспросов и уговоров побыть ею еще.

К нам приблизился стройный гибкий мальчик с только начинающим пробиваться пушком на лице и низко поклонился.

- Мой сын, - гордо сказал Рашид. Приказал: - Сыграй нам что-нибудь.

Полилась грустная мелодия, трогаящая душу.

Внезапно на ум пришли слова, которые сложились в строчки, и я замурлыкала себе под нос:

С ума ты сходишь от любви. Она к тебе навек пристала, Она твоей душою стала, Твои копируя шаги. С ума ты сходишь от любви. Она твои обняла плечи, Притиснув жаростно к груди. Боролся ты, сражаясь с чувством, Достоинство свое храня. Неблагодарное искусство - Любить меня, а не себя...

Музыка стихла.

- Госпожа, - позвал меня Азиз. - Можно я запишу ваши стихи?

- Пользуйся, - расщедрилась я, чувствуя себя чуть ли не благодетельницей.

В это время из-за бархана показалась симпатичная морда маленького лопухого ослика. Я шустро вскочила с места, невежливо уперлась в нее рукой, запихивая обратно и причитая:

- Нашли время, когда прийти! Они и так не знают, что со мной делать!

- Да мы послушать! - обиделся Веселый Дервиш.

Ослик согласно закивал и состроил умильные глазки.

- Кто там? - вытащил саблю из ножен Рашид. - С кем вы там разговариваете?

- Тут ко мне дедушка на огонек зашел, - сказала я. - С другом! И уже уходят! Чаю для них не надо, самим мало!

- Откуда он взялся? - хмурил брови кочевник, к которому начали стекаться все члены отряда.

- Мимо шел! - загоразживала я пришельцев. - Случайно! И на меня наткнулся!

- Вообще-то, - подал голос Веселый Дервиш, - мы тебя специально искали, чтобы сказать:

Коль ты герой - то сразу худший из людей, Если отшельником живешь - так вообще злодей, И будь хоть ты талантлив, как великий гений, Спокойно проживешь, лишь если прячешься в безвестье.

И добавил:

В ночной тиши вступаю в храм родной, Не буду здесь просить Творца себе судьбы иной, Недавно коврик я стащил отсюда - Он истрепался, будет мне другой.

- Сказали? - вызверилась я. - Все! Я поняла, запомнила гробокопательские сентенции и начинаю веселиться!

- А почему твой дедушка так странно разговаривает? - удивился Рашид, обходя меня

стороной, чтобы полюбоваться на ослика.

Право слово, не на Веселого Дервиша же ему глазеть!

- Потому что моя внучка, девушка с глазами цвета амариллиса, - хитро прищурился старик, пряча усмешку, - никогда не слушает старших. Приходится ей постоянно об этом напоминать.

- Все, деда, - истово закивала я, не зная уже, как прикрывать эту парочку. - Я просветлела рассудком и зашевелила мозгами. Могу я теперь побыть в одиночестве с этими милыми мужчинами?

- Да пожалуйста, внученька! - хмыкнул старик. - Только помни, что ты - не то, кем кажешься, а та, кем себя ощущаешь! - И растаял, подлец такой!

- Веселый Дервиш! - полетел по отряду тихий шепот, и все дружно брякнулись на колени.

- Приплыли! - уныло сказала я. Помолчала, глядя на коленопреклоненных мужчин, и безнадежно поинтересовалась: - Тут нигде поблизости большого дерева нет?

- Зачем вам? - осторожно спросил Рашид, всем своим видом показывая, что если надо, то сейчас же посадит, вырастит и мне преподнесет.

- Повеситься хочу, - призналась я. - Или, в крайнем случае, вырвать с корнем и отгонять назойливых незваных гостей!

Глава 33

Все в жизни меряется сексом. Мало – импотент, много – бабник, средне – вообще не обсуждается...

На рассвете до нас дополз белый конь в пене и Агилар в пыли. Он застал дивную картину: меня, сидящую на вершине бархана и завернутую в попону, и кочевников, окруживших этот бархан, все так же стоящих на коленях. Идиллия! Я клацала зубами от холода – они клевали носами от недосыпа.

- Ты обещала меня ждать! – рявкнул разъяренный мужчина, удостоверившись, что я живая.

- Я же не сказала – где, – фыркнула я. – Сижу жду, как видишь.

Агилар побагровел.

- Вижу! – заорал он еще громче, пытаясь прорваться сквозь строй оживших кочевников. – Как только я за дверь, так ты по уши в мужчинах!

- По ноги, – педантично поправила его я. Отчитала дымящегося от ревности воителя: – Не надо мне приписывать несуществующие заслуги. Сколько раз повторять – мне чужого не надо!

- Ты как с нашей девой разговариваешь?! – окончательно проснулся Рашид и вышел вперед, загораживая дорогу Агилару.

Чудесно! Только его для вмешательства в нашу перепалку и не хватало.

- С кем?.. – прибалдел Агилар, разглядывая еще одно неожиданное препятствие.

Потом перевел вопросительный взгляд на меня. Я скромно пожала плечами.

- Это моя жена! – на всякий случай рыкнул Агилар, снова обращая внимание в сторону Рашида и начиная меряться с кочевником гневными взглядами. Вроде того – кто тут самый-самый и еще чуть-чуть самее...

- Насчет жены мы ничего не знаем, – сказал за всех предводитель, переведя глухой ропот на нормальный язык. – А вот то, что она дева, мы знаем точно!

- Откуда?! – пораженно выпустил пар всеми отверстиями Агилар. – Как вы это определяли?!!

- Мы видели! – уверенно сказал Рашид, строя заслон из кочевников. – Своими, между прочим, глазами!

Пораженный этим заявлением, Агилар чуть не рухнул.

- И куда смотрели ваши глаза?.. – напрягся второй военачальник паши, оглядываясь на свой отряд сопровождения, появившийся из-за ближайшего бархана.

- Вдаль они смотрели! – ядовито подсказала я своему отряду. – В светлую, но... ночью! – Обратилась прямо к своему невыспавшемуся чуду со вздыбленными волосами, потому что его головной убор потерялся: – Чего глупые вопросы задаешь? Тут Веселый Дервиш опять мимо пробежал. Видишь, как наследил.

- Что, это все он оставил? – почему-то еще больше разозлился Агилар. – И мне снова все это разгрести?

- Это когда ты разгрести? – поднялась я на ноги. Возмущенно: – Я одна отдуваюсь за двоих! А иногда и за пятерых! Судя по тому, что мне подсыпают, подливают, подкладывают и бросают! – Напомнила с упреком: – Другая бы уже траурные шаровары мерила, а я все перевариваю!

- Мужественная дева! – поддакнул Абдула, стоящий ко мне ближе всего.

Я хлопнула его по куфии и обиделась:

- Это ты мне вроде как воздал хвалу, неуч? Где, где у меня усы? У меня даже на преддверии...

- Амариллис! - заорал Агилар во все горло. - Такие вещи никому рассказывать не нужно!

- Завидовать будут? - сощурилась я. - Или сострадать?..

Кое-кто закашлялся.

- Может, ты все же ко мне спустишься? - сменил гнев на милость Агилар, заходя с другого бока. Вроде того - кнут я тебе уже показал, сейчас будет пряник.

А у меня эта... как ее... дие... в общем, фигуру я блюду, вместе с собой.

- Зачем? - фыркнула я. - Мне и тут неплохо. Смотри, все есть: песок, солнце, мужчины. Чем не рай?

- Не нервируй меня! - предупредил снова помрачневший Агилар, скрипя зубами. - Я ж могу и руку...

Я ухмыльнулась. Руку? Ага-ага. Вот только чью?

- Нашу деву трогать нельзя! - тоже насупился Рашид, влезая в наш семейный конструктивный диалог. - Она неприкосновенна!

- Ты сам понял, что сказал? - вытаращился на него Агилар, даже забывая злиться. - Она моя жена!

- Будущая! - норовисто поправила я. - Так что тут есть простор для философствования...

Из-за бархана показались лопухие ослиные уши.

- Я передумала! - мгновенно поменяла я свои показания. В конце концов, мое мнение: хочу меняю, хочу стою на нем... до конца... оппонента! - Согласна выйти за тебя прямо сейчас, - быстро пробормотала я, - только увези меня отсюда! И желательно в такое место, куда нельзя попасть посторонним!

- Я твой дедушка! - раздалось из-за бархана. - Ты сама вчера меня признала родственником!

- Я поторопилась! - охотно подтвердила я свою ошибку, видя, как изменился в лице Агилар. - Это было необдуманное решение, принятое под внезапным порывом неопределенных чувств и в состоянии сумасшествия!

- Сегилим, - расцвел Агилар, широко открывая мне объятия. - Иди ко мне, саксаульчик!

Что-то тут не то. Я не поняла: с чего это воин из рода Ясарман так подобрел? Ветер в пустыне поменялся?

- Аксакальчика возьмете? - высунулся из-за бархана Веселый Дервиш. Воздел к небу обе руки, трясая козлиной бородкой. - Всегда нужен совет старшего!

- Нет!!! - в один голос отказались мы с Агиларом и довольно переглянулись. - В этом деле мы обойдемся без советов и комментариев.

- Мы бы взяли, - намекнул Рашид, прикладывая руку к сердцу. Блестя глазами, обратился к хитрому... ой, мудрому старцу: - В наших шатрах всегда найдется лишний кусок лепешки.

- Он не пойдет, - надула я губы. Обвиняюще ткнула пальцем в направлении лукаво улыбающегося дервиша: - Он только по мою душу ходит! Задушил уже своей заботой. Придет, выдаст что-то невразумительное и быстро смоеется, пока расшифровывать не заставили.

- Пророчества следует разгадывать самим! - обиделся Веселый Дервиш. Поучительно

изрек: – Иначе они перестают быть пророчествами.

– Скажите, почтеннейший, – мне пришла в голову интересная мысль, – а медовый месяц мы можем провести без вашего пристального внимания?

– Безусловно, – благосклонно отреагировал старик. – Для такого дела я, так и быть, потерплю.

– Агилар! – спустилась я вниз, расталкивая бедуинов, и с разбегу запрыгнула к своему воину на руки. Заявила решительно и твердо: – Хочу поставить тебя в известность! Наш медовый месяц будет длиной в жизнь! Его! – ткнула я себе за спину.

– Я бессмертный, – ехидно сообщил Веселый Дервиш.

– Это же и прекрасно, – сладко улыбнулась я, прижимаясь к своему мужчине и млея в его крепких объятиях. – Значит, он будет длиться вечно!

– Для тебя все, что пожелаешь, нафасим, – прошептал мне в волосы Агилар, прижимая к себе и унося к своему жеребцу.

– Амариллис, – растерялся Рашид, окликнув меня под дружный ропот остальных. – А как же мы?

– А у вас все в порядке, – высунулась я из-за плеча Агилара. – Сами уже большие, разберетесь. К тому же у вас есть Веселый Дервиш. Должен же он хоть кого-то доставать пророчествами! – Оглянувшись в сторону копытного с длинными ушами, посоветовала: – Вы его со своим пророком сведите. Они вам вместе такого напроорчат – ни один шайтан не расшифрует!

– Ваш пророк – неуч! – надулся старик, сдавая задом. – По-человечески не может ни одно пророчество до людей донести! Вот, например, пророчество о вашей деве должно было звучать так! – Он приосанился, а ослик выпрямил уши и приготовился внимать.

Что ждет людей за окончательным пределом – Вопрос непрост, на помощь тут приходит вера. Как жаль, что, получив ответ на сей вопрос, Никто его обратно не донес, –

с подвыванием закончил старик. – Или так:

Звала гоняться рыба наперегонки: «Хочу проплыть с арыка до реки». «А коль поймают нас, – тут гусь ей отозвался, – Зажарят хоть и посреди реки!»

Кочевники восторженно зацокали языками. Старик промолвил презрительно:

– А он вам что сказал?

– Придет дева, дитя пустыни, – быстро протараторил Азиз. – И принесет нам благоденствие.

– Вот! – поднял вверх корявый смуглый палец Веселый Дервиш. – Все разжевал! А где соль?

– Где? – вытаращились на него кочевники.

– Уматывай быстрее, – шепнула я Агилару. – Пока он им на уши лагман вешает.

Воин внял моему предложению и быстренько закинул меня на коня и запрыгнул сам, пока Веселый Дервиш удерживал внимание кочевников, приседая им на уши и долбя хлипкий мозг.

Старик поймал мой взгляд, игриво подмигнул и показал большой палец. Я незаметно кивнула в ответ. Мы прекрасно поняли друг друга.

– А теперь скажи мне, исталган... – начал выяснять отношения Агилар, лишь только мы отъехали подальше.

Я подумала: зачем человеку портить карму, если Творец и без того наказал его такой мамой, – и поцеловала.

На какое-то время желание задавать вопросы у Агилара отпало. Его затмило другое желание. Мы уже непонятно куда ехали... Жалко, что вокруг была куча нукеров и конь никак не раскладывался в кровать. Мне подумалось: «Надо бы вывести такого волшебного коня или верблюда, который...»

- Господин, - осторожно приблизился начальник отряда. - Если мы направляемся домой... - С намеком: - То нам в другую сторону.

- Горе мне! Я с тобой последний разум потерял, - оторвался от меня Агилар и развернул коня в нужном направлении. И опять за курицу деньги: - И все же позволь узнать...

Я не позволила и снова заткнула ему рот поцелуем.

В результате кто-то взял нашего жеребца под уздцы, и мы могли спокойно рассказывать в поцелуях, как мы друг по другу соскучились. Создали целую поэму. И еще одну. И еще... Кое-кто тонко намекал, что его предки умудрялись делать ЭТО прямо на скаку, в седле. Я не повелась, и мы снова вернулись к литературным изысканиям в чувственной поэзии...

Если честно, я даже не заметила, как мы добрались до дворца.

Помню только громадные удивленные глаза встречавшихся нам по пути людей, когда Агилар практически бежал, неся меня на руках. Правда, с завидной периодичностью пытался пристроить на любой плоской поверхности, но к счастью - или к несчастью, нам постоянно мешали посторонние. Они, как на грех, лезли нам под ноги, доставая глупыми вопросами и еще более идиотскими взглядами.

Это не дворец, это муравейник какой-то! Сплошное столпотворение! Я передумала: хочу в пустыню!

В итоге, когда мы добрались до покоев моего суженого, занялась ало-огненная заря. Начиналось утро. Впрочем, приход светлого дня мы по большому счету почти не заметили, потому что муж... ну или будущий муж... затащил меня в свою личную купальню, а там окон нету, только специальные узкие вставки слюды у самого потолка. Зато тут было много воды, горячей и прохладной, стояло в углу широкое ложе с наброшенными шелковыми простынями, блюда с фруктами на мраморном столике.

Странно зашуганные слуги притащили нам в покои дымящиеся блюда с бараньим пловом и другими яствами, тоже горячими и вкусными. Принесли - и тут же испарились, как ночь в часы рассвета.

Но нам было ни до чего.

- Быстро! - пробормотал Агилар, отрываясь от моих губ и пытаясь стащить шаровары.

Мы были словно в любовном чаду.

- Медленно, - не согласилась я, мигом стаскивая с него рубашку.

- Ага! - выскочили из темного угла, будто из засады, довольные Ширин и Саид. Радостно: - А мы тут прячемся!

- Зачем? - нахмурился мой мужчина, крайне недовольный тем, что нам помешали.

- Так когда мы вам сказали, что Амариллис не сбежала, как вам сообщили... - пустился в объяснения Саид, стараясь не смотреть на неприкрытую меня.

- Короче, - потребовал Агилар.

- Длиннее, - не согласилась я. - Кто кому чего сказал?

- Мне доложили, что ты сбежала, - неохотно признался Агилар. - Мама...

- А? - У меня невольно открылся рот от безмерного удивления.

Нет, вы подумайте! Какая наглость! Я - сбежала?! Они бы еще придумали версию «сбежала с мужчиной». И тут пришло понимание - да ведь наверняка именно так эту

версию и озвучили! Что там положено рабыне за измену или побег? Смертная казнь, да?! Не крысами-скорпионами, так руками разъяренного любимого мужчины?! Ну и свекровь... стервь наиредчайшая!

Видя мою потрясенную реакцию, Агилар поспешно добавил:

- Но я не поверил.

- Это тебя и спасло, - вздохнула я. Проехалась по ушедшей мамочке: - Нет, я догадывалась, что у коварства твоей мамы есть предел. - Яростно: - Но не догадывалась, что он за линией горизонта!

- Да, я знаю, - повинился возлюбленный. Мрачно произнес: - Мой вызов тоже был ложным. Меня просто требовалось убрать на время, необходимое для твоего устранения.

- Какое разочарование их, должно быть, постигло, - фыркнула я, плотоядно рассматривая его тело.

- Кхх, - кашлянул Саид. - Так когда вы уехали на поиски, мы тут спрятались, чтобы нас не заметили.

- А теперь, будьте любезны, - нахмурилась я, окидывая парочку выразительным взглядом, - спрячьтесь в другом месте. Надолго! У нас дела.

- Какие?

Ну и кто тут у нас такой наивный?

- Пойдем, - потянула евнуха за рукав Ширин.

- А мои обязанности?! - упорно не сдавался обычно кроткий и послушный Саид. Начал: - У меня в первый раз за все время такая важная подопечная, а я никак не могу выполнить свои прямые обязанности.

Агилар низко зарычал, уподобляясь горному льву.

- Потренируйся на Ширин, - ехидно посоветовала ему я. - А сейчас дай мне немного расслабиться!

- Массаж?.. - тут же подскочил ко мне евнух, взирая с та-акой надеждой.

Я чуть не выругалась.

- Нет, - помотала я головой. - Мне... э-э-э... нужно снять напряжение.

- Долгий массаж? - тут же поправился Саид и стал деловито закатывать рукава.

- Они соединятся, - не выдержала Ширин и сделала при том поясняющий жест, уволакивая Саида из купальни.

Ну да, ну да... Куда там! До некоторых никогда не доходит, хоть кувалдой по голове бей.

- Тогда я помогу раздеться! - настаивал евнух, цепляясь за косяк. Настырно: - Я должен выполнить свой долг по отношению к своим господам.

- Лапа моя, - простонала я, обращаясь к Агилару, который из-за наших препирательств начал уже натурально звереть. - Дай ему что-нибудь выполнить, а то, если я сейчас выйду из себя, меня будет трудно найти!

- Выполняй, - обреченно позволил муж, прислонясь лбом к моему лбу.

Когда мы обоих радетелей о моей телесной целостности и здоровье с грехом пополам вытурили, солнце поднялось еще выше и стало ощутимо припекать. От узких полосок слюды потянулись солнечные зайчики. В купальне стало светлее.

Нетерпеливый Агилар, которого мне с трудом удалось удержать от казни надоедливой компании, уже давно стоял раздетый до штанов (Саид мигом подсуетился, чтобы

уменьшить его раздражение, и сейчас торопливо протягивал ему стеганный шелковый халат). Ширин была изгнана в коридор под крики: «Сам быстрее все сделаю!» – и ревнивые взгляды в сторону моих доверенных лиц. Правда, не так скоро, как ему хотелось.

Ладно еще Саид... он мужчина все-таки, хоть и чисто теоретически. Но, по-моему, Агилар уже и к Ширин начал меня ревновать! Вон как сверкал глазами, которые из синестальных стали почти черными, в ее сторону! Казалось, еще мгновение – испепелит!

– Так ты никуда не доехал? – полюбопытствовала я, пока тут колготились Саид и Ширин.

– Почему? – спокойно сказал Агилар. – Доехал и даже решил все вопросы. – Кривая усмешка и короткая пауза. – Скажу по секрету: не совсем так, как мечтала моя почтенная матушка...

– А как? – проявила я несвойственное мне любопытство.

– Видишь ли, – замялся он. – Мне кажется, мое состояние и должность для тебя не столь важны...

– Короче, – нахмурилась я, подозревая очередную неприятную каверзу.

– Ты сможешь жить в доме, гораздо меньшем, нежели этот дворец? – прямо спросил Агилар, отводя глаза.

В чем дело? Мне показалось или его гложет стыд?

– Еще короче, – раздула я ноздри.

– Мне пришлось отказаться от должности, – как в холодную воду бросился мой мужчина. – Я подарил этот дворец визирю как откуп за расторгнутую договоренность, и...

– И?.. – Мне не понравилась заминка, что-то неправильным в его поведении показалось. Каждое слово из мужа приходилось буквально выдавливать, будто под пыткой.

– И, согласно высочайшему приказу, мне нужно будет через два дня уехать на границу, чтобы возглавить местный гарнизон, – с отчаянием в голосе признался Агилар. Скупое пояснил, каменя лицом: – Я жив и свободен, но в опале до конца дней своих без права посещения столицы и крупных городов.

– Одному?! – еще сильнее нахмурилась я. С нотками зарождающегося гнева, подавляя в себе рычание: – Уехать без меня, одному?!

Сразу захотелось чьей-то крови. Много!

– Там опасно, – сжал челюсти Агилар, становясь предельно серьезным. Нежно погладил меня по плечу, словно маленькую девочку утешал. Повторил: – Очень опасно. На границе идут постоянные стычки с кочевыми племенами, и тамошний сосед, владыка Хунира, – наш враг.

– Очень опасно – это в твоём гареме! – весело фыркнула я, обвивая его шею руками. – Настоящий гадючник! Кобрятник! Эфник! Э-э-э... серпентарий!

Агилар робко улыбнулся. Но больше всего мне сказали полные счастья глаза.

– А очень-очень... я бы сказала, смертельно опасно – это рядом с твоей драгоценной мамочкой! Жить с ней – все равно что в пещере, полной скорпионов и змей. – Я прижалась к сильной мужской груди: – Так что я с тобой хоть на край света...

Меня стиснули в объятиях до посинения и вылезших из орбит глаз.

– Я не смел надеяться, что ты согласишься, – сбивчиво сказал Агилар. – Мне больше нечего тебе предложить. Все мое состояние уйдет на откуп нашей свободы...

– погоди, стой, – с усилием разжала я его руки. Взяла в ладони родное лицо и поймала его лихорадочный взгляд: – Меня волнует только твое душевное состояние. И если ты

предложишь мне себя, то это предел моих мечтаний. Это самое ценное, самое важное и главное, что мне от тебя нужно.

- Я люблю тебя, Амариллис, - сказал тихо мой мужчина, отдавая меня теплом своего чувства. - И все за это отдам.

- Я выйду за тебя замуж, - улыбнулась я, ощущая в груди зарождающийся свет, в котором так долго не могла признаться даже самой себе.

- Завтра, - сказал Агилар, обхватывая мое лицо так же, как я его, и поглаживая щеки большими чуткими пальцами. - Завтра мы дадим друг другу брачные клятвы.

- Завтра я предъявлю на тебя свои права, - сыто пообещала я ему, наклоняясь к его губам. С явным намеком: - А сегодня вспомни, что у тебя есть обязанности...

Глава 34

Говорят, что любви все возрасты покорны. Возможно. Но вот покорна ли всем возрастам любовь?

И Агилар вспомнил обязанности, но совершенно не те, на которые я намекала. Все же мой муж... странно и непривычно как-то слышать это слово – мой будущий муж проявил себя как сверхзаботливый. Я и сама не ожидала.

- Жонман, тебе нужно поесть.

- Не хочу, я устала. - Не буду же я ему объяснять, что пресыщена его эмоциями и кровью врагов! Меня никто с такими заявлениями не поймет!

- Надо.

У него мелко тряслись руки, скулы сводило от желания, но Агилар сначала собственноручно накормил вкусностями, бережно вкладывая мне в рот каждый кусочек и попутно перехватывая что-то сам. Лишь потом, омыв и вытерев узорчатым полотенцем ладони и лицо, он позволил себе притянуть меня поближе и заглянуть в глаза:

- Сегилим...

И я растаяла в грозовой синеве.

Он коснулся кончиками пальцев моей скулы и нежно провел ими вниз, легко касаясь ключиц и очерчивая декольте. Медленный жар стал распространяться по моей коже, заставляя изнывать от жажды любви. Сразу как-то позабылось о том, что совсем недавно я вдоволь наелась эмоциями ужаса врагов, исчезла память о щедром завтраке... Изнутри меня пронзал особый голод – жгучая, жизненно важная потребность в моем сероглазom мужчине.

По-моему, с ним происходило что-то похожее... Но Агилар и тут остался верен себе. Он сунул мне в руку чашку со знакомой розовой жидкостью:

- Выпей!

Я отрицательно замотала головой. К чему это? Он сам, один его внешний вид действуют на меня почище всякой любовной отравы, которую только придумало человечество.

Агилар был серьезен и настойчив:

- Прошу! - Вздохнув, неохотно признался: - Нафасим, я так сильно желаю тебя... у меня совсем нет сил на прелюдию. Боюсь повредить тебе... Умоляю, выпей.

Немигающий взгляд красивых глаз подействовал на меня сильнее, чем дудочка факира на кобру. Правда, шататься из стороны в сторону побоялась: мало ли, вдруг голова закружится, – зато горьковато-сладкую водицу выхлестала как миленькая, сама не заметила когда. И счастливо расслабилась в объятиях любимого человека. Да я бы сейчас точно так же под этим взглядом съела, понюхала, выкурила и заглотила любую дрянь: яд, толченное стекло – лишь бы он на меня так еще смотрел!

Тем более что, по совести, в розовой водичке отравы таки была. В нее щедро подлили что-то изошренно-смертельное. Абсолютно убойное. Способное одной порцией, наверное, завалить верблюда или слона. Нет, стадо верблюдов или слонов!

А вдруг его отхлебнет Ширин? Или мужу взбредет в голову попробовать?

Подумав об этом, я наклонилась и под удивленным взглядом Агилара прихватила отдельно стоящую бутылочку со снадобьем.

- Милая, а не многовато ли буде... - Вопрос пропал втуне.

Одним махом высосав отраву до самого дна, до капельки, я удовлетворенно вздохнула:

- Мням! - Пояснила охотно: - Захотелось чего-то такого... розово-остренького...

Муж только головой покачал. Сказал с ласковым укором, вставая и направляясь к ложу:

- Глупенькая... маленькая птичка на ветвях моего сердца...

Я согласно покивала и, развернувшись, вызвала низкий продолжительный стон. Агилар попытался взять надо мной верх и припер к стене, перехватив мою руку и сковывая две мои своей одной. Поцелуй в шею был легким и мимолетным, почти безобидным. Но меня он обжег чувственным огнем так, что ослабели колени.

Агилар поднял голову. В лукавом прищуре глаз цвета грозового неба таилось обещание грядущих любовных безумств, но расширенные зрачки говорили много больше. Тело мужа сотрясала мелкая дрожь, дыхание участилось. И не понять, кто тут охотник, кто добыча - все дьявольски переплелось.

Теперь мужская рука удерживала мои запястья, а вторая медленно и эротично опускалась вниз. А у меня в ушах зазвучали рифмованные строчки, которые - я точно знала! - будут написаны много лет спустя:

И все-таки - что ж это было? Чего так хочется и жаль? Так и не знаю: победила ль? Побеждена ль? Побеждена ль?..

Теперь, пойманная, будто птичка в силках, с бьющимся сердцем и подгибающимися ногами, уже изнемогала я.

Не то чтобы я не могла вырваться из цепкого захвата или у меня не хватало сил, просто... было что-то необычно пикантное в том, чтобы почувствовать себя слабой, хрупкой и оберегаемой. Любимой - этого слова никогда раньше не было в моем лексиконе, и теперь оно пришлось мне по вкусу. Я мысленно катала его на языке, наслаждаясь терпковато-сладким послевкусием темной спелой ягоды, словно чем-то запретным и греховным. Таинственным.

Творец благой, как же хорошо, как чудесно ощущать рядом это твердое, сильное тело любимого мужчины, перевитое канатами мышц и сухожилий. Как тепло и сладостно.

Агилар, словно нерушимая скала, нависал надо мной, поедая глазами. И начал раздевать. В самом деле, чем скорее разденемся, тем раньше приступим!

И когда я уже окончательно не держалась на ногах и закатила глаза, постанывая и повисая на нем, он отпустил мои руки, сдернул расстегнутую ранее одежду, свою и мою, и... потащил в воду. Поначалу, не разобрав, что он собирается делать, я возмущенно взвизгнула, забилась, разочарованно впиваясь ногтями в чувствительное местечко на предплечье.

Но распаленного мужчину это не остановило, скорее наоборот, я бы сказала, весьма подстегнуло.

- Нафасим, - прошипел Агилар, рывком заходя со мной в теплую воду бассейна, - ты так нетерпелива! - И самодовольно усмехнулся.

Нахальный самодур! Тиран!

И быть бы моему красавцу за проявленное мужское самодовольство жестоко и больно укушенным, да... Я не успела понять, как он это сделал, но он уже меня облапил и начал жадно целовать. От звуков этой райской сладкой музыки я пропала.

Разум мой, и без того нестойкий и легко подверженный тлетворному влиянию, под воздействием странной малиново-алой жижи, которой я на сей раз действительно ощутило перебрала, сделал мне ручкой и удалился в неведомые дали. Зато наружу вылезли опасные для окружающих инстинкты! А я взяла и назло всем отпустила их на волю. Пусть попасутся, когда еще такая возможность представится!

И началось...

Агилар не понимал, даже не догадывался, что натворил, подпоив меня своим зловредным наркотическим средством. Я перестала управлять обменом энергий, превратившись в чистое излучение своих состояний. Лично мне оттого было невероятно

хорошо: еды много не бывает. Остальным? Судить не возьмусь. Не думаю.

Но сделанного не воротишь. К тому же мы скоро отсюда уедем, и я, мысленно махнув рукой на грядущие неизбежные неприятности, просто плыла по течению. Обхватив рукой шею любимого, обняла его талию ногами и активно поучаствовала в творимом безобразии.

Весело хихикнув про себя, я обмякла в руках Агилара, когда он медленно и тяжело, будто пьяный, выбирался со мной на руках из воды. Нас штормило и шатало, мы плелись, словно улитки, стремясь к заветной цели.

Нет, я, конечно, могла бы поменяться с ним местами и легко доволочь до лежбища. Запросто. Но, во-первых, уж очень сильно обожралась и меня банально развезло, а во-вторых – мой воин, мой сильный мужчина бы этого не понял и однозначно расценил подобное предложение как личное оскорбление.

Поэтому пришлось мне прикинуться немощной и проехаться самую чуточку верхом. Всего лишь до кровати. А жаль... каталась бы так и каталась.

Мы улеглись на отдых на устланном шелком и бархатом ложе. Что-то мне подсказывало: на сегодня наше развратное времяпровождение далеко не закончено.

М-да... бедные горожане не знали, что с того дня была открыта новая страница в истории города!

Так и вышло. Сон уставших любовников (с мужской стороны) был коротким и плодотворным. Действие местной отравы повыветрилось, и я перестала бояться, что вместе со мной древнюю науку любви вновь станут массово постигать порядочные горожане. Да и наелась я изрядно.

Поразительно! Проснувшийся Агилар был в довольно-таки игривом настроении. Он славно развлекся, пощекотав мне пятки и подколенки пуховкой и доведя до истерического смеха.

Моему любимому было невдомек, что смех мой был вызван совсем не щекоткой, которой я совсем (ну, почти совсем!) не боюсь, а его искрящейся радостью.

Вырваться не стала, но как только он в очередной раз сложил из меня какую-то особо хитрую композицию, напряженно вскрикнула, с немалым удовольствием наблюдая, как будущий супруг начал суетиться, развинчивая меня обратно и восклицая:

– Как ты? Тебе не больно? Я тебе ничего не повредил?

А зачем щекотал и выкручивал, спрашивается? Чтобы показать – его, мужское, сверху? Ну так сверху, я ж не против. Меня такая диспозиция вполне устраивает. Я люблю ярко чувствовать переживаемые партнером эмоции. Если ему так больше нравится – пусть: ему больше радости – у меня полнее и насыщеннее удовольствие, сытней еда и ее меньше нужно.

Но испуганный Агилар обращался со мной теперь будто с фарфоровой статуэткой.

Я мигом заскучала. Шайтан! Нет, так мы не договаривались! Он меня с кем-то пугает! Его страх сделать мне больно перекрыл страсть и нежные чувства. Не годится.

– Агилар, если будешь так слабо меня любить, найду кого-то еще, – в шутку пригрозила.

Выскользнув из объятий дорогого ревнивца-питона, у которого после моей фразы отнялся дар речи и прорывалось только змеиное шипение, я решительно устроила своему мужчине медленную сладкую пытку, двигаясь о-очень плавно.

Это я удачно меру воздействия подобрала. В самый раз.

Мой любимый при таком раскладе долго не продержался, сразу вышла на поверхность хищная сторона натуры – и вот я уже лежу на спине, туго спеленатая его руками и прижатая к простыням могучим мужским торсом:

- Моя! Слышишь! Никогда! Никому не отдам! Жизнью клянусь!

А потом мы ели сладкую халву, угощались кисленькими рубиновыми зернышками граната и пили по глоточку легкое розовое вино. Время летело незаметно. Объятия сменялись поглаживаниями, а те – бесстыдными поцелуями.

Мы иступленно-настойчиво исследовали тела друг друга, узнавая каждую пядь, каждую косточку. Не знаю, что произошло, но все это время мой партнер почти не уставал, и я молча возносила хвалы Творцу в благодарность за то, что мне достался столь страстный и неутомимый мужчина.

Я честно пыталась открыть рот, чтобы задать несколько вопросов, которые, как мне казалось, нужно было выяснить. Но на мои, замечу – вполне невинные, расспросы он слегка смутился и сделал вид, что занят, быстро затыкая рот поцелуем. Привешивал на уши, грудь, шею и тонкую талию массу звенящих украшений. Даже на ноги золотые бубенцы цеплял.

Несколько раз Агилар отлучался к двери и шепотом давал какие-то указания Саиду. О чем именно, я не слышала, но догадывалась. Потом возвращался и...

Он словно не мог насытиться. Мне казалось, его раздирают страх и тревога, но, как истинный мужчина, он не мог позволить себе поделиться ими со слабой женщиной и поэтому переводил их в плотскую чувственность. Переплавил в секс. В целый океан секса.

Мням! Какой это был десерт – самый лучший!

Что ж... мне грех жаловаться. С таким мужчиной я никогда не буду голодать. Мало кто из ныне живущих способен дать женщине столько любви. Агилар мог. После серии подобных заплывов с краткими перерывами на отдых я внезапно прозрела и поняла, зачем будущему мужу понадобился когда-то гарем.

Ни одна нормальная женщина не выдержит такого напора. По моим оценкам, понадобится хотя бы десяток одалисок. Неудивительно, что дамы за него в гареме передрались, словно весенние кошки. Я сама первая на очереди! Не подходи – зашибу! За него глотку порву. МОЕ!

А пока под звон драгоценных монист я растворялась в любимом человеке и растворяла сама его внутренние глубинные страхи, ожесточенную тревогу и скрытую печаль. И пусть у меня нет отца-визиря и я не ношу за спиной богатого приданого, но у меня есть нечто гораздо более важное – нечеловеческие силы и способности. И все это к его услугам. Всегда.

Потому что не только я принадлежу ему, его рабыня и госпожа, но и Агилар – мой раб и господин, отданный своей волей и трижды повенчанный со мной кровью. Мой. Навечно мой.

Мой!

К вечеру в нашу спальню заявили со странно блестящими глазами молчаливые слуги, двигаясь так, словно каждого переехала тяжело груженная арба.

На мой вопрос: «Что случилось?» – они почему-то мялись, смущались, начинали неразборчиво блеять и дружно краснели.

Но тут пришли Саид с Ширин, тоже раздумавшиеся и смущенные. Я спросила их тоже. И услышала в ответ:

- На нас свалился день святой Ишарис, который случается один раз в году.

Я была заинтригована:

- Что же это за день такой?

Саид с мечтательной улыбкой отвернулся, Ширин покраснела, а слуги – так те просто побагровели. Даже скулы моего мужа окрасил легкий румянец, пробиваясь сквозь

смуглую кожу. Не поняла, что же я такого у них спросила?

Ширин подошла, склонилась к моему уху и... развеяла шепотом все сомнения. Я нервно закашлялась, в свою очередь смущаясь и краснея. И было отчего!

Оказывается, мои расчеты на выветрившееся зелье ни капельки не оправдались. Слишком много, видать, той гадости досталось. И так, на этот раз с нами пировал весь город! Без исключения. Даже невинные девы. Никого не пропустила дикая стихийная сила.

В стенах города творился та-акой срам... сплетничать будут еще лет сто, наверное.

Улицы опустели. Базар и лавки позакрывались. Центр города обезлюдел, переживая волны нашего экстаза. Гаремы поразбегались. Кошмар!

Н-да-а, натворили дел. Чую, на будущий год населения в городе ощутимо прибавится. Бедный визирь, теперь ему после нас с этим происшествием год разбираться.

Я замотала головой вслед своим мыслям. Нет, не бедный! Этот гад пытался забрать у меня Агилара, а когда не смог, ограбил и раздел его догола! Хмыкнула, успокаиваясь: так ему и надо! Не мужу - визирю, само собой разумеется. Пусть разгребает. А мало покажется - пару разиков приедем в гости инкогнито!

И с нежной улыбкой нахально сообщила прислуге:

- А мы та-ак утомились... весь день проспали и ничего этого не застали. Какая жалость!

Слуги удивленно подняли головы, а Ширин и Саид смущенно закашлялись. Ага! Так и есть, подслушивали. Но поскольку перечить господам мои доверенные лица побоялись, то и сохранили опасное знание при себе.

Глава 35

Для некоторых чужая спина воспринимается как мишень. Нет ножа – вонзают зубы.

Я проснулась глубокой ночью от странных, мелодичных звуков. Тихо выскользнула из кровати, стараясь не разбудить утомленного Агилара, и вышла в сад.

В саду на мраморной скамейке сидела прекрасная призрачная женщина, сжимая изящную мандолину в тонких руках, украшенных длинными, разрисованными алыми и темно-синими разводами когтями. Изумительный голос звал и пленял, заставляя стремиться к ее ногам:

Опустишь бессильно на колени, Попрошу у Вышнего покой. Мне уже не стать твоею тенью, Захлебнусь я черною тоской...

– Дочь моя, – допев до конца станс, опустила мандолину женщина, обращаясь ко мне. – Уже давно пора вспомнить! Ты разочаровываешь меня и своего отца.

– Упс! – хлопнула я ресницами. – Так я не сирота? У меня родители есть?

– Конечно есть, – нахмурила тонкие брови призрачная женщина.

Она протянула мне руку и вручила маленькую рогатку. Вещь, которую она дала мне, не выглядела дорогой – обыкновенная мальчишеская рогатка, только металлическая, но металл был теплый и приятно грел руку. В основании развилки была вытеснена маленькая печать.

– Милая, это камертон для поиска волшебных камней, он дался нам невероятно дорогой ценой, но без него ты никогда не сможешь освободиться. Поэтому береги его как зеницу ока.

Я спросила, на пробу легонько царапая ногтем необычный подарок:

– Зачем это мне? Что это такое?

– Потом все узнаешь. А пока запомни: тебе нужны камни – осколки душ, и отыскать их очень нелегко. Осколков нужно собрать ровно девять. Самый главный, самый ценный среди них, – голубой алмаз, чистая душа без изъянов. Его можно найти и получить во владение только по доброй воле. Когда ты соберешь все камни – позови нас с папой, и мы поможем тебе наконец вернуться к нам домой. Мы так по тебе тоскуем!

Пока я пыталась осознать значение этого камешка и переваривала неожиданно полученную информацию, красавица внезапно сменила тон:

– И твои родители крайне недовольны, что ты до сих пор болтаешься тут без памяти и бьешь баклуши!

– Ну-у, я хоть что-то бью, – пожала я плечами, не испытывая ни малейших родственных чувств. Видимо, они еще не проснулись. – И вообще... я замуж выхожу.

– Мы знаем, дочка, – заверила меня женщина, сверкнув багровыми глазами (глазами назвать это великолепие просто грех!). Вздохнула и пожала плечами. – Конечно, на мой взгляд, ты бы могла сделать партию и получше, с твоими-то возможностями... Но уж что есть, то есть... В конце концов, за тысячелетие в первый раз кто-то согласился взять на себя ответственность за твою судьбу!

– Я что, такая старая и такая страшная, что меня никто брать не захотел? – ужаснулась я, отмахиваясь обеими руками. Выдала, кривясь и гримасничая: – Это как я Агилару свой возраст скажу?

– Ты ведь женщина! – надула пухлые губы моя собеседница. Пренебрежительно-снисходительно: – Скажи ему, что только-только начинаешь расцветать! Не уточняя, что для этого тебе понадобилась тысяча лет.

– Да ладно, – безнадежно махнула я рукой. – Может, у меня уже старость неподалеку маячит?

- Будешь лениться, - ткнула в меня пальчиком гостя, - еще и не то замаячит!

Она подплыла ко мне, прижалась. Легко погладила по лицу, заглядывая в глаза:

- Питайся хорошо, качественно и вовремя. Не забывай принимать витамины...

- Обязательно. В последнее время я изо всех сил налегаю на железо, - кивнула я, проникаясь ценными указаниями и кутаясь во внезапно возникшее тепло от нахлынувших чувств.

- Мы с папой за тебя волнуемся, - призналась женщина, касаясь призрачными губами моего лба. Шепнула: - Ты уж тут поосторожней... Не разнеси этот мир, чтобы нам не было за тебя стыдно.

- Договорились, - потупилась я, смущаясь.

- И мы с тобой договорились, - закончила женщина. - За тобой будет присматривать Веселый Дервиш. Он...

- Э-э-э... - распахнула я глаза. - А можно переиграть? Взять кого-то еще? А то он как-то странно присматривает!

- Веселый Дервиш, - строго сказала женщина, становясь еще призрачней, - делает все правильно! Он не дает твоим мозгам превратиться в кашу!

- Точно, - кивнула я. - Потому как сам делает из них шаулю!

- Мы волнуемся за тебя, ребенок, - всхлипнула женщина и тихо испарилась, оставив меня в одиночестве мучиться раздумьями: если за тысячу лет я только расцвела до ребенка, то когда же я заколошусь или заплодоношу?

- Амариллис! - раздался встревоженный голос проснувшегося Агилара, прервавший мои раздумья. - Ты где?

- Здесь, - отозвалась я, возвращаясь в спальню.

Что-то удержало меня от рассказа о появлении призрачной мамы. Я так себе подумала: Агилар от этого счастливее не станет. Он же наивно полагает, что женится на сироте. Ну да, ну да. Угу. Тысячелетней!

- Что-то случилось? - привстал на локте Агилар.

- Ага, - кивнула я. - У меня эта... свадебная порка... гонка... нет, горячка... опять не то... О! Лихоманка!

- Ты имеешь в виду - лихорадка? - светло улыбнулся Агилар, протягивая ко мне руку. - Иди сюда, любимая, я тебя вылечу.

- Скорее залечу до полного нестояния, - фыркнула я, но пошла к нему в руки без заминки.

Против моих ожиданий меня просто уложили с собой рядом и убаюкали, ласково поглаживая по волосам и укачивая в сильных объятиях.

- Спокойной ночи, хоним, - прошептал Агилар мне на ухо.

Я сладко зевнула, обвила его крепкую шею руками и свернулась в клубок у него на груди, греясь в лучах светлого чувства.

Утром нас разбудили ворвавшиеся в комнату Саид и Ширин. Они притащили какие-то тазики, кувшинчики и ворох тряпья.

- Что такое? - сонно моргнула я. - У нас пожар?

- У нас твоя свадьба! - нависла надо мной Ширин, оперев руки в худенькие бока. - А ты еще не мытая, не выщипанная... ах да! - не покрашенная и не одетая!

- Все можно опустить, кроме последнего, - приказал Агилар, вставая без малейшего стыда и надевая протянутый Саидом халат.

После чего наклонился ко мне, поцеловал легким касанием и сказал:

- Встретимся в саду Золотых Лилий, сегилим. Мне тоже нужно подготовиться.

- Не перестарайся, - пробурчала я, скрывая напавшую на меня сентиментальность.

И что эта дрянь ко мне прилипла? На розовую воду, что ли, приманилась?

Через несколько часов и спустя целую марафонскую дистанцию моих нервов меня все-таки притащили в сад Золотых Лилий, где уже все было готово к ранней церемонии бракосочетания. Под сенью полотняного навеса в креслах сидели судья и служитель Творца, попивая зеленый душистый чай.

Вокруг открытого шатра носились, играя в догонялки, Кемран и Марьям.

Вообще все было очень красиво.

Порхали разноцветные бабочки, неся за собой блестящие шлейфы пыльцы. Жужжали деловитые шмели и работающие пчелы. Стрекотали кузнечики, спрятавшиеся в высокой траве. Радовали разнообразными красками цветы, увивавшие навес и шатер.

Я ступала босыми ногами по траве, наотрез отказавшись надевать обувь. Мне казалось, я должна прийти к своему мужчине босая, чтобы лучше ощутить связь с землей. Посему я не желала надевать головное покрывало, дабы скрыть по обычаю лицо. Мне нечего стыдиться. Но Ширин пообещала мне прибить покрывало гвоздиками, если я не надену сама. А вот гвоздики было жалко. И так железа в доме почти не осталось, а их я запланировала на вечернюю закуску вместо семечек.

Красное, расшитое золотой нитью и жемчугом платье и легкие шаровары меня безумно красили. Шелковое головное покрывало, на которое сверху накинуто еще одно, из тонкого газа, подчеркивало мраморную бледность кожи. Мои волосы оставили распущенными, только расчесали и скрепили золотым обручем с жемчугом и рубинами.

В ушах, на шее, на пальцах, на груди, на запястьях и щиколотках позвякивали многочисленные драгоценные украшения. Поберегись! Это я иду к своему счастью! Не стойте на дороге, а то зашибу ненароком!

Агилар стоял около шатра, переговариваясь с важными лицами.

Я не отказала себе в удовольствии пробежаться по нему жадным взглядом собственности. Сегодня он был одет мне под стать. Только костюм изумрудно-зеленый с золотом.

Увидев меня, Агилар широко улыбнулся, изогнул черную бровь и протянул руку, подзывая к себе.

- Мы готовы, почтенный, - обратился мой мужчина к служителю Творца, крепко сжимая мою ладошку.

Служитель расплылся в улыбке и быстро-быстро забормотал положенные к этому событию слова. После чего раскрыл ладони и призвал Агилара произнести свои клятвы. Я знала, что сейчас он должен был подтвердить свое намерение скрепить себя узами брака со мной.

Для этого было достаточно одного-двух слов. Но Агилар повернулся ко мне и, сжав мои руки, громко и внятно произнес:

- Я каждый день благодарю Творца за то, что он послал тебя ко мне. Я неустанно возношу ему дары и молитвы, чтобы он оставил тебя со мной. Жизнью своей клянусь служить тебе. Честью своей клянусь оберегать тебя. Здоровьем своим клянусь чтить тебя. Будь благословенна. Твоя жизнь превыше всего для меня. Я люблю тебя, Амариллис.

Его слова сумели открыть в моей душе какую-то незаметную створку, через которую в этот мир пришла моя любовь. По моим щекам катились крупные слезы, когда я, высвободив руки, откинула накидку, чтобы встретиться с ним взглядом.

- Я люблю тебя, - прошептала я, изливая на этого мужчину лавину своих давно потерянных чувств.

Чувств, которых я не испытывала ни к кому доселе. Так подсказывала моя интуиция. Агилар был единственным, кому я подарила свою истинную любовь. И единственным, чью власть я могла добровольно признать над собой.

Его глаза расширились, когда он осознал, что наконец получил то, к чему так давно стремился. Между нами произошло волнение, настоящий вихрь, буря, шторм чувств. Его и моя любовь встретились, переплетаясь в неразрывный жгут, и устремились в небо, где взорвались метафизическим салютом, окатывая окружающих крупинками любовного волшебства.

Именно здесь, на этом пятачке сада, творились чудеса.

У судьи разгладились мешки под глазами и радостно заблестели глаза. Помолодевший слугитель Творца растерянно оглаживал ставшую более густой бороду, из которой исчезла седина. Саид потрясенно водил пальцами по внезапно покрывшемуся темной порослью волос подбородку и полоске щетины над верхней губой. Счастливо искрились зеленые глаза порозовевшей Ширин.

Но больше всего этих брызг неожиданно досталось Кемрану и Марьям. Как только первые капли попали на дядю, он замер, заторможенно глядя вдаль. Рядом так же безмолвно стояла Марьям, судорожно стискивая в руках конец головного покрывала.

Я почему-то знала: сейчас перед каждым из них широким живописным полотном пронесется вся их жизнь, чтобы показать и затем стереть их ошибки или залечить старые душевные раны.

Судорожный вздох Марьям. Поворот ее головы в нашу сторону и осмысленный взгляд.

Женщина смахнула прозрачные слезы, опустила на колени и склонила голову, безмолвно благодаря меня за возвращение разума без душевной боли.

Рядом с ней на одно колено встал изменившийся внешне и внутренне Кемран. Его черты лица словно потекли, меняясь, и внезапно застыли, став другими. Вроде бы существенно ничего не изменилось, но в то же время пропало отталкивающее впечатление. Исчез взгляд трусливого ненасытного шакала, сменившись уверенным и гордым взглядом тигра.

- Благодарю, госпожа, - тихо сказал дядя, не опуская головы и не пряча глаз, ставших темно-карими с зелеными искорками. - За то, что указали на мои грехи и прошлые ошибки. И более всего - за то, что дали возможность их исправить.

- Как воспользуешься этим? - помимо воли шевельнулись мои губы. - Куда приложишь новые силы, воин?

- Вся моя жизнь принадлежит Родине, - уверенно ответил Кемран. - Родине и... - Он повернулся и посмотрел в упор на поразительно красивую женщину, которая находилась рядом: - Марьям.

- А она согласна? - Сейчас с ним говорила не я. Сейчас с ним напрямую говорила сама любовь моими устами.

- Марьям, - повернулся к коленопреклоненной женщине изменившийся человек, - ты окажешь мне честь, став моей женой?

- Да, - тихо пронеслось по саду легкое дыхание.

И рядом с нашей парой встала вторая.

Да, у меня была скромная свадьба. Не было рядом стыдливо краснеющих подружек. Не хлопали по плечам жениха его подтрунивающие друзья. Не плакали расчувствовавшиеся родственники. Но для меня это была сама лучшая свадьба на свете.

Я смотрела в любимые глаза цвета грозового неба и отчетливо понимала: моя жизнь началась с этого мужчины и закончится им же. Мы неразрывно связаны не только кровью. Мы неразрывно сплетены душами. Теснее связи просто не может быть.

- Люблю, - еле слышные слова.

Два сердца, две души, два человека - и одна большая любовь... Я ожидала своего поцелуя и даже потянулась навстречу.

- Агилар! - раздался звучный голос из глубины сада. - Где ты, дружище?

- Иди сюда, - разорвал зрительный контакт Агилар и повернулся в ту сторону. - Раздели со мной радость, друг!

Из-за шатра показался высокий статный вельможа в дорогом парчовом наряде, по виду сверстник моего мужа. Чуть грубоватые черты лица с лихвой компенсировались прекрасными глазами, в которых сейчас плескались ярая злоба и лютая зависть.

Незнакомец испугал меня до колик. Страшное, темное начало его сути излучало вокруг зло, выбрасывая вперед невидимые щупальца, словно протуберанцы. Я поняла ясно: он маг в чужом обличье, и он не человек. Но кто же он, кто? Шайтан? Ифрит? Джинн? Злой дух? И как сказать об этом мужу, не разрушив нашего взаимного доверия?

Мужчина, не отрываясь, жадно смотрел на меня, и в нем явственно разгоралось сильное, выворачивающее кишки и сжигающее жаром мозг вождение. По крайней мере мне это было вполне заметно и очевидно. От него просто шибало волнами такой страшной темной похоти, что хотелось от нее бежать далеко-далеко и где-то надежно укрыться.

Я впервые в жизни по своей воле опустила на лицо плотное покрывало и склонила голову, невольно прячась за ширмой от неприятного гостя.

- Познакомься, Керим, - радовался появлению друга Агилар. - Это моя жена, Амариллис. Моя путеводная звезда и яркая искорка во тьме долгой ночи.

- Польщен знакомством, уважаемая хоним, - улыбнулся вновь прибывший. Осторожно взял меня за руку, заручившись разрешением супруга. Пафосно произнес: - Долгих лет здравствовать вам, госпожа, и хорошего мужа!

Поздравление, граничащее с оскорблением. Вот только радостный, счастливый, полный любовью Агилар этого не понял. Я вскинула взор, и мою спину обдало морозом: в жестоких сапфировых глазах чужака светилось обещание занять место Агилара...

Эпилог

- Многие события, - рассказывал старик, сидя на веранде старой чайханы, симпатичному лопухому ослику, - люди строят своими собственными руками, не думая о последствиях.

Ослик согласно кивнул и переступил копытцами.

- И сейчас наша бедная девочка, - продолжил Веселый Дервиш, - будет расхлебывать то, что заварил ее доверчивый недальновидный муж.

Ослик пригорюнился, прикрывая печальные глаза мохнатыми ресницами и отгоняя хвостом кусачих мух.

- Только один человек, призванный так не вовремя! - сердился старик, прихлебывая из старой, потертой пиалы душистый чай. - И вся история поменяла свой ход. Вместо долгой и счастливой жизни дитя войны и любви получит множество горьких уроков и пройдет по всем кругам чистилища в поисках своего счастья. Которое будет так далеко и так близко.

О времена, о нравы! Ведь ныне как? Держись подальше от людей и от весомых благ. Тот, на кого ты с верой положился в этот раз, открой глаза: Ты думал - друг, всмотрись, ведь это злейший враг.

- Иа-а! Иа-а! - впервые подал голос симпатичный ослик, двигая своими лопухими ушками, как ножницами.

За многие километры и столетия старый уродливый карлик разогнулся и отошел от рабочего стола, потирая ноющую спину. В самом центре столешницы горделиво стоял большой алый кристалл, заливая своим сиянием огромную мастерскую.

- Ну вот, - удовлетворенно пробормотал чародей, оглядываясь на стоящую в углу клетку. - А ты говорил, что не получится. Еще как получилось! Теперь наша девочка практически в моих руках.

Тощий, облезлый горностаи на эту речь высунул горячий сухой нос из клетки, фыркнул и спрятался, болезненно приволакивая лапы. В углу клетки лежали нетронутыми сырое мясо и вода.

- Не хочешь слушать? Ну-ну! - довольно хохотнул чернокнижник. - А придется! - Строго и жестко: - Алартиль, хочешь уморить себя голодом - дело твое. Только я ведь властью твоего наставника все равно перейти черту жизни не дам.

Зверек свернулся в клубок и прикрыл нос хвостом.

- Гордый какой! - пробурчал колдун. И тут же воодушевился, глядя на кристалл: - Смотри! Видишь, как пылает? Она сорвала все печати и теперь горит в ночи на много миль вокруг, как сигнальный маяк. Завтра же отправлюсь за ней - чем скорее, тем лучше.

Зверек безмолвствовал.

Чернокнижник пожал плечами:

- У меня еще десяток заказов простаивает... Бизнесмены, полудемоны, фейри, колдуны высшей пробы! Никто с ними, кроме нашей девочки, не справится. Заодно и тебя кому-нибудь из них подарю... в хорошие руки, так сказать.

Горностаи не пошевелился.

- Да ты не печалься, - издевательски засмеялся карлик. - Вы еще с ней встретитесь. Я просто весь в предвкушении! - И, добавив зловеще: «В одной клетке сидеть будете...» - вышел.

- Ничего у тебя не выйдет, старый осел! – гневно прошипела красивая блондинка с глазами цвета алого заката, отодвигая от себя шар видений. – Не бывать моей дочери у тебя в рабстве, посмотришь! Она создана для радости и веселья, и она их получит!

Леди хлопнула в ладоши и отдала указания набежавшим помощницам. Вскоре она, нарядная и надушенная, выходила из дворца, направляясь в резиденцию правителя.

Сноски

1

Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, использованы стихи авторов по мотивам произведений Омара Хайяма.

2

Песня «Есть на Волге утес», слова и музыка Александра Навроцкого.

3

Европейское название - бастинадо. Изошренное наказание или казнь, которые заключаются в нанесении ударов тростью, плетью или ремнем по ступням и пяткам.

4

На местном языке - «вперед».

5

На местном языке - «любимая».

6

На местном языке - «желанная».

7

На местном языке - «мое дыхание».

8

На местном языке – «Госпожа».

9

На местном языке - «шлюха».

10

На местном языке - «старуха».

11

На местном языке - «дорогая».

Приведенные в виде песен стихи написаны Юлией Славачевской.

На местном языке - «каприз».

Александр Блок «На поле Куликовом».

15

Стихи Юлии Славачевской.

16

Разновидность длинной, тонко нарезанной лапши с подливой или сваренной на бульоне, национальное среднеазиатское блюдо.

Парафраз знаменитых строк Марины Цветаевой «Кто был охотник? Кто – добыча? Всё дьявольски-наоборот!» из стихотворения «Под лаской плюшевого пледа...».

Стихотворение «Под лаской плюшевого пледа...» Марины Цветаевой.

20

Стихи Юлии Славачевской.

21

Шауля - узбекская рисовая каша с мясом.